

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

20 ЛЕТ ДЕЙСТВИЯ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
УРОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

*Тезисы докладов и сообщений международной
научно-практической конференции
(26–28 мая 2022 г.)*

Омск
ОМА МВД России
2022

УДК 343.1
ББК 67.629.3
Д22

Редакционная коллегия:

Булатов Б. Б. — доктор юридических наук, профессор;
Дежнев А. С. — доктор юридических наук, доцент;
Коробкова Е. Е. — кандидат юридических наук (зам. председателя);
Павлов А. А. — кандидат юридических наук, доцент (председатель);
Пилюшин И. П. — кандидат юридических наук, доцент;
Путьшева Л. А. — кандидат юридических наук, доцент (отв. секретарь).

Д22

20 лет действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: уроки и перспективы : тезисы докладов и сообщений международной научно-практической конференции (26–28 мая 2022 г.) / пред. редкол. А. В. Павлов. — Омск : Омская академия МВД России, 2022. — 236 с.

ISBN 978-5-88651-795-8

В сборнике публикуются научные труды, подготовленные профессорско-преподавательским составом Омской академии МВД России, иных образовательных организаций и практикующими юристами. Рассматриваются актуальные вопросы уголовно-процессуальной науки, проблемы практики применения уголовно-процессуального законодательства.

Предназначено для научно-педагогического состава образовательных организаций МВД России.

УДК 343.1
ББК 67.629.3

ISBN 978-5-88651-795-8

© Омская академия МВД России, 2022

РАЗДЕЛ I. ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Н. В. Азарёнок

Уголовно-процессуальная защита жертв «домашнего» насилия в контексте исключения дел частного обвинения из УПК РФ

Согласно подготовленному в 2021 г. Пленумом Верховного Суда РФ проекту федерального закона преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 115, ст. 116¹ и ч. 1 ст. 128¹ УК РФ планируется перевести в разряд дел частного-публичного обвинения, т. е. в ч. 3 ст. 20 УПК РФ, а ч. 2 ст. 20 УПК РФ, предусматривающую производство по частному обвинению в уголовном процессе, признать утратившей силу, как и все иные корреспондирующие ей нормы Кодекса¹. В частности, подлежат исключению ч. 6 ст. 144 УПК РФ, чч. 1 и 2 ст. 147 УПК РФ, ч. 3 ст. 249, ст. 318 УПК РФ, 319 УПК РФ, чч. 3, 5, 6 ст. 321 УПК РФ и ч. 4 ст. 389¹² УПК РФ. Кроме того ликвидируется такой участник уголовного производства, как частный обвинитель (п. 47 ст. 5, п. 59 ст. 5, ст. 43 УПК РФ). В результате обозначенные составы будут по-прежнему возбуждаться не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя, но, в отличие от действующего порядка, положение о прекращении уголовного производства в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым из разряда императивного указания приобретет диспозитивный характер решения, принимаемого по усмотрению правоприменителя.

В обоснование предлагаемых изменений Пленум Верховного Суда РФ указал, что «ныне существующий статус частного обвинения позво-

¹ О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116¹ и частью первой статьи 128¹ Уголовного кодекса Российской Федерации)» : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2021 г. № 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ляет закрывать такие дела в связи с примирением сторон, что не позволяет в предусмотренной Конституцией РФ и международным законодательством мере защищать права потерпевших»². Одним из аргументов в пользу указанных нововведений является позиция Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) по данной проблеме. В частности, в своем постановлении от 9 июля 2019 г. по жалобе № 41261/17 «Володина против Российской Федерации» ЕСПЧ указал, что проблема «домашнего» насилия является общей и «оказывает в различной степени влияние на все государства-члены и которая не всегда проявляется, поскольку часто имеет место в рамках личных отношений или в узком кругу и касается различных членов семьи, при этом подавляющее большинство жертв — женщины. В связи с этим обращается внимание на особую уязвимость жертв „домашнего“ насилия и необходимость активного участия государства в их защите...»³.

Позиция ЕСПЧ в целом сводится к следующим ключевым положениям. Во-первых, речь идет прежде всего о проблеме «домашнего» насилия, что является лишь частью преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 115, ст. 116¹ и ч. 1 ст. 128¹ УК РФ, в этом плане было бы весьма кстати привести в пояснительной записке Верховного Суда РФ статистику о том, какой процент данных преступлений совершается в «домашних» условиях. Во-вторых, проблема «домашнего» насилия не всегда проявляется, поскольку часто имеет место в рамках личных отношений или в узком кругу, т. е. эти преступления из-за указанных особенностей не всегда удается выявить соответствующим органам. В-третьих, во многом из-за уязвимости жертв «домашнего» насилия и необходимости активного участия государства в их защите порождается проблема государственного противодействия указанному насилию, которое должно выражаться главным образом в оказании помощи таким жертвам, чтобы они не оставались один на один с преступниками.

Таким образом, ЕСПЧ указывает на обязательное участие государства в выявлении случаев домашнего насилия и создание эффективных правовых инструментов, позволяющих людям не чувствовать себя беззащитными и не бояться заявлять об этом. Поэтому необходимо убедить

² Там же.

³ *Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116¹ и частью первой статьи 128¹ Уголовного кодекса Российской Федерации)»*. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/29852/> (дата обращения: 11.12.2021).

жертв таких преступлений, что насилие в отношении них — это не только их личное дело, но и общественное, так как напрямую затрагивает нормальное социальное развитие, т. е. общественные интересы.

ЕСПЧ акцентирует внимание юридической общественности на отдельной проблеме дел частного обвинения — выявлении таких преступлений, совершаемых в «домашних» условиях, не ставя при этом под сомнение целесообразность сохранения данного порядка в целом.

Однако предложения Пленума Верховного Суда РФ не направлены на ее устранение, поскольку при переводе указанных преступлений в разряд частно-публичного обвинения возбуждение уголовного дела по-прежнему будет возможным при наличии заявления потерпевшего. Нежелание жертв «домашнего» насилия обращаться в компетентные органы делает затруднительным как выявление рассматриваемых преступлений со стороны государственных органов, так и их последующую работу с потерпевшими в случае возбуждения уголовного дела. Любому практикующему юристу известно, что безынициативность или даже противодействие со стороны пострадавшего может стать непреодолимой силой для привлечения виновного к уголовной ответственности.

Таким образом, предлагаемый Пленумом Верховного Суда РФ законопроект, несмотря на благие намерения его инициаторов, к сожалению, не в состоянии принципиально повлиять на ситуацию с «домашним» насилием в нашей стране. Очевидно, что необходимо искать другие варианты решения данной проблемы. В частности, следует обратить внимание на то, что действующий УПК РФ позволяет государственным органам возбуждать уголовные дела, указанные в ч. 2 ст. 20 УПК РФ, и при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя, если данное преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы (ч. 4 ст. 20 УПК РФ). В юридической литературе отмечается, что «это вполне объяснимо, ведь если гражданин не может самостоятельно поддерживать обвинение, то эту функцию берет на себя государство, обеспечивая производство предварительного расследования компетентными органами. В этом случае применяются и другие правовые механизмы, присущие делам публичного обвинения: участие в деле государственного обвинителя, возможность прекращения дела в связи с примирением сторон только в предусмотренном ст. 25 УПК РФ порядке (в то время как для прекращения дела частного обвинения достаточно заявления потерпевшего о том, что он больше

не желает поддерживать обвинение, примирился с обвиняемым, и надо лишь выяснить, является ли это заявление добровольным, осознает ли потерпевший его правовые последствия)»⁴.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ только за 2019 г. в суды поступило 12 592 уголовных дела частного обвинения (т. е. по ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 116¹ и ч. 1 ст. 128¹ Уголовного кодекса РФ), из них 7278 возбуждены по заявлениям граждан, поданным в соответствии со ст. 318 УПК РФ, или по заявлениям, переданным из других органов, а 5314 поступили с обвинительным заключением, актом, или обвинительным постановлением либо с ходатайством органов предварительного расследования о прекращении уголовного дела, т. е. после проведенного предварительного расследования⁵. В 2020 г. общее количество таких преступлений составило 10 876, из них 6034 возбуждены по результатам непосредственного обращения граждан в суд, тогда как 4842 прошли через стадию предварительного расследования⁶. Приведенная статистика указывает на то, что государственные органы активно используют предоставленные им ч. 4 ст. 20 УПК РФ возможности по защите прав и законных интересов лиц, потерпевших по такого рода делам.

При этом в ч. 4 ст. 20 и ч. 8 ст. 318 УПК РФ говорится не только о беспомощном, но и о зависимом состоянии потерпевшего. Зависимость может сложиться на почве родственных отношений, быть обусловлена подчиненностью по службе, определяться характером социальных взаимоотношений, характеризоваться материальной подчиненностью и т. п.⁷

Таким образом, действующий уголовно-процессуальный порядок производства по делам частного обвинения предусматривает возможность государственной защиты прав и свобод потерпевшего по соответ-

⁴ Муллахметова Н. Е. Обеспечение прав и законных интересов потерпевших по делам частного обвинения на стадии возбуждения уголовного дела // Викимология. 2021. Т. 8. № 1. С. 47–55.

⁵ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2019 г. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/F1-svod_vse_sudy-2019.xls (дата обращения: 01.10.2021).

⁶ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2020 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 01.10.2021).

⁷ Волторнист О. А., Забуга Е. Е. Критерии определения зависимого и беспомощного состояния при решении вопроса о возбуждении уголовного дела частного (частно-публичного) обвинения при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя в порядке ч. 4 ст. 20 УПК РФ // Законодательство и практика. 2014. № 2(33). С. 58–59.

ствующим преступлениям и при отсутствии заявления потерпевшего. Это положение как раз и направлено на решение проблемы, которая, по мнению Пленума Верховного Суда РФ, является причиной ликвидации производства по делам частного обвинения.

Совершенствование же данного производства согласно позиции ЕСПЧ должно вестись путем создания условий для того, чтобы такие жертвы не чувствовали себя беззащитными, например, через привлечение адвоката по назначению, как в случае с несовершеннолетним потерпевшим, не достигшим возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего (ч. 2¹ ст. 45 УПК РФ), а также преодоления латентности указанных преступлений через возбуждение такого рода дел и при отсутствии заявления пострадавшего по ч. 4 ст. 20 УПК РФ, например, при обращении соответствующих специализированных органов (опеки и попечительства, уполномоченного по правам человека, уполномоченного по правам ребенка и т. д.).

А. С. Александров

Вечно вчерашние: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, его писатели и читатели

«Других писателей у меня для вас нет»

И. В. Сталин

Осмысливая историю разработки, принятия и применения УПК РФ, убеждаешься в правоте сентенции, приписываемой Столыпину: «В России за десять лет меняется все, а за двести лет ничего не меняется».

Сотни поправок, изменивших многие процедуры, создавших новые институты, были внесены в текст УПК РФ за двадцать лет с момента его вступления в силу. А по сути, устройство уголовно-процессуального механизма принципиально не изменилось по сравнению с советской уголовно-процессуальной моделью. И даже по сравнению с досоветской — русской моделью уголовного судопроизводства имперского периода.

Не изменилось главное — следственное досудебное производство по уголовному делу с господствующей следственной властью, которой позволено обвинять и доказывать. Этим предопределяется и самый тип уголовного судопроизводства. У нас, образно говоря, «хвост крутит собакой», т. е. следственная власть «крутит» судебной, несмотря на все декларации о независимости и объективности последней.

Обвинительный уклон — реальность, которую трудно отрицать. Понимаю начальников, в силу своего положения обязанных оправдывать существующее положение вещей. Труднее понять коллег-ученых, представляющих бóльшую часть научного сообщества, которые являются приверженцами следственной идеологии и не хотят перемен.

За прошедшие два столетия судебных реформ было много, «великих» и малых. А вот с досудебным производством никак не получается ничего сделать. Реформа предварительного расследования — главная «судебная» реформа — так и не была проведена в нашей стране, хотя разговоры о ней постоянно ведутся.

Реформаторство без реформ. Это симптом неизменности устройства власти и ее отношения к обществу и человеку в нашей стране, как бы она ни называлась: Российская империя, Советский Союз, Российская Федерация. Плохой симптом.

УПК РФ стал продолжателем советских УПК и УУС в том, что только модернизировал следственный профиль. Его следственная конструкция была «морально устаревшей» уже на момент принятия. Но УПК РФ был обречен на то, чтобы воспроизвести в новых исторических условиях прежнюю следственную модель отношений человека и власти. УПК РФ был обречен на этот ход ч. 3 ст. 67 Конституции 1993 г. Обречен авторитарной государственно-правовой традицией, правовой культурой, которую не изменила либеральная риторика. Ведь проекты УПК РФ, которые были разработаны Генеральной прокуратурой, Минюстом, отделом судебной реформы Государственно-правового управления Президента Российской Федерации (С. Пашин), имели различия в деталях. Но ни один из них не покушался на то, чтобы переустроить досудебное производство.

Ведь даже в Концепции судебной реформы 1991 года¹, задававшей курс правовой политики в условиях наибольшей либерализации политического режима, несмотря на много написанных правильных слов, институт предварительного следствия не ставился под сомнение. Более того, его постулировали в качестве главного гаранта законности досудебного производства. Сказалось влияние академика М. С. Строговича — через представителей Института государства и права АН СССР, бывших в числе ее главных разработчиков.

Таким образом, других вариантов, кроме воспроизведения следственной модели, у «законодателя», вернее, у авторов текста УПК РФ

¹ О Концепции судебной реформы в РСФСР : постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44, ст. 1435.

не было. Они были полностью в «следственной парадигме». Ограничены ею в реализации своих замыслов состязательной направленности. Поэтому состязательность осталась на уровне декларации, не подкрепленной конкретными техниками, вроде «перекрестного допроса», например.

Право не может быть выше порога правовой культуры «верхов» и «низов». Значит таков был наш уровень культурно-правового развития на момент разработки проекта УПК РФ и его принятия. Прошло двадцать лет. Изменилось ли что-то? Ответ будет скорее отрицательным. Ничего не изменилось.

Вообще пик развития русской уголовно-процессуальной доктрины, правовой культуры пришелся на конец XIX — начало XX вв. Тогда Россия была в шаге от создания конституционной монархии, была настоящая политическая система с настоящими партиями, свободная пресса. Но, в отличие от Японии, Российская империя не стала изменять устройство верховной власти. Отсюда и разница в результатах, наиболее ярко проявившаяся в 1905 г.

Устав уголовного судопроизводства в свое время был на уровне европейских правовых стандартов. Тогда русский законодатель взял за основу французский вариант правовой организации предварительного расследования, который считался наиболее прогрессивным. Сейчас таким образцом для наших партнеров, в том числе для Казахстана, Киргизстана, является *германская модель*. Но ее в равной степени можно считать и итальянской, и голландской, и датской. Это общеевропейский стандарт, который не принят только в нескольких государствах с романской правовой системой: Франции, Испании, Португалии.

Подчеркну, что это не англосаксонская модель, как принято считать. Это унифицированная общеевропейская модель, которую предлагают западные страны всем желающим приобщиться к западной цивилизации.

У нас есть свой, альтернативный цивилизационный проект «русского мира». В области уголовного процесса он, очевидно, воплотился в Модельном уголовно-процессуальном кодексе для государств — участников СНГ (1996 г.). Однако политика мягкой силы оказалась нам неподходящей. Власти утратили к ней интерес, а других инструментов, которые есть у наших конкурентов (фонды, гранты и пр.), не образовалось. В результате мы проиграли борьбу за свой «уголовно-процессуальный проект» даже в масштабах СНГ. Большинство стран СНГ пошло другим путем, предложенным им Западом.

Уже в 2001 г. сомнений относительно судьбы предварительного следствия у меня не было. Каким не быть предварительному следствию² и какой быть обвинительной системе³, я понял еще до принятия новых кодексов в Балтии, Грузии, Украине и других постсоветских государствах. Добавлю, что к такому же выводу приводит и изучение текстов классиков русской уголовно-процессуальной мысли Н. В. Муравьева, Н. Н. Полянского, П. И. Люблинского и др.

Конечно, не все однозначно плохо в отечественном уголовно-процессуальном хозяйстве. Есть и достижения. Положительными новшествами можно считать институты досудебного соглашения о сотрудничестве и защиты свидетелей, потерпевших, иных участников процесса. Большим достижением стало введение судебного контроля в досудебном производстве, суда присяжных (переоценивать значение суда присяжных не стоит, не он определяет тип уголовного процесса).

Что касается попыток создания ускоренного производства, то они так и не увенчались успехом.

Даже постоянная работа властей по совершенствованию судебного механизма может считаться не столько заботой о человеке, сколько заботой власти о себе: ей необходим механизм, который, с одной стороны, позволял бы управлять правосудием, а с другой, в экстренных случаях, вмешиваться в него. Притом что обывателю, вовлеченному в процесс, трудно рассчитывать на существенные перемены в судебном решении, касающемся его.

Если же говорить об ошибках, сделанных за эти 20 лет, то главной из них была «реформа предварительного следствия и прокурорского надзора» 2007 г., которая ухудшила и без того плохую следственную модель: усилив всевластие органа предварительного следствия, выведя ее из-под *процессуального руководства прокурора*, который есть во всех развитых уголовно-процессуальных порядках. Ошибкой было и создание Следственного комитета РФ.

Повторю свою основную мысль. Корень проблемы — в двух институтах, которые и определяют тип процесса (следственный или обвинительный), а именно: обвинении и доказывании. Кто ими владеет, тот и господствует в уголовно-процессуальном мире. Если это следователь, то будет следственный процесс, если же эти институты будут в распоряжении сторон под кон-

² Александров А. С. Каким не быть предварительному следствию // Государство и право. 2001. № 9. С. 54–62.

³ Александров А. С. Понятие и сущность уголовного иска // Государство и право. 2006. № 2. С. 35–47.

тролем суда, то получится «обвинительный» или «состязательный» уголовный процесс. Коренной вопрос судебной реформы — это вопрос о порядке выдвижения обвинения и доказывания. Решение этого вопроса в пользу концепции обвинительной власти прокурора под судебным контролем означает одновременно ликвидацию следственной власти.

Я являюсь сторонником «Концепции комплексной организационно-управленческой реформы правоохранительных органов РФ», подготовленной Институтом проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге для Комитета гражданских инициатив совместно с фондом «ИНДЕМ»⁴. Это классическая процессуальная схема: полиция — прокурор — суд. Свою концепцию относительно должного устройства обвинения и доказывания я воплотил в проекте «Доктринальная модель»⁵. Для нормативистской, догматической науки этот проект оказался неприемлем. Но я чист перед судом истории. Сделал все, что смог.

Как заметил Президент России В. Путин, необходимо оценить опыт двукратного распада в XX в. российской государственности, чтобы не допустить третьего⁶.

Мой ответ на слова Президента будет таким. Этот двукратный распад произошел в том числе и из-за отказа от своевременного реформирования уголовно-процессуальной системы, которая лежит в основе правовой системы противодействия преступности. Тот, кто не реформировал своевременно уголовный процесс, проиграет. Так что надо провести, наконец, реформу предварительного расследования, при этом Следственный комитет должен быть ликвидирован.

А. М. Баранов, К. А. Наумов

Предъявление обвинения — исключительная функция прокурора

Концептуальные положения о месте и статусе прокурора во всех системах уголовного судопроизводства предполагают его уникальную компетенцию инициировать уголовное преследование, руководить им

⁴ Концепция комплексной организационно-управленческой реформы правоохранительных органов РФ / кол. авторов под руководством В. Волкова. СПб., 2013. 63 с.

⁵ Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и комментарии к ней / А. С. Александров и др. М., 2015. 304 с.

⁶ Путин В. В. Выступление на встрече со школьниками 1 сентября 2021 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66554> (дата обращения: 15.02.2022).

и поддерживать обвинение в суде¹. Подобный опыт с главенствующим положением прокурора постепенно внедряется в Республике Казахстан. В частности, в соответствии с совместным приказом Генпрокуратуры Республики Казахстан и МВД Республики Казахстан от 30 марта 2021 г. № 41/178 по пилотному апробированию механизма принятия решений прокурором по делам об убийствах по нераскрытым убийствам силами органов полиции проводится дознание, при установлении лиц, причастных к преступлению, создается межведомственная следственно-оперативная группа, которую возглавляет прокурор. В дальнейшем все ключевые решения (прекращение преследования, признание подозреваемым, квалификация деяния, избрание меры пресечения, составление обвинительного акта) по делу принимаются только прокурором².

Самобытное российское уголовное досудебное производство отличается декларативностью в этой части прокурорских полномочий, а выдвижение обвинения осуществляется следователями (дознавателями). В условиях отсутствия корреспондирующей обязанности руководителей следственных органов выполнять требования прокурора такое несовершенно конструирование прокурорского статуса нарушает баланс между целями прокурорской деятельности и предоставленными прокурорам средствами их достижения. В настоящее время прокурор не имеет права отказаться от уголовного преследования на стадии утверждения обвинительного заключения при наличии соответствующих оснований, выявленных в ходе изучения материалов при принятии решения в порядке ст. 221 УПК РФ. Такое положение создает парадоксальную картину, когда прокурор связан выводами следствия, выдвинувшего обвинение лицу, и вынужден поддерживать его от имени государства, активно предъявлять суду доказательства обвинения и аргументировать позицию досудебных органов. Существующий порядок предъявления обвинения наделяет статусом обвинителя следователя, задача которого — изобличить виновного и добиться от него признания, хотя сам следователь еще не проверил вывод о виновности.

УПК РФ отождествляет уголовное преследование и функцию обвинения (п. 45 ст. 5). Законодатель обвинением называет утверждение

¹ О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия: рекомендация NR (2000) 19 Комитета министров Совета Европы государствам-членам. URL: <http://docs.cntd.ru/document/90199642>.

² Концепция к проекту Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам внедрения трехзвенной модели с разграничением полномочий и зон ответственности между правоохранительными органами, прокуратурой и судом». URL: <https://legalacts.egov.kz/npa/view?id=6544630> (дата обращения: 16.02.2022).

о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном УПК РФ (п. 22 ст. 5). Под уголовным преследованием им понимается процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5).

В теории уголовного процесса царской России и в советский период ученые исходили из тождественности понятий «уголовное преследование» и «обвинение»³. В современный период мнения ученых разделились. Как полагает Н. Д. Сухарева, эти категории не тождественны. Уголовное преследование является более широким понятием и представляет собой процессуальную деятельность, посредством которой реализуется функция обвинения⁴. Ю. В. Козубенко считает, что «решение о привлечении лица в качестве обвиняемого начинается “создаваться” на самой первой стадии уголовного преследования — в ходе установления фактических обстоятельств дела, продолжает “развиваться” при выборе норм, подлежащих применению, и “вызревает», оформляется на последнем этапе уголовного преследования — при формулировании обвинения»⁵. По мнению А. С. Александрова и М. П. Полякова, обвинение в широком смысле совпадает с уголовным преследованием и на досудебных стадиях заключается в деятельности по подготовке уголовного иска⁶.

Изложенное подтверждает связь категорий «уголовное преследование» и «обвинение». Значит, право руководить уголовным преследованием вытекает из права возбуждать и поддерживать обвинение/уголовное преследование. Обвинение как уголовный иск от имени государства должен выдвигать прокурор на основании полученных в ходе расследования фактических данных. Право руководить уголовным преследованием реализуется прокурором при поступлении ему материалов расследования, на основании которых он либо отказывается от уголовного преследования и прекращает его, либо выдвигает обвинение и поддерживает его в суде (распоряжается им). Такой порядок исключает возможные споры между следственным органом и прокурором и обеспечивает посту-

³ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. СПб., 1996. Т. 2. С. 3–12 ; Строгович М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1951. С. 5, 60.

⁴ Сухарева Н. Д. Прекращение уголовного преследования на стадии предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2002. С. 54.

⁵ Козубенко Ю. В. Уголовное преследование: опыт комплексного исследования. СПб., 2006. С. 133.

⁶ Александров А. С., Поляков М. П. Уголовное преследование : лекция-консультация. М., 2002. С. 11, 13.

пательное движение дела от сообщения о преступлении до разрешения судом по существу.

Прокурор должен быть наделен полномочиями на возбуждение уголовного преследования по всем видам обвинения/уголовного преследования вне зависимости от тяжести преступления. Кроме того, прокурор должен обладать правом на уголовное преследование в ходе всего уголовного судопроизводства с момента его возбуждения, последующего расследования, выдвижения обвинения и поддержания его перед судом.

А. А. Давлетов

УПК РФ: 20 лет безуспешных попыток превратить адвоката-защитника в равноправную сторону уголовно-процессуального состязания

Авторы УПК РФ, перед которыми стояла задача разработки нового уголовно-процессуального законодательства, исходили из того, что советское уголовное производство было недемократичным, отвечало интересам тоталитарного государства и потому подлежало коренной перестройке. Идейная основа такого подхода была сформулирована в Концепции судебной реформы 1991 года¹ и ряде научных работ, в частности, докторской диссертации Е. Б. Мизулиной под характерным названием «Уголовный процесс: концепция самоограничения государства»².

В условиях политической конъюнктуры того времени за образец взяли англосаксонскую модель уголовного судопроизводства, поскольку его «краеугольным камнем» является состязательность, в которой реформаторы усмотрели «панацею», способную разом устранить все недостатки советского уголовного процесса.

Решение проблемы разработчикам нового Кодекса показалось простым: достаточно распределить всех участников по «треугольнику» состязательности, отказаться от установки на достижение объективной истины, усилить возможности стороны защиты; ввести суд в досудебное производство, закрепить состязательность в качестве принципа всей уголовно-процессуальной деятельности, и тогда наше уголовное производство станет таким же, как и на «просвещенном» Западе.

¹ О Концепции судебной реформы в РСФСР : постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Мизулина Е. Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства : дис. ... д-ра юрид. наук. Ярославль, 1991. 269 с.

В этой конструкции на первый план вышли полномочия адвоката-защитника по участию в доказывании. Авторы УПК РФ не решились претворить в жизнь концепцию «параллельного адвокатского расследования»³, ограничившись указанием на то, что защитник является субъектом собирания доказательств, и предоставив адвокату два новых «собираательных» права: а) опрашивать лицо с его согласия; б) привлекать специалиста для разъяснения вопросов (ст. ст. 53, 86 УПК РФ).

Однако в Кодексе не оказалось норм, регулирующих порядок производства этих действий и определяющих доказательственное значение полученных сведений. Поэтому в 2003 г. в ч. 2 ст. 74 УПК РФ появился п. 3¹, в котором заключение специалиста встало в один ряд с традиционными доказательствами. Но отсутствие ответственности специалиста за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УК РФ фактически лишило данное заключение значения полноценного доказательства.

При этом адвокаты столкнулись с повсеместным отказом следователей приобщать к уголовному делу материалы, полученные путем привлечения специалиста и опроса лица. В 2017 г. законодатель предпринял попытку исправить ситуацию, дополнив ст. 159 УПК РФ ч. 2², где прямо указано, что в ходатайстве защиты о приобщении к делу заключения специалиста не может быть отказано, однако оговорка «если обстоятельства, о которых она ходатайствует, имеют значение для дела» обесценила практическую полезность этой нормы. Лишь положения ч. 4 ст. 271 УПК РФ в определенной мере гарантируют допрос свидетеля и специалиста, вызванного стороной защиты в судебное заседание. Но и эта возможность в последние годы ограничивается решениями Пленума Верховного Суда РФ⁴.

Таким образом, можно констатировать, что к настоящему времени адвокат-защитник не только не стал субъектом самостоятельного собирания доказательств, но и не приобрел надлежащих правовых механизмов реализации тех «собираательных» возможностей, которыми его наделил законодатель в 2001 г.

Авторы УПК РФ попытались активизировать доказательственную работу защитника еще в одном направлении, обозначенном как «список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание со стороны защиты».

³ Мартынич Е. Г. Адвокатское расследование в уголовном процессе. Теоретико-методологические основы доктрины адвокатского расследования. М., 2009. 258 с.

⁴ Давлетов А. А., Чарыков А. В. Верховный Суд РФ «сворачивает» право адвоката-защитника привлекать специалиста в судебное следствие? // Российский судья. 2022. № 1. С. 60–64.

Согласно ч. 4 ст. 217 УПК РФ по окончании ознакомления с материалами уголовного дела следователь выясняет у защитника, какие свидетели, эксперты, специалисты подлежат вызову для допроса и подтверждения позиции стороны защиты. Далее в соответствии с ч. 4 ст. 220 УПК РФ к обвинительному заключению прилагается список подлежащих вызову в судебное заседание лиц со стороны защиты с указанием их места жительства и (или) места нахождения. В первоначальной редакции УПК РФ была норма, запрещающая прокурору при утверждении обвинительного заключения сокращать список лиц со стороны защиты (п. 3 ч. 2 ст. 221 УПК РФ), которая в 2007 г. была отменена. И, наконец, при назначении судебного заседания судья должен решить вопрос о вызове в судебное заседание лиц по спискам, представленным сторонами (п. 4 ч. 2 ст. 231 УПК РФ).

Эти положения дают некоторым авторам основание утверждать, что защитник вправе представить следователю список лиц, которые не были допрошены в предварительном расследовании, но известны адвокату как свидетели защиты, и следователь обязан внести этих лиц в обвинительное заключение, а суд в дальнейшем должен допросить их в качестве свидетелей⁵.

Однако практика демонстрирует полную несостоятельность данной конструкции. Ее нежизнеспособность объясняется тем, что, во-первых, следователь разрешает все ходатайства по своему усмотрению, исходя из значимости заявленного прошения для уголовного дела; во-вторых, «голословные» заявления защитника о каких-то известных ему, но не известных следствию свидетелях не отвечают требованию обоснованности и мотивированности ходатайств; в-третьих, если при ознакомлении с материалами завершенного предварительного расследования защитник обнаруживает, что конкретное лицо осталось недопрошенным в качестве свидетеля, то он заявляет ходатайство о его допросе.

При этом указанные положения УПК РФ находятся в противоречии с нормой, содержащейся в ч. 4 ст. 271. Остается неясным, какими требованиями должен руководствоваться суд: допрашивать свидетелей «по списку» или только тех, кто явился в судебное заседание по инициативе стороны защиты. Практика показывает, что правила ч. 4 ст. 271 УПК РФ чаще всего работают (да и то после выяснения относимости сведений, ко-

⁵ Чернов Р. П. Свидетельские показания как источник доказательств // Адвокат. 2005. № 5. С. 17–23 ; Рубинштейн Е. А. Включение в список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, свидетелей стороны защиты как способ представления защитником показаний свидетелей в суде первой инстанции // Адвокатская практика. 2015. № 1. С. 22–29 ; Машовец А. О. Проблема обеспечения фактического равенства сторон на стадии судебного следствия в уголовном процессе // Российский судья. 2017. № 11. С. 33–36.

торами располагает новый свидетель), тогда как норма о вызове и допросе лиц по спискам стороны защиты не реализуется.

Изложенное позволяет утверждать, что в наиболее значимом направлении — собирании и представлении доказательств — современный российский адвокат-защитник обладает весьма ограниченными возможностями, так как судьба полученных им сведений и материалов всецело зависит от усмотрения следователя и суда. В этом плане ни в досудебном, ни в судебном производстве защитник не выступает в качестве равноправной стороны уголовно-процессуального состязания.

Заметно иная картина с другими правомочиями адвоката: а) при участии в производстве процессуальных действий; б) при ознакомлении с материалами уголовного дела; в) по заявлению ходатайств и принесению жалоб⁶. Все они (разумеется, не без проблем) реально осуществляются на практике, позволяя достаточно эффективно защищать права, свободы и законные интересы уголовно преследуемого лица.

В связи с этим встает вопрос о том, почему одни права защитника, при всем желании законодателя, не реализуются, а другие успешно осуществляются.

Ответ на вопрос кроется в фундаментальных основах уголовно-процессуальной деятельности, определяющих ее принадлежность к тому или иному типу уголовного производства.

У англосаксонского уголовного процесса своя форма юридической деятельности, что обуславливает соответствующее место и роль защиты, а в уголовном процессе романо-германского типа другая система производства, и потому защитник в нем предстает в ином качестве. Этот фактор был проигнорирован разработчиками УПК РФ, что повлекло системную ошибку в урегулировании многих аспектов уголовно-процессуальной деятельности, в том числе статус в ней защитника.

В англосаксонском уголовном производстве защитник выступает исключительно стороной правового спора, так как вся его работа осуществляется перед судом в противоборстве с обвинителем. В континентальном процессе, в досудебном его этапе защитник — не сторона, а лицо, оказывающее квалифицированную юридическую помощь доверителю, которая продолжается в судебных стадиях, осуществляемых в процедуре состязательности. Поэтому задача дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства заключается не в продолжении бесплодных попыток превратить защитника в равноправного с об-

⁶ Давлетов А. А. Система полномочий адвоката по Закону об адвокатуре // Адвокатская практика. 2017. № 1. С. 3–7.

винителем субъекта англосаксонского производства, а в укреплении возможностей защиты в рамках исторической романо-германской формы отечественного уголовного процесса.

А. С. Дежнев

Направления оптимизации правового регулирования наложения ареста на имущество в уголовном процессе

В настоящее время вопросы, касающиеся защиты права собственности, становятся все более актуальными. Они имеют важное значение во многих сферах деятельности. При этом современный характер правового регулирования рассматриваемой области отношений далек от совершенства. Он плохо адаптирован к сложившимся социально-экономическим условиям. Многие положения, затрагивающие имущественную сферу, были фактически продублированы из УПК РСФСР 1960 г., рассчитанного на иной формат общественных отношений. Они не способны в полной мере обеспечить реализацию прав, предусмотренных Основным законом страны.

Существует неясность в определении оснований и сроков применения рассматриваемой меры принуждения. На этом фоне не выходящие за рамки закона решения органов предварительного расследования и суда иногда приводят к серьезным убыткам юридических лиц и предпринимателей. Такого рода последствия затрагивают интересы не только обвиняемых (подозреваемых), но и потерпевших, чьи права должны обеспечиваться в приоритетном порядке (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Имеющиеся противоречия, проявляясь в несовершенстве механизма ареста имущества, приводят к необходимости вмешательства в данную сферу Конституционного Суда РФ¹. Даже после принятия органом кон-

¹ См., напр.: *По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами ЗАО «Недвижимость-М», ООО «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой* : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 г. № 1-П // Рос. газета. 2011. 11 февр. ; *По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами ООО «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйdlена* : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П // Рос. газета. 2014. 31 окт. ; *По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115*

ституционного контроля ряда корректирующих решений говорить об устранении многих проблем в рамках заявленной темы исследования преждевременно.

Так, законодатель не дает развернутой дефиниции оснований наложения ареста на имущество. В части 1 ст. 115 УПК РФ акцент сделан на целях применения этой меры принуждения. Вместе с этим при наложении ареста на имущество суд должен учитывать конкретные данные, на основании которых он принял соответствующее решение. Связывая основания наложения ареста на имущество с фактическими обстоятельствами, разработчики УПК РФ ограничились достаточно общей, оценочной категорией. В таких условиях определение законности решения об избрании рассматриваемой меры принуждения во многом осуществляется без опоры на формальные предписания законодателя.

Указанное обстоятельство привело к конкуренции оснований наложения ареста на имущество. Каждое из них предполагает введение исчерпывающего объема ограничений. Так, при обеспечении гражданского иска ориентиром, как правило, выступает объем исковых требований, при штрафе — санкция соответствующей статьи УК РФ, при конфискации — преступный характер происхождения имущества, при других имущественных взысканиях — расходы, связанные с производством по уголовному делу. Указанные обстоятельства, хотя и вытекают из одной статьи закона (ст. 115 УПК РФ), но имеют существенные отличия. Данный фактор приводит к смещению целей уголовно-процессуальной деятельности в части принудительного воздействия на личность. Применение одной меры принуждения фактически рассредоточено в разных направлениях. Имеются основания для выделения указанных имущественных ограничений в самостоятельные сферы правового регулирования. Их индивидуальная нормативно-правовая регламентация позволит сократить недочеты законодательной техники при наложении ареста на имущество.

Основания наложения ареста на ценные бумаги также обладают спецификой. В статье 116 УПК РФ они не определены с исчерпывающей полнотой. В соответствии с положениями ст. 115 УПК РФ, учитывая их определяющее значения в исследуемой области, решение принимается при наличии в деле определенных фактических обстоятельств. Отсутствие конкретных формулировок, обуславливающих необходимость

наложения ареста на ценные бумаги, отчасти восполняется в других нормативных правовых актах. Как отмечается в письме Генеральной прокуратуры РФ², решение о наложении ареста на ценные бумаги может быть принято на основе доказательств, подтверждающих, что деньги или иное имущество, вложенное в ценные бумаги, получены в результате преступления, либо доказательств, подтверждающих причинение подозреваемым (обвиняемым) вреда, который подлежит возмещению. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на то, что данное определение сформулировано достаточно узко. Не учтены обстоятельства, связанные с обеспечением возможной конфискации имущества, вытекающие из ч. 1 ст. 104¹ УК РФ, а также обеспечением исполнения наказания в виде штрафа. В связи с этим требования, сформулированные в ст. 116 УПК РФ, нуждаются в корректировке.

В целом следует признать, что особенности наложения ареста на ценные бумаги, сформулированные в УПК РФ, далеки от совершенства. Они определяют правила работы следователя, дознавателя, судьи без учета множества специфичных аспектов, предусмотренных отраслевым законодательством, регламентирующим гражданский оборот указанного вида имущества. В связи с этим решение ряда проблем видится не только в законодательной корректировке отдельных положений ст. 116 УПК РФ, но и учете в правоприменительной деятельности соответствующей сферы правового регулирования.

В контексте исследуемой проблемы важно обратить внимание на неопределенность круга «других лиц» при принятии решения о наложении ареста на имущество (ч. 3 ст. 115 УПК РФ). Отсутствует ясность в правовом статусе данных субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Допуская применение к ним мер принудительного характера, законодатель не устанавливает возможные способы защиты их интересов. Между тем нельзя не учитывать то обстоятельство, что сам по себе арест имущества позволяет применять меры принудительного характера. Не исключено, что в ходе его производства могут ограничиваться интересы хранителей указанных материальных ценностей. Специальные полномочия, связанные с защитой их интересов, в УПК РФ не сформулированы. Полагаем, что этот недостаток законодательства нуждается в устранении.

² О направлении Методических рекомендаций «Основания и порядок применения временного отстранения от должности, наложения ареста на имущество и ценные бумаги, денежного взыскания»: письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 30 марта 2004 г. № 36-12-04. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

И. С. Дикарев

Уголовно-процессуальные особенности производства по уголовным делам о преступлениях террористической направленности

Опыт многих стран, столкнувшихся в течение последних десятилетий с террористической угрозой, убеждает в том, что терроризм превратился в глобальный вызов стабильному развитию как отдельных государств, так и мирового сообщества в целом. Осознание масштабности угроз, которые несет с собой террористическая деятельность, привело к появлению в научном обороте терминов «мировой терроризм», «глобальный терроризм» и др. От многих других деяний, запрещенных уголовным законом, преступления террористической направленности отличаются тем, что жертвами преступного насилия, сопровождающего терроризм, становятся не только отдельные граждане, но и «все общество, вся человеческая цивилизация»¹. Ответом на террористические угрозы стала активная законотворческая работа, направленная на формирование комплексной многоуровневой системы противодействия терроризму, что потребовало внесения изменений и дополнений в целый ряд отраслевых нормативных актов, в числе которых и уголовно-процессуальный закон. В частности, правоприменительный опыт производства по уголовным делам о преступлениях террористической направленности выявил необходимость адаптировать действующий общий порядок производства по уголовным делам к специфическим условиям, в которых производится расследование и осуществляется судебное рассмотрение таких уголовных дел. Выработка особенностей процессуальной формы производства по уголовным делам рассматриваемой группы составляет, по нашему мнению, элемент технологического обеспечения борьбы с терроризмом, представляющего собой «поиск путей противодействия терроризму и их реализацию в общественно-политической практике»².

Весь комплекс предусмотренных уголовно-процессуальным законом особенностей производства по уголовным делам о преступлениях террористической направленности можно разделить на несколько групп: 1) допускающие повышенный уровень ограничения прав и свобод лиц,

¹ Белая Е. В. Феномен терроризма в современном обществе : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2005. С. 2.

² Бутрин С. М. Политические технологии противодействия терроризму в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2006. С. 13.

в отношении которых осуществляется уголовное преследование; 2) направленные на выяснение специфических для данной группы дел обстоятельств, входящих в предмет доказывания; 3) императивно определяющие подсудность уголовных дел и состав суда.

Говоря об особенностях первой группы, необходимо прежде всего упомянуть увеличенную продолжительность срока предъявления обвинения лицам, подозреваемым в совершении преступления, в случае применения к ним мер пресечения (ч. 2 ст. 100 УПК РФ). В настоящее время продолжительность этого срока в случае обвинения лица в совершении ряда преступлений террористической направленности составляет 45 суток. Необходимость ограничения прав и свобод лиц, подозреваемых в совершении такого рода преступлений, обусловлена объективной сложностью расследования преступлений террористической направленности, в частности, террористических актов, требующих кропотливой работы по собиранию совокупности доказательств, достаточной для привлечения в качестве обвиняемого.

Существенно, в сравнении с общим порядком, ограничивается по уголовным делам о преступлениях террористической направленности и реализация принципа гласности. В науке уголовного процесса принято выделять два вида гласности: гласность перед сторонами и гласность перед обществом.

Ограничение гласности перед сторонами выражается в рассмотрении судом уголовного дела или разрешении в судебном заседании иного вопроса, относящегося к компетенции суда, в отсутствие какой-либо из сторон.

В связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма»³ и Федерального закона «О противодействии терроризму»⁴ ст. 247 УПК РФ была дополнена частями 5–7, регламентирующими проведение судебного разбирательства в отсутствие подсудимого, находящегося за пределами территории Российской Федерации и (или) уклоняющегося от явки в суд⁵. Несмотря

³ О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма : федеральный закон от 20 апреля 2006 г. № 56-ФЗ // Рос. газета. 2006. 25 апреля.

⁴ О противодействии терроризму : федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Рос. газета. 2006. 10 марта.

⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» : федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ // Рос. газета. 2006. 29 июля.

на свою антитеррористическую направленность, чч. 5–7 ст. 247 УПК РФ не содержат упоминания о преступлениях террористической направленности, а распространяются на более широкий круг уголовных дел. В качестве критерия допустимости заочного судебного разбирательства избрана категория преступления, вменяемого в вину подсудимому. Данный критерий распространяет возможность проведения заочного судебного разбирательства на уголовные дела о почти всех преступлениях террористической направленности, большинство из которых относятся к категориям тяжких и особо тяжких.

Ограничение гласности перед обществом выражается в рассмотрении уголовного дела судом при закрытых дверях, т. е. в запрете свободного доступа граждан в суд. Кроме того, как ограничивающее гласность в этом аспекте следует рассматривать и положение ч. 7 ст. 241 УПК РФ, согласно которому по ряду уголовных дел о преступлениях террористической направленности суд вправе оглашать приговор не целиком, а только его вводную и резолютивную части. Такой порядок оглашения приговора обусловлен как соображениями безопасности участников судебного разбирательства, так и стремлением избежать огласки использованных преступниками средств совершения преступления, их мотивов и идеологии. Обращает на себя внимание некоторая непоследовательность законодателя, не включившего в перечень преступлений, по делам о которых применяется правило, предусмотренное ч. 7 ст. 241 УПК РФ, уголовных дел об актах международного терроризма. Думается, такой порядок должен распространяться на случаи совершения актов международного терроризма (ст. 361 УК РФ), в связи с чем уголовно-процессуальный закон в этой части нуждается в совершенствовании.

Что же касается проведения закрытого судебного заседания по уголовным делам рассматриваемой группы, то оно допускается лишь по общим основаниям, указанным в ч. 2 ст. 241 УПК РФ. Если ни одного из этих оснований при рассмотрении конкретного уголовного дела о преступлении террористической направленности нет, суд обязан провести открытое судебное заседание. Однако нужно учитывать, что без широкой огласки, без открытого взятия на себя ответственности за совершенный террористический акт, а в ряде случаев — и без открытого предъявления требований терроризм попросту не может существовать⁶. В связи с этим законодатель должен стремиться максимально минимизировать информационный эффект, в частности, связанный с рассмотрением уголовных дел о преступлениях

⁶ См., напр.: *Нардина О. В.* Российский конституционализм и противодействие терроризму: современные проблемы : монография. М., 2014. С. 48.

террористической направленности. Нельзя исключать, что представшие перед судом террористы попытаются использовать открытое разбирательство уголовного дела как трибуну для пропаганды своей идеологии и культивирования образа мучеников. Поэтому уголовно-процессуальное законодательство было бы целесообразно дополнить положением, предусматривающим проведение закрытых судебных заседаний по всем уголовным делам о преступлениях террористической направленности.

К числу особенностей производства по уголовным делам о преступлениях террористической направленности, связанных с выяснением специфических для данной группы дел обстоятельств, следует отнести положение п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Речь идет об обязанности органов предварительного расследования и суда, наряду с другими обстоятельствами, входящими в предмет доказывания, специально выяснять обстоятельства, подтверждающие, что подлежащее конфискации имущество использовалось или предназначалось для финансирования терроризма или экстремизма.

Наконец, третья группа особенностей производства по уголовным делам о преступлениях террористической направленности выражается в положениях УПК РФ, императивно определяющих подсудность уголовных дел и состав суда. В настоящее время есть все основания говорить о специализации военных судов по уголовным делам о преступлениях террористической направленности⁷. Такие дела отнесены к исключительной подсудности 1-го Восточного окружного военного суда, 2-го Западного окружного военного суда, Центрального окружного военного суда и Южного окружного военного суда. Кроме того, согласно п. 3 ч. 2 ст. 30 УПК РФ большинство уголовных дел о преступлениях террористической направленности рассматриваются коллегией в составе трех судей федерального суда общей юрисдикции. При этом законодатель не оставляет обвиняемому никакого выбора между единоличным и коллегиальным составами суда, с одной стороны, а также формами коллегиального состава суда — с другой стороны.

В заключение акцентируем внимание на необходимости комплексного изучения уголовно-процессуальных особенностей производства по уголовным делам о преступлениях террористической направленности, поскольку только такой подход способен обеспечить максимально эффективную разработку проблемы процессуальной формы судопроизводства по таким делам.

⁷ Дикарев И. С. Специализация военных судов по уголовным делам о преступлениях террористической направленности // Вестник военного права. 2021. № 4. С. 26–31.

В. В. Кальницкий

Перечитывая материалы первой конференции, посвященной принятию УПК РФ

1. Сегодня, по прошествии двадцати лет со времени принятия УПК РФ, отчетливо понимаешь, что непростая судьба Кодекса полностью повторяет непростую же судьбу страны, соответствует поискам ею нового пути развития, испытываемым надеждам, заблуждениям, разочарованиям. Как все новое, Кодекс, несомненно, имеет положительные стороны. Однако в более широком историческом контексте это весьма спорный документ, не снискавший лавры памятника уголовно-процессуального законодательства. Вся нетвердость, переменчивость наших представлений о самих себе, искусственно культивируемый комплекс несовершенства, привели к отказу от прежнего опыта, заявлениям о новой идеологии Кодекса¹, не имеющей ничего общего с целеполаганием предшествующей уголовно-процессуальной деятельности, которая, якобы, осуществлялась в стороне от столбовой дороги развития цивилизованного уголовного процесса, имела репрессивный характер. Истекшего времени оказалось достаточно, чтобы осознать: выдаваемая за значительное достижение уголовно-процессуальной мысли, новая кодификация оказалась всего лишь рядовым обновлением законодательства, более или менее приемлемым в части юридико-технического приведения в соответствие с Конституцией 1993 г., но несостоятельным по ряду общих положений. «Детская болезнь» боязни упоминания об интересах общества и государства в ходе уголовного судопроизводства оказалась весьма заразной: началу публичности отказано быть принципом процесса, дезавуирована задача раскрытия преступлений и изобличения виновных, назначение уголовного судопроизводства не связано с защитой интересов общества и государства, напротив, звучит мысль, что уголовный процесс — средство защиты от государственной репрессии².

С помпой преподносилась идея частного обвинения, когда свободная личность, минуя полицейские органы, а значит, избегая их произвола, непосредственно в суде доказывает вину обидчика. Сомнения в способности граждан самостоятельно собирать сведения о лице, которое

¹ Мизулина Е. Б. Как создавался УПК // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной принятию нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. 4–6 февраля 2002 г. М., 2002. С. 4, 5.

² Михайловская И. Б. Трансформация нормативной модели уголовного судопроизводства в новом УПК РФ // Там же. С. 12.

надо привлечь в ответственности, высказывались сразу³. Очень скоро эта новация, как и ожидалось, привела к ситуации, когда люди без помощи госорганов оказались незащищенными от преступных посягательств, что потребовало вмешательства Конституционного Суда РФ⁴ и корректировки законодательства. В настоящее время (теперь уже с подсказки ЕСПЧ, как будто это не очевидно) поставлен вопрос о полном исключении института частного обвинения, поскольку «при минимальном вмешательстве государства в обеспечение защиты и восстановления прав и свобод» пострадавшего лица полноценная защита его интересов не достигается⁵. В УПК РСФСР предусматривалось частное обвинение, но было также регламентировано право суда возбудить уголовное дело и направить его для производства дознания, чем суды и заинтересованные лица пользовались, когда требовалось предварительное расследование обстоятельств. Грубое вмешательство «новаторов» в прежний стабильный институт частного обвинения привело к его разбалансированию и неизбежной инициативе о полной отмене.

2. В материалах первой конференции, состоявшейся до введения Кодекса в действие, бросается в глаза и, не станем скрывать, вызывает чувство сожаления неоднократное благодарственное подчеркивание финансовой и экспертной поддержки Министерством юстиции США подготовки этого Закона⁶. Как оказалось, заимствование чуждых национальным традициям положений англо-американского уголовного процесса явилось главным фактором, обусловившим нежизнеспособность нового законодательства и его перманентное исправление, в первую очередь на

³ Манова Н. С. Производство у мирового судьи: что изменилось? // Там же. С. 200.

⁴ По делу о проверке конституционности частей 2 и 4 статьи 20, ч. 6 ст. 144, п. 3 ч. 1 ст. 145, ч. 3 ст. 318, чч. 1 и 2 ст. 319 УПК РФ в связи с запросами Законодательного собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда г. Мурманска : постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменений вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116¹ и частью первой статьи 128¹ Уголовного кодекса Российской Федерации)»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 6 апреля 2021 г. № 3 // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1145531-7>.

⁶ Материалы международной научно-практической конференции, посвященной принятию нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. С. 2, 3, 6.

основе правовых позиций Конституционного Суда РФ. Признаны неконституционными или получили другое истолкование многие нормативные новеллы, поставленные разработчиками себе в заслугу, в частности: абсолютный запрет поворота к худшему после вступления приговора в законную силу; ориентация органов расследования как стороны обвинения исключительно на обвинительную деятельность; предельно ограниченный круг оснований возвращения уголовного дела прокурору, в том числе недопустимость такого возвращения при наступлении более тяжких последствий; первоначальный порядок реагирования суда на отказ прокурора от обвинения; пределы активности суда и многие другие. Большинство толкований Конституционного Суда РФ пришлось на аспекты, обусловленные гипертрофированной состязательностью, превращенной из рабочего аспекта организации судебного разбирательства с участием равноправных сторон в положение, исключающее всякую активность суда и требующее переформатировать розыскное досудебное производство в состязательное.

Не замедлила проявиться несостоятельность института, основанного на ст. 237 «Возвращение уголовного дела прокурору» УПК РФ, хотя разработчики Закона его превозносили⁷, авторитетные участники конференции осторожно, но поддержали⁸. Исправляя и развивая данный институт, Конституционный Суд РФ не посчитал значимым навязанный шаблон, что после передачи уголовного дела в суд не подлежат исправлению допущенные существенные нарушения закона и не может быть применен закон о более тяжком преступлении. Высокий Суд исходил из конституционной ценности интересов потерпевшего и верховенства внутреннего убеждения суда, которое должно формироваться и реализовываться свободно и приоритетно⁹. Вершиной в данной позиции выступает недавнее признание за судом права возобновить в связи с обращением заинтересованного лица производство по уголовному делу ввиду вновь открывшихся обстоятельств даже в случаях, когда

⁷ Гаврилов Б. Я. Актуальные вопросы предварительного следствия по УПК Российской Федерации // Там же. С. 135.

⁸ Корнуков В. М. Достоинства и проблемные аспекты нового УПК России // Там же. С. 19; Юрченко Р. Н. УПК России и Казахстана: сходство и различия // Там же. С. 52, 53.

⁹ По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

прокурор прекратил осуществлявшееся досудебное производство¹⁰. Вопреки мнению разработчиков Кодекса и поддерживавших их ученых¹¹, Конституционный Суд РФ не видит опасности в инициативном привлечении судом сведений, необходимых для свободного формирования своего внутреннего убеждения по рассматриваемому уголовному делу. Проявляя инициативу в собирании дополнительных доказательств, если этого не сделали стороны («активность после активности»), суд не осуществляет уголовное преследование, под которым понимается «возбуждение уголовного преследования, формулирование обвинения и отстаивание его в суде»¹². Конституционный Суд РФ последовательно выступает за возвышение судебного усмотрения над оценкой обстоятельств дела иными органами и должностными лицами. Это позволяет дальше развивать сформулированную им позицию о праве потерпевшего обжаловать постановление суда о прекращении уголовного дела в связи с отказом прокурора от обвинения в вышестоящий суд¹³ и допустить по ходатайству потерпевшего свободную оценку судом отказа прокурора от обвинения при производстве в первой инстанции, что предлагалось при обсуждении Кодекса¹⁴.

3. В неукротимом стремлении оградить преследуемую личность от «произвола» государства разработчики Кодекса под видом правил

¹⁰ По делу о проверке конституционности статей 416 и 417 УПК РФ в связи с жалобой гр. Ф. Б. Исхакова : постановление Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2021 г. № 53-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ Алексеева Л. Б. Реализация принципа состязательности и презумпции невиновности в судебном следствии по новому УПК РФ // Там же. С. 180–184. Концепция пассивного судьи поддержана далеко не всеми участниками конференции. См., напр.: Воскобитова Л. А. Разрешение дела судом как функция судебной власти // Там же. С. 25–27 ; Комарова Н. А., Сидорова Н. А. О системе принципов уголовного процесса // Там же. С. 46, 47 ; Доля Е. А. О принципах судопроизводства, доказательствах, доказывании и использовании в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности // Там же. С. 107.

¹² Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Бокситогорского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности ч. 1 ст. 86 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2003 г. № 104-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ Зеленин С. Р. Проблемы допуска потерпевшего к правосудию // Там же. С. 72–74.

благоприятствования защите восстановили отдельные элементы формального доказывания. «Между тем, что такое установление института недопустимых доказательств, — одновременно задается вопросом и воскликает профессор В. Т. Томин, — как не возвращение к формальной теории оценки доказательств?! Возврат к формальной теории доказательств негативен... Он вреден тем, что блокирует развитие средств доказывания»¹⁵. Эмоциональный призыв ввести практику «беспощадного аннулирования недопустимых материалов»¹⁶ оказался услышанным разработчиками Кодекса. Малейшее нарушение закона (в первоначальной редакции понятие «существенное нарушение закона» не было предусмотрено) должно вести к исключению доказательства, в том числе на предварительном слушании, когда уголовное дело назначается для проведения судебного разбирательства. Разработчиков закона не смутило, что признание доказательства недопустимым устраняет из поля зрения суда фактические обстоятельства, имеющие отношение к делу. Тем самым умаляется свобода формирования судом внутреннего убеждения, выражается недоверие состязательному методу, когда стороны перед независимым судом могли бы проинтерпретировать формально и поспешно исключенные сведения, а суд — дать им оценку. Законодатель не внемлет здравому суждению, что «в вопросе о воспрещении доказательств, ради щажения тех или других интересов, нужно быть скупым на исключения»¹⁷. Перечень недопустимых доказательств (ст. 75 УПК РФ) пополняется новыми положениями. Сложилась практика фактически полного запрета на использование показаний сотрудника полиции о вербальной информации (не только сообщенной на допросе в отсутствие защитника, но и любой другой произнесенной в неформальной обстановке), воспринятой им от преследуемого лица в ходе раскрытия преступления¹⁸. Это — очевидный выход за пределы имеющегося в Кодексе (на наш взгляд, противоречащего закономерностям доказательственной деятельности) нормативного запрета на использование показаний обвиняемого, законно полученных в досудебном производстве в отсутствие

¹⁵ Томин В. Т. К общей характеристике УПК РФ // Там же. С. 50.

¹⁶ Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С. А. Пашин. М., 1992. С. 86.

¹⁷ Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000. С. 125.

¹⁸ Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 6 апреля 2021 г. по делу № 5-УД21-25. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Показания сотрудников правоохранительных органов не могут быть использованы в качестве доказательств виновности подсудимого. URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=440 (дата обращения: 26.01.2022).

защитника, но не подтвержденных в суде. Недопустимо априорно рассматривать сотрудников правоохранительных органов как лиц, не способных сказать суду правду.

4. Объем критических суждений, высказанных в ходе первого обсуждения УПК РФ, по нашим оценкам, весьма значительный. Обоснованность позиций многих ученых, говоривших о недостатках Закона, подтверждена практикой. Если вынести за скобки необходимое технико-юридическое обновление законодательства, которое было предопределено принятием Конституции РФ, других законов, уроками многолетнего применения УПК РСФСР, достижениями науки уголовного процесса и требовало отражения в новом Кодексе, то остаются весьма спорные идеологизированные новации, многие из которых не выдержали проверку временем и были скорректированы или требуют дальнейшего совершенствования.

К. В. Муравьев

Оказание содействия по УПК РФ: понятие, виды, динамика развития и перспективы

1. Термин «содействие» означает «деятельное участие в чьих-нибудь делах с целью облегчить, помочь; поддержка в какой-нибудь деятельности»¹. В широком понимании, любая процессуальная деятельность, которая ведется для применения уголовного закона при вероятном знании о произошедшем преступном деянии, может рассматриваться в качестве помощи пострадавшим от преступления для установления законности и целесообразности исполнения норм УК РФ, равно как и поддержки лицам, которые в рамках уголовного процесса добиваются удостоверения соблюдения или правомерности использования уголовно-правовых норм². В узком смысле содействие оказывается субъектам, осуществляющим уголовно-процессуальную деятельность. В этом контексте рассматриваемая категория встречается в законе неоднократно.

2. По делам частного обвинения «двигателем» уголовного процесса является волеизъявление потерпевшего, а его жалоба не только признается исключительным поводом к возбуждению дела, но и выступает в ка-

¹ Ожегов С. Н., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., дополненное. М., 1999. С. 743.

² Подробнее см.: Муравьев К. В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2017. С. 17–33.

честве обвинительного акта, в рамках которого осуществляется уголовное преследование³. Однако не каждый пострадавший от преступления может составить соответствующее заявление по правилам, предусмотренным чч. 5 и 6 ст. 318 УПК РФ, указать в нем данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности, и о свидетелях, которых требуется вызвать в суд, а также представить доказательства, необходимые для рассмотрения дела. В ряде случаев это становится непреодолимым препятствием. Вместе с тем использование диспозитивности в законодательном регулировании производства по делам частного обвинения не отменяет обязанности государства защищать от преступных посягательств права и свободы человека⁴. Оно обязано создать условия для обеспечения судебной защиты частного интереса в органах публичной власти. В связи с этим в ч. 2 ст. 319 УПК РФ устанавливается правомочие мирового судьи по оказанию содействия сторонам в собирании доказательств, которые не могут быть получены ими самостоятельно. Соответствующая помощь судьи может быть адресована и потерпевшему, и лицу, в отношении которого подано заявление, что является важной гарантией обеспечения прав сторон по делам частного обвинения.

3. Использование словосочетания «оказание содействия» имеет место при определении статуса специалиста. Он, в числе прочего, привлекается к участию в процессуальных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, когда его помощь требуется при осуществлении следственных и иных процессуальных действий в ходе рассмотрения сообщения о преступлении, при предварительном расследовании уголовных дел и в судебном разбирательстве (ч. 1 ст. 58, ч. 1 ст. 144, ст. 168, ст. 251 УПК РФ).

4. С июня 2009 г. категория «содействие» стала употребляться при описании условий заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым или обвиняемым в целях применения особого порядка принятия судебного решения, предусмотренного гл. 40¹ УПК РФ.

³ По запросу Ванинского районного суда Хабаровского края о проверке конституционности отдельных положений УПК РСФСР : определение Конституционного Суда РФ от 26 января 1999 г. № 11-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 УПК РФ в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска : постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Данное лицо указывает, какие действия он обязуется совершить для помощи следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении в уголовном преследовании соучастников; облегчения розыска имущества, добытого в результате противоправного деяния. В дальнейшем результаты его позитивной посткриминальной деятельности учитываются компетентными органами для возможной минимизации уголовно-правового воздействия (ч. 2 ст. 317¹, п. 1 ч. 1 ст. 317⁵, п. 1 ч. 2 и ч. 4 ст. 317⁶, чч. 3–4 ст. 317⁷ УПК РФ).

5. Термин «содействие» используется при регламентации правового статуса следователя, органа дознания, дознавателя, которые при ведении уголовно-процессуальной деятельности уполномочены требовать помощь иных должностных лиц при осуществлении следственных и иных процессуальных действий (обеспечение порядка при производстве очной ставки, охрана места происшествия при его осмотре, осуществление поисковых действий при производстве обыска, подборание граждан (статистов) при предъявлении для опознания и т. п.). Следователь и орган дознания исполняют поручения о производстве следственных, розыскных или иных процессуальных действий. Важным является возможность использования специального инструментария органов дознания: они исполняют поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, постановления о задержании, приводе, аресте, о розыске подозреваемого, обвиняемого; обязаны уведомлять следователя, дознавателя о результатах розыскных и оперативно-розыскных мер по установлению лица, совершившего преступление; осуществлять меры безопасности лиц, подлежащих государственной защите (ч. 3 ст. 11, п. 4 ч. 2 ст. 38, п. 6 ч. 1 ст. 40², п. 1¹ ч. 3 ст. 41, ч. 1 ст. 144, ч. 1 ст. 152, ч. 2 ст. 163, ч. 4 ст. 157, ст. 210 УПК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 7, ст. 11, п. 2 ст. 14 Закона об ОРД, ст. 3, ст. 18 Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» и др.).

6. В случае поручения производства следственных или иных процессуальных действий (когда их необходимо провести в различных местах одновременно, на отдаленной от места предварительного расследования территории и т. п.) осуществляется делегирование, передача одним участником уголовного судопроизводства другому своих процессуальных полномочий, предполагающая определенную свободу действий лица, которому они делегированы, с одновременным приобретением ответственности за результат их реализации⁵.

⁵ Игнатова О. Н. Делегирование процессуальных полномочий в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 12–13.

От указанного выше «классического» вида содействия следует отличать введенное в декабре 2021 г. исполнение следователем, дознавателем или органом дознания поручения следователя или дознавателя об организации участия в следственном действии (допросе, очной ставке, предъявлении для опознания) путем использования систем видео-конференц-связи по месту нахождения лица, участие которого в следственном действии признано необходимым (п. 4¹ ч. 2 ст. 38, п. 1³ ч. 3 ст. 41, ст. 189¹ УПК РФ). Данные полномочия включают в себя: вызов участвующего лица (лиц) и осуществление других организационных мероприятий; разъяснение ему (им) прав, обязанностей, ответственности, порядка проведения следственного действия (с отбиранием соответствующей подписки); оглашение протокола участникам; направление подписки и иных документов инициатору проведения следственного действия. «Технические» исполнители поручения не вправе влиять на ход следственного действия, задавать участвующим лицам вопросы, связанные с расследуемым деянием и т. п.

7. Возможность оказания содействия при допросе потерпевших, свидетелей и подсудимых с использованием видео-конференц-связи в ходе судебного разбирательства (ч. 4 ст. 240, ч. 6¹ ст. 241, ч. 1 ст. 277, ст. 281¹ УПК РФ), при рассмотрении дел судами апелляционной и кассационной инстанции (ч. 2 ст. 389¹², ч. 2 ст. 401¹³ УПК РФ) и при рассмотрении вопроса изменения территориальной подсудности (ч. 6 ст. 35 УПК РФ) появилась в законе в декабре 2009 г. — марте 2011 г. Вместе с тем оказание иных видов содействия в рамках отправления правосудия (например, привлечение органов дознания к производству судебных действий) регулируется недостаточно. Нормативное закрепление оперативно-розыскного обеспечения государственного обвинения в суде также имеет существенные резервы. Полагаем, что законодательное решение регламентации оказания данных видов процессуальной помощи — насущное требование сегодняшнего времени.

В. В. Николук

К вопросу о «психологизации» уголовного судопроизводства: от педагога к психологу

1. В текущий момент уже естественным воспринимается психологическое сопровождение расследования многих, особенно резонансных преступлений, в том числе криминального насилия в отношении несо-

вершеннолетних, где выделяются уголовные дела о преступлениях, посягающих на половую неприкосновенность несовершеннолетних и малолетних. Психологическая наука исходит из того, что взаимодействие должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, с несовершеннолетними потерпевшими и свидетелями, подозреваемыми и обвиняемыми должно строиться с максимальным учетом возрастных особенностей и индивидуальных характеристик подростков — жертв преступлений, что в итоге во многом и определяет результативность следственных действий с их участием.

Надо констатировать, что психологическое сопровождение следственных действий осуществляется как в процессуальном, т. е. в предусмотренном УПК РФ порядке (участие психолога в допросе; дача заключения в качестве эксперта; представление психологом сведений в качестве специалиста), так и в непроцессуальных формах (консультирование следователя; психологическое обследование потерпевшего, обвиняемого; составление субъективного портрета предполагаемого преступника; психологический анализ показаний малолетних и несовершеннолетних участников, материалов уголовного дела по факту суицида несовершеннолетнего и др.). Представляя процессуальный интерес для обеих сторон в уголовном деле, имея прикладное значение, будучи внешне экстравагантными, а отсюда и привлекательными, многие разработанные психологами с участием юристов методики, алгоритмы, приемы, нацеленные на содействие достижению истины по уголовному делу, активно и оперативно внедряются в следственную практику, чего не скажешь о практике судебной. При этом положения УПК РФ порой трактуются расширительно и даже вольно, а иногда и вовсе не учитываются. Вследствие этого состояние взаимодействия судебной психологии как отрасли знаний (в части сопровождения досудебного производства по уголовным делам) с уголовным процессом можно сравнить с айсбергом, надводная, меньшая часть которого представляет процессуальные, легальные формы вовлечения психологов в расследование преступлений, а подводная, большая его часть, — непроцессуальные. Указанный дисбаланс опасен для уголовного судопроизводства.

2. Предшествующим УПК РФ кодексам не был знаком такой участник уголовного процесса, как психолог. Использование специальных психологических знаний в рамках производства по уголовному делу происходило путем назначения судебно-психологической (СПЭ) или комплексной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ)¹. В со-

¹ Первая в России психолого-психиатрическая экспертиза была проведена в 1913 г. академиком В. М. Бехтеревым.

ветской юридической литературе уделялось достаточно внимания проблемным ситуациям, возникавшим при проведении психологической экспертизы, считавшейся в кругу специалистов новым и перспективным направлением научных исследований². В правовых и иных изданиях фрагментарно, выборочно появлялись и обзоры иностранных источников, содержащих результаты оригинальных экспериментальных исследований в рамках проблемы экспертизы свидетелей (изучение показаний и причин неточности в них; проблем лжи при свидетельствовании; оценка достоверности показаний и разработка критериев для ее проведения и др.).

В российском уголовно-процессуальном законодательстве психолог впервые был упомянут в ст. 425 УПК РФ, регламентирующей допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Последующими дополнениями ст. 425 УПК РФ (2007 г.) конкретизирован порядок вызова психолога следователем, а также права психолога.

Участие психолога в следственных действиях, проводимых в отношении несовершеннолетнего потерпевшего, закреплено сравнительно недавно Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ³, введенным в действие в этой части с 1 января 2015 г.

Таким образом, современная психологическая составляющая УПК РФ нормативно выражена следующим образом. Предусмотрено обязательное участие психолога: 1) в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии (ч. 3 ст. 425); 2) в допросе, очной ставке, опознании, проверке показаний несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии (ч. 1 ст. 191); 3) по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего (ч. 4 ст. 191). Однако доминирующим вектором приложения в уголовном процессе психологических

² Яковлев Я. М. Проблемы судебно-психологической экспертизы // Социалистическая законность. 1973. № 3. С. 58–60 ; Мельник В. В., Цыцарев С. В., Яковлев Я. М. Основы судебно-психологической экспертизы по уголовным делам. Л., 1987.

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве : федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

знаний остается проведение судебно-психологической (СПЭ) или комплексной психолого-психиатрической экспертиз (КСППЭ).

3. Подобные дополнения УПК РФ являются подтверждением все большего влияния на уголовное судопроизводство психологии как динамично развивающейся отрасли науки. В последнее время к данной области знаний привлекается повышенное внимание в связи с попытками внедрения в оперативно-розыскную и уголовно-процессуальную деятельность методик психологического исследования видеозаписей оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в целях обнаружения признаков правдивости или неправдивости зафиксированных на них показаний. Будучи востребованными при расследовании уголовных дел, данные экспертные методики воспринимаются научным сообществом неоднозначно, в большей части критически, как не опирающиеся на строго научную основу⁴. Без всякого преувеличения, мы столкнулись с проблемой сдерживания процесса подмены установленных УПК РФ правил оценки доказательств, исключающих участие в ней эксперта, методами выявления именно экспертом признаков достоверности / недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства.

4. В плане повышения эффективности психологического обеспечения уголовного судопроизводства необходимо учитывать следующие базовые положения. Психолог осуществляет в уголовном судопроизводстве самостоятельные по отношению к специалисту уголовно-процессуальные функции и должен иметь соответствующий правовой статус.

После дополнения Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ ст. 191 УПК РФ новой ч. 4 возникли основания четко различать педагога и психолога, вовлекаемых в уголовный процесс в пограничных, но все же в разных целях.

В рамках основанного на чч. 1 и 4 ст. 191 УПК РФ сотрудничества следователя с психологом при расследовании уголовного дела с участием несовершеннолетнего потерпевшего решается основная задача: получение от потерпевшего полных, развернутых показаний при допросе, без причинения новой травмы его психике фактом проведения следственного действия.

В случаях, предусмотренных ч. 4 ст. 191 УПК РФ, показания несовершеннолетнего потерпевшего, полученные с участием педагога вместо

⁴ Носкова Е. В., Путинцева Ю. А. Использование специальных знаний при оценке достоверности показаний в уголовном судопроизводстве: ретроспективный, доктринальный и практический подход // Правосудие JUSTICE. Т. 2. № 3. 2020. С. 165–192.

психолога, должны признаваться с учетом требований ст. 75 УПК РФ недопустимым доказательством.

Требуется совершенствование норм УПК РФ в части процессуального статуса психолога как участника следственных действий, с закреплением его прав, обязанностей, ответственности. Принимая решение легализовать в УПК РФ нового участника — психолога, законодатель, к сожалению, не определил его процессуальное положение, в отличие от педагога (п. 62 ст. 5 УПК РФ). Перспективным в связи с этим надлежит признать предложение наделить психолога дополнительными, наряду с правом знакомиться с протоколом следственного действия и делать замечания, подлежащие занесению в протокол, правами:

- до проведения следственного действия знакомиться с материалами уголовного дела, характеризующими несовершеннолетнего потерпевшего;

- до начала следственного действия с разрешения следователя, дознавателя, суда встретиться и провести беседы с несовершеннолетним потерпевшим;

- информировать следователя, законного представителя и других лиц о психическом состоянии малолетнего потерпевшего;

- высказывать в ходе следственного действия обоснованные рекомендации о необходимости в связи с психическим состоянием ребенка приостановить допрос или изменить характер его проведения, об отстранении законного представителя от участия в следственном действии⁵.

5. Принимая во внимание специфику профессиональной деятельности педагога (передача знаний, обучение и воспитание) и психолога (выявление психологических особенностей лица и выработка рекомендаций по коммуникации с ним в сложных психологических ситуациях) необходимо переосмыслить оправданность практики привлечения педагога к следственным действиям с несовершеннолетними.

⁵ Балтыкова З. А. Тактика допроса малолетних свидетелей и потерпевших на предварительном следствии. М., 2019. С. 48; Миронова Г. А. Психолог как участник следственных действий с несовершеннолетним потерпевшим // Криминалистика : вчера, сегодня, завтра. 2021. № 3(19). С. 223-232.

А. А. Орлова

К вопросу о практике реформирования уголовного судопроизводства

Реформирование уголовного судопроизводства, формулирование положений, составлявших содержание УПК РФ на начальных этапах его подготовки, базировались на идеях, нашедших отражение в Концепции судебной реформы, одобренной Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г.¹.

К разработке нового УПК РФ приступили в 1994 г. (Указ Президента РФ от 7 июля 1994 года «О создании в государственно-правовом управлении рабочей группы для подготовки нового УПК РФ»)².

История подготовки УПК РФ свидетельствует о наличии неоднозначных подходов к его содержанию со стороны групп разработчиков. Так, редакция Закона, поддержанная всеми ведомствами, в том числе Верховным Судом РФ и Министерством юстиции РФ, принятая Государственной Думой в первом чтении 6 июня 1997 г., впоследствии была отклонена как предполагавшая преемственность с положениями УПК РСФСР.

20 октября 1998 г. проект УПК РФ направлен на заключение в Совет Европы, в сентябре 2000 г. обсуждался в ходе круглого стола с участием представителей Министерства юстиции США при Посольстве США в Москве, где было получено более 34 рекомендаций, практически полностью учтенных при формулировании текста Закона в окончательной редакции³.

Принимая во внимание, что к разработке законопроекта, помимо этого, были привлечены около 20 экспертов, представлявших Совет Европы, Американскую ассоциацию юристов, Постоянное представительство Министерства юстиции США при посольстве США в Москве, можно судить о значительном смещении акцентов в сторону от национального опыта законоотворчества, от исторически сложившихся особенностей отечественного правового регулирования уголовного судопроизводства.

К сожалению, отмечает И. Л. Третьяков, мы наблюдаем картину, когда наши ценности подменяют чуждыми западными, игнорируя, в том числе, российские правовые традиции⁴.

¹ Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44, ст. 1435.

² Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие) : сб. ст. и мат-лов / под ред. Е. Б. Мизулиной и В. Н. Плигина. М., 2006. С. 813–816.

⁴ Третьяков И. Л. Уголовная политика современной России : монография. СПб., 2017. С. 15.

За период действия УПК РФ ученые-процессуалисты неоднозначно оценивали результаты, достигнутые научным сообществом, участвовавшим в его разработке.

Так, на страницах юридической печати представлена точка зрения, что УПК РФ является законом опережающего действия, моделью уголовного процесса охранительного типа, которую необходимо опробовать в процессе применения и реализации реальных уголовно-процессуальных отношений, когда среди органов уголовного судопроизводства и граждан еще не созрели необходимые организационные, кадровые и психологические предпосылки⁵.

Однако количество изменений, внесенных в действующий УПК РФ с момента введения его в действие, их точечный, бессистемный характер, количество разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и решений Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам применения уголовно-процессуальных норм в большей мере свидетельствуют, с одной стороны, о несовершенстве изначально сформированной концепции уголовно-процессуального закона, а с другой — об отсутствии единых концептуальных подходов к практике реформирования уголовного судопроизводства на современном этапе оптимизации его правового регулирования.

По нашему мнению, понимание модели российского уголовного процесса неотделимо от четкого и единообразного представления о его внутреннем устройстве, которое в согласованном единстве с уголовной политикой России в совокупности правовых предписаний направлено на предоставление равных возможностей для обеспечения прав и законных интересов всех участников уголовного судопроизводства на основе единства и обязательности реализации принципов уголовного процесса при взаимосвязи и взаимообусловленности уголовно-процессуальных институтов.

Вместе с тем на фоне существующей практики реформирования уголовного судопроизводства не утрачивает актуальности суждение о том, что в современных условиях не удалось «принципиально изменить ситуацию, преодолеть криминализацию экономики, обеспечить надежное противодействие наркоугрозе, защиту личности и имущественных интересов граждан»⁶.

⁵ См., напр.: *Шадрин В. С.* Уголовно-процессуальная политика и уголовно-процессуальное право. Часть 2 // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 3(4). С. 163.

⁶ *Гордиенко В. В.* Конституционная защита граждан от преступных посягательств // Конституционная защита граждан от преступных посягательств, реализуемая нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства : мат-лы всероссийской межведомственной науч.-практ. конф. М., 2004. С. 5.

Аргументируя состоятельность принятых за основу концептуальных подходов, разработчики нового уголовно-процессуального закона, в частности, отмечали необходимость приоритетного обеспечения независимости судьи при разбирательстве конкретного уголовного дела и принятия решений с учетом презумпции невиновности, ввиду того что УПК РСФСР 1961 г. не мог гарантировать судье процессуальную независимость, так как «был пронизан духом борьбы с преступностью» при отсутствии различий между виновным и обвиняемым⁷.

Вместе с тем результаты исследований свидетельствуют о том, что тенденции реформирования уголовно-процессуального закона отражают просчеты законодателя, существенно снижающие степень защищенности граждан от преступных посягательств, а нормы УПК РФ в большей степени обеспечивают интересы подозреваемых и обвиняемых, в отдельных случаях делая их «недосягаемыми для привлечения к уголовной ответственности»⁸.

Ученые-процессуалисты свидетельствуют о том, что одним из острейших вопросов, вызывающих дискуссию в научной среде, является вопрос о защите прав и законных интересов потерпевших от преступления⁹, значительное количество процессуальных норм, представленных в кодексе, фактически не обеспечивают реализации конституционного права граждан на доступ к правосудию¹⁰.

Так, изменения УПК РФ в значительной степени коснулись содержания стадии возбуждения уголовного дела. При этом в части фактического круга лиц, участвующих на данном этапе уголовного судопроизводства, очевидно отсутствие согласованности с содержанием его последующего этапа — предварительного расследования, так как на этапе возбуждения уголовного дела в числе прочих не определено конкретное правовое поло-

⁷ Крашенинников П. В., Мизулина Е. Б. О технологической теории уголовного процесса // Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие) : сб. ст. и мат-лов / под ред. Е. Б. Мизулиной и В. Н. Плигина. М., 2006 ; Уроки реформы уголовного правосудия в России : сб. ст. и мат-лов. М., 2006. С. 35.

⁸ Гордиенко В. В. Указ. соч. С. 5.

⁹ Масленникова Л. Н. Конституционное право граждан на доступ к правосудию и проблемы его обеспечения в условиях действия УПК РФ // Конституционная защита граждан от преступных посягательств, реализуемая нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства : мат-лы всероссийской межведомственной науч.-практ. конф. М., 2004. С. 38.

¹⁰ Гаврилов Б. Я. Уголовно-процессуальное законодательство: современные реалии и перспективы развития // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 2. С. 16–23.

жение для потерпевшего, а его появление в процессе в качестве полноправного участника уголовного судопроизводства связано с рядом условий, регламентированных в ч. 1 ст. 42 УПК РФ. В результате целый этап уголовного судопроизводства реализуется с участием фактически не наделенного самостоятельным процессуальным статусом «лица, участвующего в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении» (ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ), с чем вряд ли можно согласиться.

Лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении (одним из которых является и лицо, впоследствии признаваемое потерпевшим), разъясняются их права и обязанности, в том числе право пользоваться услугами адвоката.

По смыслу закона оказание юридической помощи с участием адвоката является самым эффективным способом защиты на профессиональной основе прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, в которой наряду с подозреваемым и обвиняемым нуждаются и потерпевшие. Вместе с тем привлечение адвоката в качестве представителя потерпевшего (ч. 1 ст. 45 УПК РФ) осуществляется на платной основе, за исключением случаев, предусмотренных применительно к несовершеннолетним потерпевшим, не достигшим возраста 16 лет, в отношении которых совершено преступление против половой неприкосновенности (ч. 2¹ ст. 45 УПК РФ).

Справедливости ради стоит заметить, что суммы, выплачиваемые потерпевшему на покрытие расходов, связанных с выплатой вознаграждения его представителю, предусмотрены в числе процессуальных издержек (пункт 1¹ ч. 2 ст. 131 УПК РФ). Однако изменения, внесенные в УПК РФ Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ, исчерпывающим образом существующие на практике проблемы не решили.

Во-первых, далеко не все потерпевшие, желающие иметь представителя — адвоката, в состоянии оплатить такие услуги, во-вторых, вопрос о порядке взыскания процессуальных издержек, о размере возмещения понесенных расходов на законодательном уровне должным образом не решен.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам» какие-либо конкретные указания по вопросам взыскания процессуальных издержек в пользу потерпевших отсутствуют¹¹, а ч. 1 ст. 132 УПК РФ, непосредственно регламентирующая

¹¹ О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда от 19 декабря 2013 г. № 42. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

взыскание процессуальных издержек, постановлением Конституционного Суда РФ признана не соответствующей Конституции Российской Федерации как не обеспечивающая надлежащий уровень правовой определенности¹².

Таким образом, тенденции реформирования уголовного процесса в числе прочего обусловлены тем обстоятельством, что в русле критики положений УПК РСФСР, пронизанных, по мнению разработчиков УПК РФ, духом борьбы с преступностью и дававших свободу судейскому усмотрению «для» обвинения, а не «от» обвинения¹³, не удалось найти концептуально обусловленный баланс соблюдения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

А. В. Победкин

О причинах несостоятельности Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

В какую эпоху, в какой стране Михайловский нашел такой суд, который стоит между государством и гражданином и бесстрастно и нелицеприятно разрешает их спор, нисколько не заботясь о том, что из сего получится, и не интересуясь даже тем, сохранится или погибнет то общество, к которому принадлежат сами судьи.

М. С. Строгович

Более 20 лет минуло с момента принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ). Достаточный период, позволяющий сделать некоторые обобщения относительно правильности или ошибочности решения принять УПК именно в тот момент и именно в таком виде, в котором он был принят. Тезисно эти обобщения могут быть сведены к следующему.

1. О качестве УПК РФ в его первоначальной редакции высказаны многочисленные, в том числе и диаметрально противоположные мне-

¹² По делу о проверке конституционности части третьей статьи 131 и статьи 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 30 Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Э. Р. Юровских : постановление Конституционного Суда РФ от 13 мая 2021 г. № 18-П. «КонсультантПлюс».

¹³ Крашенинников П. В., Мизулина Е. Б. Указ. соч. С. 35.

ния¹. Широкий диапазон мнений крупных специалистов по вопросу о необходимости принятия УПК РФ в 2001 г., его полезности с точки зрения эффективности уголовно-процессуальной деятельности, уровня процессуальных гарантий, удовлетворенности содержанием и результатами судопроизводства жителей страны вполне объясним. Право, конечно, предполагает наличие системы закономерностей, подлежащих именно научному осмыслению, однако эти закономерности в основном проистекают из надстроечной сущности права и обусловлены объективной и неразрывной связью права с базисными явлениями² — прежде всего, волей собственников на средства производства. Воля эта определяет государственную политику, а она в свою очередь — правовую политику. Право не бывает нейтральным, как не может быть абсолютно независимым и суд, и другие властные участники судопроизводства³. УПК РФ принимался в ситуации первых лет развития капитализма с «особо нечеловеческим лицом» в современной России, насаждаемого западными партнерами, и не мог не впитать в себя их идеи и желания.

2. Концепция судебной реформы в Российской Федерации⁴ — откровенное свидетельство смены общественного строя: в ней декларируются капиталистические ценности, в пример приводится правовое устройство западных стран с одновременной цинично искаженной оценкой судопроизводства советского времени. Концепция, кроме того, содержала явно демагогические идеи о государстве, которое не должно быть политическим, а только правовым, посему государству ничего другого не остается, как произвести «мужественный акт самоотрицания». Ясно, что «самоотрицание» надо было произвести в пользу западных учителей, насаждавших в России свои представления о правилах жизни, включая правовые.

¹ См., напр: Головкин Л. В. УПК Российской Федерации 2001 года как кодификация: «эффект кристаллизации» или «эффект размывания» // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 3–6 ; Гаврилов Б. Я. 20 лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 7–14.

² Сырых В. М. Прощай, классика, вперед к материалистической теории права! // Правоведение. 2014. № 5(316). С. 51.

³ Строгович М. С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., 1939. С. 63.

⁴ О Концепции судебной реформы в РСФСР : постановление Верховного Совета РСФСР от 24 ноября 1991 г. № 1801 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44, ст. 1435.

3. УПК РФ принимался на фоне безалаберного поношения достижений советского периода развития страны и советского уголовного процесса, поэтому не мог не испытать эффекта противопоставления — как можно меньше советского, а лучше вообще ничего. Это значит: не нужно понятного текста, ясной системы свободного обжалования судебных решений, обязанности должностных лиц устанавливать истину вне зависимости от усилий дорогих адвокатов, недоступных рядовому труженику; мнения людей в лице народных заседателей, общественных обвинителей и общественных защитников; воспитательного характера судопроизводства, его направленности на борьбу с преступностью. Прикрытием отказа от уголовного процесса, защищающего рядового человека и насыщенного для этого необходимым арсеналом средств, стала «технологическая теория» уголовного судопроизводства: уголовный процесс — всего лишь система технологий по отделению виновных от невиновных. Вот только то, что технологии эти могут быть разными, в том числе не гарантирующими правильного установления обстоятельств по уголовному делу (ярчайший пример — засилие согласительных процедур), принятия справедливого решения, апологеты подобных теорий старались не объяснять⁵. В ход шли устрашающие фикции вроде того, что быстрое раскрытие преступлений (оно же — борьба с преступностью) — не что иное как «борьба с классовыми врагами», «врагами народа»⁶. Сегодня ясно, что технологическая теория оказалась ошибочной.

4. Суть «технологической теории», вуалировавшей не отход от ценностей вообще, а переориентацию на другие ценности, чуждые россиянам, невольно была раскрыта в Концепции: «следует исключить из научной дискуссии игру на “любви к отеческим гробам” в качестве аргументов в пользу того или другого решения». Подразумевалось, что, конечно, лучше развивать в себе любовь к гробам иностранным. Нетрудно, однако, было и спрогнозировать, что чуждые ценности в России не приживутся, а у основной массы нравственно здорового и честного населения страны вызовут отторжение, при этом вера в справедливость судопроизводства, а значит и государства, неизбежно пошатнется. После 20 лет действия «технологичного» УПК РФ (справедливости ради заметим, что многие

⁵ Мизулина Е. Б. О технологической теории уголовного процесса // Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие) : сб. ст. и мат-лов / под ред. Е. Б. Мизулиной и В. Н. Плигина. М., 2006. С. 72.

⁶ Там же. С. 79.

проверенные временем гарантии в него последовательно возвращаются) 45% респондентов считают, что выносимые судами приговоры чаще несправедливы⁷.

5. Ошибочность концептуальных идей наложилась на недопустимую для законодателя торопливость их реализации⁸. Работа над УПК РФ началась в 1994 г. (результат — едва ли не одиозный проект Общей части УПК), продолжилась в 1996 г. (создание рабочей группы по подготовке проекта УПК РФ, который был принят в первом чтении 7 июня 1997 г. и в 1998 г. направлен на заключение в Совет Европы). Второго чтения именно данного проекта не состоялось. По результатам парламентских выборов 1999 г., 13 апреля 2000 г. была создана новая рабочая группа по подготовке проекта УПК РФ, которая в ноябре того же года волей Президента существенно изменена. Патронат над ней фактически принимает на себя Американская ассоциация юристов. Уже 20 июня 2001 г. практически новый проект УПК РФ принят во втором чтении, а 22 ноября, после его возвращения снова к процедуре второго чтения, он принимается сразу во втором и третьем чтениях. В «сухом остатке» работа над проектом УПК РФ, ставшим Законом, длилась ровно один год. Понятно, почему УПК РФ характеризуется слабой законодательной техникой!

6. Жизнеспособность уголовно-процессуального закона в России будет прежде всего определяться эффективностью смягчения принципиального противоречия — между капиталистическими экономическими отношениями, которые не могут не определять содержание уголовно-процессуального (равно как иного другого) права, и национальными духовно-нравственными ценностями, в числе которых — стремление к справедливости, коллективизм, эмпатия, требование от государства социальной сущности.

Действующий УПК РФ доводит это противоречие до крайности. За 20 лет применения он успел безнадежно себя дискредитировать, невзирая на непрерывные попытки реанимировать его поточными правка-

⁷ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2020 г. URL: <https://ombudsmanrf.org/content/doclad2020> (дата обращения: 06.09.2021).

⁸ Подробнее об этом см.: Победкин А. В. Качество уголовно-процессуального закона и компетентность законодателя // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 1(12). С. 393–402 ; Николюк В. В. Почему УПК не мог быть другим // Современное уголовно-процессуальное право: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2021. Т. 2. № 1(3). С. 27–38.

ми. Назрела потребность в принятии нового уголовно-процессуального закона, что признают и должностные лица, ответственные за законотворчество⁹.

7. В качестве вывода — цитата В. Д. Зорькина: «Правовая новизна бывает разная. В этой новизне необходимо точно определять различия между целесообразными новациями и рисками создания катастрофических разрывов между правом и укорененными в социальном большинстве морально-этическими нормами. Включая массовые представления о добродетели и грехе, о добре и зле, о справедливости и несправедности. Если поток правовой новизны создает такие разрывы, общество не только неуклонно слабеет, но и почти неизбежно ввергается в хаос»¹⁰.

Надежда, что УПК РФ будет ориентированным на защиту публичных интересов, основанным на национальных ценностях, стабильным, ясным, равно защищающим любого гражданина страны, остается.

М. П. Поляков

Принцип инновационизма в уголовно-процессуальном законодательстве

Общеизвестно, что отечественный уголовный процесс опирается на систему принципов. Доподлинно известно и то, что сама эта система — явление сложное, загадочное и противоречивое. УПК РФ является первым кодексом, который попытался унифицировать и узаконить систему принципов и силой закона укоренить императивный взгляд на эту систему в научной доктрине. Нормативная система, действительно, несколько поубавила интерес к разработке дифференцированных авторских систем, но полностью его не устранила. Более того, дифференцированный подход к системности принципов проявился и в теоретическом расщеплении этих систем по различным приметам. В частности, был сделан акцент на различия между принципами уголовно-процессуальной деятельности и принципами уголовно-процессуального права. Профессор В. Т. Томин по этому поводу написал: «Я рассматриваю принципы уголовного процесса как принципы отрасли государственной деятельности, а отнюдь не как принципы уголовно-процессуального права. Сказан-

⁹ Павел Крашенинников: поправки в Конституцию убирают возможность кризиса власти // <https://tass.ru/interviews/8946037> (дата обращения 06.09.2021)

¹⁰ Зорькин В. Право против хаоса // Рос. газета. 2015. 24 ноября.

ное, конечно, не означает, что последних нет. Принципы отечественного уголовно-процессуального права, естественно, существуют, однако, у них своя роль и свое место. Их не следует смешивать, как это нередко случается, с принципами уголовного процесса как отрасли государственной деятельности»¹.

В приведенной цитате подтекстом звучит очень интересная мысль. Уголовный процесс, снабженный собственной системой принципов, обитает в атмосфере разнообразных идей, которые образуют «параллельные» и «перпендикулярные» миры (системы принципов), оказывающие явное и скрытое влияние на уголовно-процессуальную деятельность. Причем обособление систем принципов права и деятельности не исключает их особого взаимодействия. Принципы права могут как благоприятствовать реализации принципов деятельности, так и тормозить эту реализацию. Более того, у нас есть все основания заявить, что имеются принципы права незыблемого, воплощенного в тексте закона и права живого, меняющегося. По сути, последние можно представить как технологические принципы законотворчества.

О том, что имеются такие технологические принципы, оказывающие воздействие на уголовный процесс, можно судить по многочисленным приметам прогрессистского подхода к конструированию норм и институтов уголовно-процессуального права, что в свою очередь свидетельствует о том, что в сфере законотворчества прочно обосновался принцип инновационизма. И хотя принцип этот в полном смысле не выступает ни принципом уголовно-процессуальной деятельности, ни принципом права, само право явно ощущает на себе воздействие этой внесистемной идеи.

УПК РФ уже двадцать лет развивается на идеологической платформе инновационизма, нередко предполагающего практическую обкатку положений, ранее неизвестных теоретикам уголовного процесса. С идеологией перманентного обновления УПК РФ вошел в жизнь (поправки вносились еще до того, как он вступил в действие); с этой идеологией он не расстается и по сей день. Сам термин «новый УПК», сопровождавший кодекс несколько лет после его принятия, за двадцать лет так и не утратил своей актуальности. Кодекс не перестает удивлять и изумлять ученых и правоприменителей своими инновационными сюрпризами. Законотворческий прогресс обнаруживает себя онтологически, утверждает статистически, проявляет бесконечным обновлением УПК РФ.

¹ Томин В. Т. Уголовный процесс : актуальные проблемы теории и практики. М., 2009. С. 118.

Профессор В. Т. Томин оценил эту статистику негативно: «Вносимых в УПК РФ поправок, дополнений и изменений не просто много, их так много, что они приобрели безответственный характер... Односторонность правок законодательства сопровождается профанацией идеи и практической деятельности следственной, судебной и оперативно-розыскной»².

Мнение В. Т. Томина выражает общую научную оценку. Количество законодательных поправок чрезмерно велико. Это арифметический факт. Факт и то, что новаторам мало просто текущих поправок, им нужны поправки глобальные, «поправищи». Все активнее и напористее звучат призывы к принятию нового УПК РФ, причем концептуально нового, современного. В укор консервативному отечественному законодательству приводятся страны СНГ, положившие на алтарь прогресса свои прежние кодексы и включившиеся в чуждый концептуальный эксперимент по реализации принципа законотворческого инновационизма в международном масштабе.

Конечно, можно присоединиться к хору голосов, сыплющих проклятия потоку изменений. Как тут не вспомнить китайцев с их часто вспоминаемой ныне пословицей: «Не дай нам Бог жить в эпоху перемен». Но нам Бог дал именно такую жизнь — переменчивую. И другой у нас не будет. Поэтому нам нужно перенастроить свой взгляд на принцип инновационизма и его последствия в уголовном судопроизводстве, нужно понять его сущность и с пониманием принять его неотвратимость. Приведем несколько штрихов, открывшихся нашему пониманию.

Во-первых, принцип инновационизма сегодня можно рассматривать как универсальный принцип современного бытия; принцип активный и даже агрессивный. Есть интуитивное понимание того, что процесс изменений в различных сферах бытия иницируют уже не столько люди, сколько сама Природа. Наступательное внедрение принципа инновационизма объективно. Сфера законотворчества тоже не может вырваться из объятий прогресса.

Во-вторых, этот принцип родом из технической вселенной и ему свойственно перестраивать социальную сферу под законы информационно-технического мира, ставящего новое выше вечного. Среди тайных намерений принципа инновационизма легко разглядеть задачу вытеснения человека из уголовного процесса и посильной замены его искусственным интеллектом. Поэтому, глядя на процесс законодательных инноваций,

² Томин В. Т. Указ. соч. С. 47.

нужно постараться не просмотреть начало активной реализации этих намерений.

В-третьих, следует понять, что принцип инновационизма в конструировании уголовно-процессуального закона не приемлет образа «каменного» закона, высеченного на века. Время вечных законов прошло. Принцип инновационизма иначе форматирует дух уголовно-процессуального закона, меняет его ключевые метафоры. По духу своему современный закон уже ближе к «цифре», чем к «слову». Принцип инновационизма и тянет за собой «пиксельный» стиль законотворчества, допускающий быструю компьютерную правку текста по малейшему экзистенциальному основанию, а то и вовсе без такового.

В-четвертых, суть принципа инновационизма законотворчества ярко раскрывается на фоне инновационизма, генетически присущего науке. Инновационизм в науке предполагает отрицание вечных истин, декларирует процесс постоянного обновления знания. Идея Закона, напротив, исконно противится обновлению (образ камня). Однако наука и технология давно уже трансформировали идеологию закона, выдав из него божественный дух. Закон стал обычным человеческим инструментом, феноменом без ангельских крыльев. С помощью технологии закон стал гибким, хитрым, конъюнктурным, весьма склонным к изменениям под задачи текущего момента, а не вечной справедливости.

Инновационизм науки и законотворчества в рамках уголовного судопроизводства связаны парадоксальным образом. Мы отметили, что наука оценивает бурный поток законодательных инноваций негативно. Но, восставая против инновационизма в законотворчестве, наука как бы восстает против своего главного научного принципа. С одной стороны, инновационизм в науке почитается и приветствуется, с другой стороны, есть все приметы сомнений в пользу его широкого практического внедрения.

А. Н. Конев, подробно развивший в своей монографии тему принципа инновационизма, заметил: «Если искренне ответить на вопрос, что из себя представляет уголовно-процессуальная наука, то можно прийти к очень неординарному и тем не менее истинному ответу. Уголовно-процессуальная наука со своим принципом инновационизма — есть главное средство разрушения и нестабильности уголовно-процессуального законодательства»³.

³ Конев А. Н. Идеологические основы уголовного судопроизводства : монография / под науч. ред. М. П. Полякова. М., 2021. С. 121.

Действительно, этот парадоксальный вывод следует признать справедливым. Любая диссертация, не предлагающая изменений законодательства, считается ущербной. Всякий исследователь, посвящающий себя науке уголовного судопроизводства, просто обязан проникнуться духом недовольства действующим законодательством и идти на зов принципа инновационизма. Несвершенство отечественного уголовно-процессуального законодательства априори становится ведущей идеологической установкой.

Однако законодательная реализация научного инновационизма весьма редко находит всеобщее научное одобрение. И в этом нам видятся странности и парадоксы. В целом активная реализация инновационизма законотворчества в сфере уголовного процесса порицается. Однако частные его проявления после недолгого ворчания ученых по поводу обновлений вообще принимаются. Наука начинает комментировать новеллы и в ходе этой работы раскрывает не только изъяны, но и великое значение перемен для судопроизводства.

Поэтому мы не совсем согласны с А. Н. Коневым в том, что «в сфере уголовного судопроизводства действуют два принципа инновационизма — научный и законотворческий. Причем действуют как бы параллельно»⁴. Думаем, что это не разные принципы, а разные формы проявления единого принципа инновационизма. Парадоксы их различного восприятия объясняются тем, что в сфере законотворчества сохранилось еще много того, что можно отнести к разряду ненаучного. Душа правоприменителя ищет в законе живую искорку божественного и вечного. Именно память об этой искорке и вызывает в душе процессуалистов отторжение и сопротивление потоку изменений. Однако это лишь субъективное воспоминание и ожидание. Сам же закон уже давно и объективно лишен мистических ноток. Закон научен и технологичен. И в этом своем технологичном смысле он предрасположен к обновлению так же, как и научное знание. Уголовно-процессуальный закон, по сути, стал технологией, которую пытаются оперативно корректировать под поставленные задачи.

«Все течет, все изменяется». И вот уже двадцать лет течет и изменяется УПК РФ. Современный Кодекс, проникнутый духом инновационизма, УПК РФ — это не каменный столп. Это постоянно обновляющийся процесс законотворчества.

⁴ Конев А. Н. Указ. соч. С. 123.

Л. А. Пупышева

Проверка законности судебных постановлений, принятых в порядке главы 47 УПК РФ

Рассмотрение и разрешение вопросов, связанных с исполнением приговора, осуществляется в рамках самостоятельного уголовно-процессуального производства, регламентированного главой 47 УПК РФ. Специфические предмет, процессуальная форма, субъекты уголовно-процессуальной деятельности позволяют говорить о нем как об особом производстве.

Это исключает возможность его правового регулирования только общими правилами уголовного судопроизводства, обуславливает введение в уголовный процесс специальных процедур, приспособленных для рассмотрения ходатайств и представлений по вопросам, указанным преимущественно в ст. 397 УПК РФ.

Порядок особого уголовно-исполнительного судопроизводства не совпадает с последовательностью движения уголовного дела по стадиям. В отличие от него, рассмотрение и разрешение вопросов, связанных с исполнением приговора, фактически начинается в суде (ст. 399 УПК РФ регламентирует процедуру проведения судебного заседания). К регламентации досудебного этапа подготовки материалов с определенной долей условности можно отнести правила об уведомлении заинтересованных лиц о дате, времени и месте судебного заседания и о заявлении ими ходатайств о форме своего участия. Правоприменение на предшествующих этапах производства (реальное наличие которых очевидно) в условиях пробельной нормативной регламентации складывается неоднородно даже в пределах одного субъекта Российской Федерации. Частично ее компенсируют разъяснения, аккумулированные в «профильном» для данного производства постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора»¹.

Сходная ситуация сложилась в отношении этапов, предназначенных для проверки законности судебных постановлений, принятых в порядке главы 47 УПК РФ. Статья 401 УПК РФ «Обжалование постановления суда» определяет, что на постановление суда, вынесенное при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, могут быть поданы апелляционные жалоба или представление в порядке, установленном главой 45¹ УПК РФ. При этом в главе, посвященной производству по рас-

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

смотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, не содержится даже бланкетных предписаний о порядке обжалования вступивших в законную силу судебных решений в порядке кассационного и надзорного производства, а также их пересмотра посредством возобновления производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ, посвященном вопросам исполнения приговора, разъяснено: «Судебные решения по вопросам, связанным с исполнением приговора, с учетом положений статей 389¹, 401, 401¹ и 412¹ УПК РФ могут быть обжалованы в порядке, установленном главами 45¹, 47¹ и 48¹ УПК РФ, а также пересмотрены по новым и вновь открывшимся обстоятельствам по правилам главы 49 УПК РФ» (п. 26)².

При этом процедуры, определенные главами 45¹, 47¹ и 48¹ и 49 УПК РФ, нельзя назвать универсальными и подходящими для всех видов уголовно-процессуальных производств. Содержащийся в приведенных структурных частях уголовно-процессуального закона нормативный материал, устанавливающий правила обжалования не вступивших и вступивших в законную силу решений по уголовным делам, не адаптирован к особенностям предмета уголовно-исполнительного судопроизводства, его субъектному составу, основаниям для принятия, отмены и изменения судебных решений.

В пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» внимание судов обращено на то, что «установление единого для всех судов общей юрисдикции апелляционного порядка проверки судебных решений *по уголовным делам* (выделено мной. — Л. П.) связано с необходимостью повышения гарантированного Конституцией Российской Федерации и федеральными законами уровня судебной защиты прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства»³.

Данное постановление, равно как и сами предписания главы 45¹ УПК РФ, ориентировано на производство по уголовному делу. «Фор-

² Там же.

³ О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

мальные» упоминания о судебных решениях, вынесенных в порядке главы 47 УПК РФ, содержат несколько пунктов. Например, развивающий ч. 1 ст. 389² УПК РФ п. 4 постановления, очерчивающий круг судебных решений, подлежащих апелляционному обжалованию, — в качестве примера промежуточных судебных решений приведены «судебные решения, вынесенные в порядке исполнения итоговых судебных решений». В пункте 18¹ постановления указано: «По смыслу пункта 6 части 1 статьи 389²⁰ и части 1 статьи 389²² УПК РФ, суд апелляционной инстанции по результатам рассмотрения жалобы, представления на судебные решения, вынесенные в ходе досудебного производства в соответствии с частями 2 и 3 статьи 29 УПК РФ, а также на *решения суда по вопросам, связанным с исполнением приговора* (выделено мной. — Л. П.), при наличии к тому оснований вправе изменить или отменить постановление и принять новое решение без передачи материала на рассмотрение суда первой инстанции, если допущенные нарушения уголовно-процессуального закона могут быть устранены в суде апелляционной инстанции»⁴.

Нельзя не сказать о том, что основания отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке, равно как и перечень существенных нарушений уголовно-процессуального закона, случаев неправильного применения уголовного закона, обоснованно предназначенные для пересмотра решений по уголовному делу, объективно не могут быть распространены на обжалование судебных постановлений по делам об исполнении приговора. Вряд ли могут быть применены (даже по аналогии) критерии несправедливости приговора к оценке по соответствующему критерию решений о замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания, которые, как и решение о невиновности или виновности подсудимого, должны быть не только законными, обоснованными и мотивированными, но и справедливыми.

Помимо этого, надлежит учитывать, что сроки апелляционного обжалования решения о мере пресечения в виде заключения под стражу, установленные п. 11 ст. 108 УПК РФ, нельзя использовать для обжалования постановлений о применении одноименной меры, предусмотренной пп. 18, 18¹ ст. 397 УПК РФ. В первом случае срок апелляционного обжалования составляет 3 суток, во втором определяется предписаниями ст. 389⁴ УПК РФ и равен 10 суткам.

Процедура обжалования вступивших в законную силу судебных решений, вынесенных в порядке главы 47 УПК РФ, не менее пробельная. Из законоположений главы 47¹ УПК РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда

⁴ Там же.

РФ, сформулированных в постановлении от 25 июня 2019 г. № 19 «О применении норм главы 47¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции», следует, что они, являясь разновидностью промежуточных судебных решений, пересматриваются по правилам выборочной кассации⁵.

Кроме того, в п. 3 постановления указано: «Инстанционность при кассационном обжаловании постановления суда, вынесенного в порядке исполнения приговора, определяется в соответствии с правилами, установленными в части 1 статьи 401³ УПК РФ для обжалования промежуточных судебных решений, и не зависит от того, судом какого уровня и территориальной юрисдикции был постановлен приговор. Кассационные жалоба, представление, в которых одновременно обжалуются приговор и постановление судьи, вынесенное в порядке исполнения этого приговора, подлежат рассмотрению судом кассационной инстанции, правомочным пересматривать обжалуемый приговор, независимо от того, судьей какого суда (этого же или другого субъекта Российской Федерации, военного округа либо кассационного округа) выносилось решение в порядке исполнения приговора».

При этом вполне ожидаемо, что постановление № 19 ориентировано и предназначено для пересмотра вступивших в законную силу решений, принятых в рамках производства по уголовному делу. Представляется сомнительной возможность применения при пересмотре постановлений, принятых в порядке главы 47 УПК РФ, принципиальных положений, касающихся, например, правовой позиции высшей судебной инстанции относительно понимания «законности судебных решений как предмета судебного разбирательства в кассационном порядке» как соответствия судебных решений требованиям уголовного и уголовно-процессуального законов с учетом оснований, влекущих отмену или изменение судебного решения в кассационном порядке (п. 16). Формулируя ее, Пленум Верховного Суда РФ, безусловно, исходил из положений ст. 401¹⁵ «Основания отмены или изменения судебного решения при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке» (выделено мной. — Л. П.).

Кроме этого, п. 17 внимание судов обращено на то, что «крут оснований для отмены или изменения судебного решения в кассационном порядке ввиду неправильного применения уголовного закона и (или) существенного нарушения уголовно-процессуального закона в отличие от производства в апелляционной инстанции ограничен лишь такими нарушениями, которые повлияли на исход уголовного дела (выделено

⁵ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

мной. — Л. П.), в частности, на вывод о виновности, на юридическую оценку содеянного, назначение судом наказания или применение иных мер уголовно-правового характера и на решение по гражданскому иску». Вопрос о том, как их адаптировать к уголовно-исполнительному судопроизводству для правоприменителя, является «задачкой со звездочкой».

Лаконичное описание порядка производства в суде надзорной инстанции и отсутствие столь необходимых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ о возможности их применения в производстве по делам об исполнении приговора делает этот способ устранения судебных ошибок и обеспечения законности в уголовном судопроизводстве «фантомным».

Еще более искусственным в силу кардинальных различий в процессуальном порядке между производством по уголовному делу и производством по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, выглядит распространение на последнее положений главы 49 УПК РФ о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Помимо п. 26 «профильного» для исполнения приговора постановления Пленума Верховного Суда РФ, соответствующее разъяснение содержит п. 2 постановления от 14 декабря 2021 г. № 43 «О применении судами норм главы 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств по заключению прокурора»: «Предметом судебного разбирательства в порядке, предусмотренном главой 49 УПК РФ ... является проверка законности, обоснованности и справедливости приговора, законности и обоснованности иных итоговых, а также отдельных промежуточных судебных решений (например, постановления суда по вопросу, связанному с исполнением приговора) ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств с учетом доводов, приведенных в заключении прокурора»⁶.

Изложенное демонстрирует фактическую непригодность не вступивших в законную силу норм уголовно-процессуального закона об обжаловании и пересмотре вступивших в законную силу судебных решений для производства по делам об исполнении приговора. В существующем виде апелляция, кассация, надзор и возобновление производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств органично встроены в систему стадий производства по уголовному делу и не могут служить надлежащей нормативной основой для проверки законности судебных постановлений, принятых в порядке главы 47 УПК РФ.

⁶ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В. Н. Смирнов

Проблемы процессуального контроля в досудебном производстве уголовного дела: несовершенство закона или пороки правоприменения?

Граждане все чаще жалуются на невозможность отстоять свои права. В ответ обычно раздаются сетования на несовершенство закона. Однако в последнее время многие юристы склоняются к тому, что главным барьером на пути к справедливости является практика правоприменения.

Так, если человек (частное лицо или предприниматель) стал жертвой финансовой махинации, вернуть похищенное будет практически невозможно.

9 декабря 2021 г. на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ В. В. Путин выделил один из главных приоритетов для правоохранительных органов — защита граждан от мошеннических схем.

Приведу типичный для наших дней пример. Гражданин Ч. в январе 2009 г. дал в долг 6 млн. рублей знакомому С., который вместе с двумя компаньонами собирался открыть свой бизнес. Заем оформили нотариальным договором сроком на полгода. Однако заемщик деньги не вернул ни через полгода, ни через год. Ч. подал иск в районный суд, и тот вынес решение о взыскании всей суммы займа, плюс неустойки и судебных расходов. Ответчик долг не вернул и вскоре подал в тот же суд заявление о рассрочке долга на 615 месяцев, т. е. на 50 лет. Беспрецедентную просьбу С. аргументировал тем, что обеднел и у него имеются другие обязательства. Суд отклонил требование, указав в определении, что С., во-первых, вовсе не беден, имеет в собственности дорогостоящие объекты и разные доходы, а во-вторых, что он намеренно ухудшил свое имущественное положение: взяв банковские кредиты, употребил их на личные нужды, а с Ч. не рассчитался. В дальнейшем С. превратился в банкрота по решению арбитражного суда, которое он считал «целесообразным». Ведь к тому моменту С. накопил долгов на 9 млн. 586 тыс. 533 рубля при доходе в 17 250 рублей. Для него это явилось спасением, шансом ускользнуть от гнева кредиторов. Ч. понял, что обманут аферистами, и сумел добиться возбуждения уголовного дела по факту мошенничества в особо крупном размере, ч. 4 ст. 159 УК РФ. Расследование неоднократно приостанавливалось, возобновлялось, прекращалось, переходило от одного следователя к другому. Заподозренные должники сначала говорили, что заемные деньги переводились на бизнес в Чехию.

Потом что потратили на проект строительства гостиничного комплекса в Екатеринбурге, но проект обанкротился из-за «мирового финансового кризиса». На шестой год расследование, казалось бы, сдвинулось с мертвой точки. После очередного приостановления новый следователь наметил серьезный план действий: установить, существуют ли все эти предприятия в Чехии и Екатеринбурге, предъявить обвинения С. и еще одному фигуранту. Однако дело передали другому следователю, а он его прекратил по неожиданному основанию: за отсутствием события преступления.

Добиваясь отмены этого решения, потерпевший Ч. дошел до Генеральной прокуратуры и получил ответ, что материалы затребовали, изучили и установили, что дело прекращено правильно. Вердикт высшего прокурорского надзора потерпевший обжаловал в районный суд, и тот признал, что изъятие у заявителя Ч. денежных средств лицами, чьи действия он считает преступными, фактически имело место. Но и это не помогло: возобновив дело, органы расследования вскоре его прекратили уже за отсутствием состава преступления.

В постановлении следователя голословные утверждения должников выдаются за проверенные и подтвержденные факты. В нем говорится о вложении заемных средств в обанкротившийся строительный бизнес-проект, но никакие документы не приводятся.

Вопреки указанным выше судебным решениям следователь пишет, что должники возвращали кредитору деньги без расписок, «в полной мере исполнили взятые на себя обязательства». И ссылается на презумпцию невиновности, полагая, что исчерпал возможности доказывания по делу. Логичным при таком подходе стало умозаключение о гражданских, а не криминальных отношениях заемщика и кредитора (потерпевшего).

Почти семь лет тянулось расследование. Пользуясь правом на судебную защиту, Ч. в порядке ст. 125 УПК РФ прошел суды первой, апелляционной и кассационной инстанций вплоть до Председателя Верховного Суда РФ, решения которых сходны: «Доводы жалобы о неправильности оценки следователем фактических обстоятельств сводятся к переоценке доказательств, полученных в ходе предварительного расследования, что выходит за пределы судебного разбирательства». Генеральная прокуратура в свою очередь уведомила, что нарушений по делу нет. Тем временем истек срок давности привлечения мошенников к уголовной ответственности (десять лет со дня завладения чужими средствами).

По такой же причине в феврале 2021 г. в Ленинском суде города Екатеринбурга прекращено дело на двух руководителей кредитно-

потребительского кооператива, укравших 2,6 млрд рублей у 26 тысяч россиян. С материалами многотомного дела обвиняемые, не торопясь, знакомились два с половиной года. Следователи 12 раз выходили в суд с просьбой ограничить срок ознакомления, а суд им в этом отказывал. Прокуратура — орган обвинения — ни разу не воспользовалась правом на апелляцию.

Уполномоченный по правам человека в Свердловской области Т. Г. Мерзлякова с горечью заметила: «Мне очень тяжело объяснять людям, почему такое произошло и как такое возможно... У мошенников должен быть один выбор: либо сесть в тюрьму, либо вернуть пайщикам деньги»¹.

УПК РФ предусмотрел три вида контроля над органами предварительного расследования: их руководители, прокурорский надзор и судебная проверка. Ни один из них не сработал в рассмотренных примерах.

Институт судебного контроля появился в УПК РФ 2001 г. как гарантия конституционного права граждан на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ). Редакция ст. 125 УПК РФ дает широкое поле для обжалования в суд действий (бездействия) и решений государственных органов и лиц, ведущих уголовное судопроизводство (в отличие от УПК РСФСР, который допускал жалобы только по следственно-прокурорской вертикали).

Применение этой нормы сразу же вызвало недовольство правоохранителей. Они сетовали на ограничение своей власти, на вмешательство через суд стороны защиты в следственную работу. Судьи в свою очередь пеняли на высокую основную нагрузку по разрешению дел по существу.

Верховный Суд РФ на такие сигналы отозвался постановлением Пленума от 10 февраля 2009 г. «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Согласно п. 15, если заявитель обжалует постановление о прекращении уголовного дела, то при рассмотрении такой жалобы судья, не давая оценки имеющимся в деле доказательствам, должен выяснить, проверены ли и учтены ли дознавателем, следователем, руководителем следственного органа все обстоятельства, на которые указывает в жалобе заявитель, и могли ли эти обстоятельства повлиять на вывод о наличии оснований для прекращения уголовного дела. При этом по результатам разрешения жалобы судья не вправе делать выводы о доказанности или недоказанности вины, о допустимости или недопустимости доказательств.

¹ Областная газета. 2021. 17 февраля. URL: <https://www.oblgazeta.ru/newspaper/archive/2021-2/2766/> (дата обращения: 20.01.2022).

На это разъяснение, по сути, запретившее судьям вникать в обоснованность следственных решений, последние и ссылались, отклоняя жалобы потерпевшего Ч. Хотя законодатель установил триединство критериев: законность, обоснованность и мотивированность судопроизводственных актов (ст. 7 УПК РФ). Соответственно сконструирована и ст. 125 УПК РФ: судья должен оценить не только законность, но и обоснованность проверяемого решения. Разве можно проверить законность решения, не вникнув в его обоснованность? И какова цена законности, оторванной от объективности?

Потерпевший Ч. особо выделял несоблюдение следователем требований ст. 90 УПК РФ о преюдиции относящихся к делу вступивших в законную силу судебных актов, вынесенных в рамках гражданского, арбитражного или административного производства. Они должны приниматься судьей, прокурором, следователем без дополнительной проверки. Этим гарантируется защита решений суда от ревизии вне законной процедуры их пересмотра соответствующими судебными инстанциями². Следователь же переосмыслил решение райсуда, согласно которому ответчик С. не вернул долг, потратил его на себя лично, а не на предпринимательство, и уклоняется от исполнения обязательства. Последующие акты гражданского и арбитражного судов (по поводу абсурдного требования С. о расщорчке долга на полстолетия и его «банкротстве») следователь проигнорировал. Данные аргументы потерпевшего Ч. не затрагивали следственных доказательств, но на них не отреагировали судьи всех уровней, разбиравшие жалобы.

По обоим вышеприведенным делам правоохранители располагали всеми возможностями для обеспечения целей уголовного судопроизводства, где на первое место поставлена защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (ст. 6 УПК РФ). Но этого не случилось.

Как изменить ситуацию?

Часть юридического сообщества настаивает на введении института следственных судей. Сегодняшняя модель участия судей в превентивном контроле: дача санкций по мерам пресечения и следственным действиям, разрешение жалоб на действия (бездействия) и следственно-прокурорские решения, по мнению сторонников реформы, не согласуется с принципами беспристрастности и независимости судей при вынесении приговора по тому же делу. «Создание следственного судьи разделит

² Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации : курс лекций. Изд. 7-е. Екатеринбург, 2020. С. 123-125.

функции судебного контроля и разрешение уголовных дел по существу судом первой инстанции»³. При этом упускается, что на этапе предварительного расследования суд фрагментарно касается его материалов и здесь не решается еще вопрос о виновности.

Реформу оправдывают также желанием освободить районных судей от «побочной» нагрузки по ст. ст. 29 (ч. 2), 125 и 165 УПК РФ⁴. В итоге же получится, что одним и тем же делом будут заниматься два состава суда — «обычный» и «следственный». Подсчитано, что минимальный штат следственных судей составит 336 должностей⁵. К ним нужно прибавить судей предполагаемой специальной апелляционной палаты. Это потребует немалого финансирования.

А что это даст? Существуют опасения, что введение дополнительного контрольного органа не исправит, а усугубит обвинительный уклон в правосудии: через следственного судью будут легализовываться улики⁶.

Критически настроенные авторы обращают внимание на конъюнктурность реформаторов. Как только Президент В. В. Путин заинтересовался в 2019 г. фигурой следственного судьи, сразу посыпались предложения о перспективах их учреждения⁷. Но они мало были проработаны, не просчитывались организационные вопросы внедрения новшества как самостоятельной ветви или в системе общих судов⁸.

Гораздо убедительней выглядит другая позиция, согласно которой «и сейчас все судьи в сфере уголовного судопроизводства, по факту, являются судьями по следствию. Появление новшества не изменит существующую практику подавляющего удовлетворения ходатайств органов предварительного расследования». Статистические величины такой практики постоянны в разных странах на протяжении длительного времени (Арме-

³ Шарифуллин Р. А., Бурганов Р. С., Бикмиев Р. Г. Проблемы и перспективы создания института следственного судьи в уголовном процессе России // *Мировой судья*. 2020. № 5.

⁴ *Обзоры материалов СМИ. Следствию предложили судебный надзор*. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/26476/ (дата обращения: 20.01.2022)

⁵ Там же.

⁶ Милова И. Е. Следственный судья: возрождение института // *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*. 2016. № 3.

⁷ Глобенко О. А., Портняга Е. Б. Следственный судья: новое — хорошо забытое старое // *Уголовное судопроизводство*. 2020. № 2.

⁸ Петрякова А. В. Организационно – правовые вопросы в связи с введением института следственных судей в Российской Федерации // *Администратор суда*. 2021. № 1.

ния, Польша, Российская Федерация, Азербайджан). Это указывает, что судьи, преимущественно положительно разрешая ходатайства органов предварительного расследования, «тем самым создают им необходимые условия для реализации процессуальных обязанностей»⁹.

Реформаторы не вносят ясности в вопросы о недостатках действующего порядка судебного контроля и преимуществах расширения прав следственного судьи¹⁰.

Исторически отечественный уголовный процесс, в отличие от англосаксонского, функционирует по смешанному типу. В следственном производстве господствует розыскное начало с отношениями «власть — подчинение», а в суде — принцип состязательности и равноправия сторон. Сложился «баланс публичного и частного интересов», и в нем судебный контроль занимает строго определенное место. Баланс будет нарушен вмешательством следственных судей в производство тех или иных следственных действий в интересах защиты, приведет к снижению и так «невысокой эффективности раскрытия и расследования преступлений»¹¹.

Конец дискуссии положило заседание Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека 10 декабря 2020 г. На нем говорилось, что введение следственных судей или специальных прокуроров не устранит существующие в правосудии проблемы. Во-первых, новых людей будут рекрутировать из той же когорты чиновников. Во-вторых, реформа займет много времени на законодательное изменение существующей структуры. В-третьих, инициатива не просчитана финансово.

Президент РФ В. В. Путин заметил, что институт следственных судей в свое время не прижился у нас (вводился по судебной реформе 1864 г., но «массового характера не приобрел»¹²). Это не является панацеей от предотвращения каких-то негативных явлений в сфере следствия и дознания, возможны сговоры между различными инстанциями и конкретными людьми. А высказанная на Совете идея по созданию российского суда по правам человека повторяет прежнюю, о следственном судье.

⁹ Каретников А. С., Коретников С. А. Следственный судья — институт, в котором нет необходимости // Рос. судья. 2020. № 10.

¹⁰ Давлетов А. А., Азарёнок Н. В. Следственный судья в современной модели уголовного процесса // Рос. судья. 2020. № 6.

¹¹ Там же.

¹² Максutow А. А. Судебный контроль на досудебной стадии уголовного процесса в дореволюционной России // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 4. № 2(8). С. 72.

Она также «требует и финансирования, и изменения определенной системы». Президент обратил внимание на то, что Комиссия по эффективности правосудия при Совете Европы в недавнем своем докладе признала, что «российская система правосудия является одной из самых эффективных в мире, в Европе, во всяком случае»¹³.

Значит, речь должна идти не о ломке, а о соблюдении существующего порядка его исполнителями — следователями, их руководителями, прокурорами и судьями.

Во-первых, с прокуроров необходимо спрашивать за результаты надзора. Имеющиеся у них полномочия хотя и усечены против прежних, но достаточны для влияния на законность уголовных расследований.

Во-вторых, судьям нужно позволить, как это и прописано в законе, проверять по жалобам фактическую сторону бездействия и следственно-прокурорских решений, способных причинить ущерб конституционным правам и свободам либо затруднить доступ гражданам к правосудию. Целесообразно скорректировать ограничительное толкование Верховного Суда РФ. Его позиции меняются с течением времени по запросам общества и при политической заинтересованности.

Так, по уголовным делам в отношении предпринимателей¹⁴ (2011 г.) и по делам об экстремизме¹⁵ Пленум Верховного Суда РФ допустил обжалование постановления о возбуждении уголовного дела по мотиву отсутствия достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

Остается надеяться, что трактовка Пленума Верховного Суда РФ получит развитие, коснется и постановлений о прекращении уголовного дела. И не только по некоторым субъектам права, но распространится на всех российских граждан. Как тех, кто пострадал от преступлений, так и тех, кто претерпевает уголовную репрессию. Тогда поубавится и число сторонников перестройки уголовного процесса по чужому образцу.

¹³ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64638> (дата обращения: 21.01.2022).

¹⁴ О *практике* применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : постановление Пленума ВС РФ от 15 ноября 2016 г. № 48. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ О *судебной практике* по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума ВС РФ от 28 июня 2011 г. № 11 (в ред. от 20 сентября 2018 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

И. В. Смолькова

Нужен ли новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации?

Законы в сфере уголовного судопроизводства для государства, общества, отдельных граждан имеют принципиальное значение. По данному поводу уместно привести слова знаменитого французского просветителя Ш. Л. Монтескье, написанные им еще в XVIII в.: «Сведения о наилучших правилах, которыми следует руководствоваться при уголовном судопроизводстве, важнее для человечества всего прочего в мире. Только на применении к делу этих сведений и может быть основана свобода»¹.

Выдающийся русский процессуалист И. Я. Фойницкий, оценивая значение уголовно-процессуального законодательства в жизни государства и общества, отмечал: «Положения уголовного процесса оказывают крупное влияние на политическое состояние страны и составляют один из главнейших его признаков»².

Современный процессуалист А. В. Смирнов, подчеркивая значимость уголовного судопроизводства, пишет: «После войн и революций именно уголовный процесс занимает почетное третье место среди самых острых орудий политической борьбы и даже величайшая в мире история, рассказанная в Новом Завете (Суд Понтия Пилата над Иисусом Христом), — это с внешней стороны репортаж о судебном деле»³.

А некоторые авторы даже указывают на то, что в ряде случаев радикальные изменения уголовного судопроизводства были своеобразными предвестниками последующих социальных потрясений (Россия, 1917; Украина, 2014)⁴, поэтому государственная уголовная политика в этой сфере должна базироваться на четком понимании того, каких изменений в преступности можно ожидать, если предпринять меры по реорганизации тех или иных правоохранительных и судебных институтов.

Действительно, именно уголовно-процессуальное законодательство, его процессуальные гарантии есть подлинный критерий для суждения о том, насколько государство является правовым, ибо нигде

¹ Монтескье Ш. Л. О духе законов. Книга двенадцатая // Ш. Л. Монтескье. Избранные произведения. М., 1955. С. 318.

² Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. Т. 1. СПб., 1996. С. 12.

³ Смирнов А. В. Почему России нужен новый Уголовно-процессуальный кодекс // Уголовный процесс. 2014. № 9. С. 74–86.

⁴ Боруленков Ю. П. Следственный судья как «слабое звено» уголовно-процессуального доказывания // Библиотека криминалиста. 2015. № 3. С. 10.

столь отчетливо и резко не проявляются столкновение общественных и индивидуальных интересов, отношение государства к личности, как в этой сфере. Уровень развития уголовного судопроизводства давно стал «визитной карточкой» современного государства. На основании приведенных рассуждений можно сделать вывод о том, что главный закон в сфере уголовного судопроизводства — Уголовно-процессуальный кодекс — должен отвечать интересам общества, отражать его менталитет и представления о справедливости, учитывать сложившиеся многолетние (если не сказать, вековые) традиции. Безусловно, законодательный акт такого уровня и масштаба должен пользоваться уважением и пиететом не только у обычных граждан, но и, в особенности, у юристов — как ученых, его анализирующих, так и практических работников, его применяющих. Однако в реальности мы видим другую ситуацию, что не может не вызывать тревоги и беспокойства. В частности, многие ведущие процессуалисты страны высказываются резко отрицательно относительно качеств действующего УПК РФ. Л. В. Головкин: «Действующий УПК РФ внутренне абсолютно противоречив, он не дает какой-то логически завершенной модели, потому что, с одной стороны, сохраняет существенные советские деформации, а с другой, являясь по сути советским, одновременно сохраняет институты французского, немецкого происхождения»⁵.

П. П. Ищенко, Е. П. Ищенко: «Использованные авторами УПК РФ средства реформирования и «демократизации» отечественного уголовного процесса на деле привели к его гибридизации — возникновению своего рода юридической «химеры» ... Полученный гибрид нежизнеспособен, несмотря на все произведенные с ним операции ... Подобно фантастической голове профессора Доуэля одноименного романа А. Р. Беляева он существует вопреки здравому смыслу и инстинкту самосохранения нации лишь благодаря политической воле, его питающей»⁶.

В настоящее время УПК РФ подвергается не просто жесткой, но и нелицеприятной критике, довольно часто в совершенно недопустимых формах. Так, Л. В. Березина и В. М. Быков оценивают УПК РФ как «ущербный плод торопливости и непрофессиональности его создателей»⁷, Е. Яненко

⁵ Головкин Л. В. Российский судебный процесс архаичен. URL: <http://p01.pravo.ru/review/face/view/73251> (дата обращения: 25.01.2022).

⁶ Ищенко Е. П., Ищенко П. П. Можно ли устранить недостатки действующего УПК РФ? // Уголовное судопроизводство. 2007. № 2. С. 8.

⁷ Березина Л. В., Быков В. М. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК РФ. Казань, 2006. С. 5.

замечает, если заглянуть внутрь УПК РФ, там — «огромная “фига” улыбающейся во весь рот преступности»⁸.

В. А. Михайлов объясняет отрицательное, на его взгляд, состояние современного уголовного судопроизводства тем, что во многом оно явилось следствием проводимой либеральной политики «выдавливания» из уголовного процесса подлинно демократических, гуманистических начал объективности, честности, справедливости за счет дискреционного принятия и дискреционного применения ведомственных административных регламентов и иных подзаконных нормативных актов, регулирующих так называемые «инновационные», «модернизационные», «демократические» «услуги», ничего общего не имеющие с устоявшимися уголовно-процессуальными формами и с правовыми гарантиями прав участников уголовного процесса, установленных Конституцией РФ⁹.

Критика Кодекса доводится до утверждения, что он вообще не годится и должен быть заменен на новый, что судебная реформа в России не состоялась, а проведенные изменения ничего положительного не принесли. Ряд авторов ставит вопрос о принятии нового УПК РФ. А. Ф. Волынский полагает, что в основе нового УПК РФ должна быть менее забюрократизированная и затратная, более мобильная и эффективная концепция производства¹⁰.

Безусловно, действующий УПК РФ далек от совершенства, точно так же, как и любое человеческое творение (за исключением творческих шедевров), но это не дает основания для его столь уничижительной оценки. Вести речь о принятии нового УПК РФ преждевременно, его подготовка требует длительного времени, чрезвычайной осторожности. Никакой спешки быть не должно!

Прежде чем приступить к реформированию УПК РФ, необходимо выработать стратегию, определяющую дальнейшую направленность развития уголовно-процессуального законодательства, его ценностное ориентирование, отражающее господствующие в обществе представления о справедливости и значимости. Необходимо определить программу дей-

⁸ Яненко Е. Размышления у парадного фасада УПК // Российская юстиция. 2002. № 12. С. 66.

⁹ Михайлов В. А. Общие условия предварительного расследования как фактор обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства. М., 2016. С. 77.

¹⁰ Волынский А. В. УПК РФ: этот исправлять или новый разрабатывать? // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 2. С. 50.

ствий на достаточно продолжительный период времени, определяющую долгосрочный вектор развития уголовно-процессуального законодательства.

Представляется, что главными стратегическими проблемами являются следующие:

1) выбрать модель уголовного процесса, которой должна следовать Россия (континентальная, англосаксонская, смешанная), при ориентации на смешанную модель внимательно оценивать «совместимость» составляющих элементов;

2) определить круг деяний, признаваемых преступлениями.

До сегодняшнего дня законодатель пребывает в иллюзии, что с любыми общественно опасными отклонениями следует бороться силами Уголовного кодекса. Уголовное законодательство пребывает в состоянии инфляции. Следует реформирование уголовно-процессуального закона вести параллельно с реформированием уголовного закона. В настоящее время имеет место глубокий разрыв между данными видами законодательства.

Только определив стратегические направления развития законодательства, можно идти дальше, но не спешить в таком сложном процессе.

В заключение уместно привести слова одного из русских юристов, А. А. Левенстима, о различных непродуманных реформах законодательства: «Еще один систематический пересмотр действующих законов — и эти статьи и положения исчезнут как сухие листья, которые подхватил осенний ветер»¹¹. Именно такое и может случиться при поспешном и непродуманном реформировании уголовно-процессуального законодательства.

¹¹ Левенстим А. А. Следы прошлого в Своде законов // Вестник права. 1900. Т. XXX. Кн. 2. С. 45.

РАЗДЕЛ II. ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

М. М. Бондарь

Обвиняемый как участник досудебного производства: необходима ли модернизация процессуального статуса?

Оптимизация правовой системы в России должна осуществляться главным образом в целях укрепления гарантий прав личности, вовлекаемой в правоотношения. В уголовном судопроизводстве, безусловно, наиболее значимыми аспектами модернизации продолжают оставаться процессуальные фигуры обвиняемого и подозреваемого, соблюдение их прав и законных интересов, а также уголовно-процессуальная деятельность по наделению лица указанными процессуальными статусами или их прекращению.

Анализ норм УПК РФ, регламентирующих процессуальные статусы подозреваемого и обвиняемого (ст. ст. 46, 47), говорит о том, что они в основном сходны. Различны лишь те права обвиняемого, которые реализуются на завершающей стадии расследования (ознакомление с материалами уголовного дела) и в судебных стадиях уголовного процесса.

На современном этапе ученые-процессуалисты и практические сотрудники все больше склоняются к упрощению процессуальной формы предварительного расследования. Привлечение лица в качестве обвиняемого — это субъективное право государства на применение в отношении лица, совершившего уголовно наказуемое деяние, мер уголовно-правового характера. Большинство ученых-процессуалистов склоняются к тому, что выдвижение и обоснование обвинения имеет принципиально важное значение в уголовном судопроизводстве для обеспечения и охраны прав и законных интересов личности. Но в настоящее время высказываются мнения о необходимости реорганизации института привлечения лица в качестве обвиняемого путем исключения последнего из структуры предварительного следствия.

Так, диспозиции ст. ст. 97, 99 и 100 УПК РФ, регулирующих применение мер пресечения в уголовном судопроизводстве России, первоочередным провозглашают применение данных мер только для обеспечения реализации назначения уголовного судопроизводства и предусматривают такое применение только в исключительных случаях, при невозможности беспрепятственного осуществления уголовного судопроизводства без этого. На практике же, как известно, часто именно избранием меры пресечения лицу, вовлекаемому в уголовный процесс, придается процессуальный статус подозреваемого, поскольку другими правовыми средствами субъекты уголовного преследования не наделены. Получается замкнутый круг: избирается мера пресечения в отношении лица, которое тем самым вводится в уголовный процесс в качестве подозреваемого, после этого, будучи ограниченным десятидневным сроком, следователь предъявляет обвинение, при этом решение это быстрое, часто не подкрепленное достаточными доказательствами. В постановлении об избрании меры пресечения указывается стандартная фраза: «есть основания полагать, что гр. Т причастен к совершению такого-то преступления».

Доказательства, которые имеются в материалах уголовного дела на момент принятия решения о предъявлении лицу обвинения и должны быть положены в его основу как достаточные, привлекаемому лицу не предъявляются. А нередко следователи только лишь предполагают получить такие доказательства, самонадеянно рассчитывают на то, что к моменту окончания производства по уголовному делу весь необходимый объем доказательств будет собран. Например, такие постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, составляемые «на скорую руку», выносятся для соблюдения установленного законом 10-дневного срока с момента избрания меры пресечения. При этом в подобном постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого в нарушение п. 4 ч. 2 ст. 171 УПК РФ указывается только фабула расследуемого преступления, без уточнения конкретных обстоятельств совершенного преступления, форм вины и т. д. Придание лицу, вовлеченному в уголовный процесс, статуса обвиняемого «формальным» постановлением неприемлемо, так как может напрямую нарушать права и законные интересы обвиняемого и не дает возможности полноценно реализовать его право на защиту.

Представляется нецелесообразной закреплённая в законе обязанность органа расследования предъявить обвинение лицу, в отношении которого избрана мера пресечения, в срок, не превышающий десяти суток. При этом полагаем, что основания избрания меры пресечения, а так-

же цели, для которых они применяются, в целом не соотносятся с целями и задачами института предъявления обвинения, а значит и всего уголовного процесса.

Процессуальный статус обвиняемого, как и подозреваемого, означает и для него самого и для окружающих, что данное лицо причастно к преступлению. В обыденном, общечеловеческом понимании вовлечение лица в процесс расследования по уголовному делу в любом статусе (подозреваемый или обвиняемый) означает своеобразное «очернение» лица, выставление его в неблагоприятном свете. Такие обстоятельства влекут, в том числе, репутационные потери для человека. У приобретающего данный статус лица, как и у окружающих, осведомленных об этом обстоятельстве, формируется мнение о его виновности в совершении данного преступления. При этом даже последующее прекращение уголовного преследования в отношении подозреваемого не всегда может восстановить все права, которые были затронуты уголовным преследованием, в том числе и репутацию данного лица в глазах общественности.

Считается, что получить процессуальный статус «подозреваемый» по уголовному делу (когда имеется только предположение о совершении лицом преступления) менее опасно в процессуальном смысле и менее существенно в обыденном, в сравнении с приобретением процессуального статуса «обвиняемый» (когда орган расследования выражает уверенность в том, что преступление совершено данным лицом). Комплексный анализ норм УПК РФ, регламентирующих процессуальные статусы «обвиняемый» и «подозреваемый», дает возможность говорить о том, что имеются незначительные отличия данных процессуальных статусов: подозреваемому предоставляется практически идентичный перечень прав, что и обвиняемому на стадии предварительного расследования.

Сторонники сохранения классической школы уголовного судопроизводства придерживаются мнения, что процессуальный статус подозреваемого представляет собой своеобразную «промежуточную» процессуальную фигуру, так называемое «предобвинение». Однако, данная позиция не совсем точно в реалиях современного уголовного судопроизводства отражает сущность процессуального статуса, принижая его значение.

Правильной видится позиция Б. Я. Гаврилова, что основные права, которыми закон наделяет подвергаемое уголовному преследованию лицо, оно получает с момента придания ему именно статуса подозреваемого: на

защиту; на представление доказательств; дачу показаний и объяснений; ознакомление с постановлением о назначении экспертизы и заключением эксперта; на заявление отводов и ходатайств¹.

Требования законодателя о недопустимости как необоснованного затягивания с привлечением в качестве обвиняемого, так и необоснованной поспешности в совершении данного процессуального действия, на практике фактически не реализуются. И в «промежуточном» процессуальном статусе «подозреваемый» лицо находится, как правило, основную часть расследования по уголовному делу, реализуя основной объем своих прав, предоставленных УПК РФ лицу, в отношении которого осуществляется уголовное судопроизводство, а также использует весь комплекс защитных средств, необходимых в стадии предварительного расследования. Видится, что на современном этапе развития уголовного судопроизводства практически нивелированы отличия процессуальных статусов «подозреваемый» и «обвиняемый»².

Создание надежного правового механизма обеспечения прав обвиняемого имеет двуединую задачу: во-первых, защиту прав, свобод и законных интересов граждан, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений, во-вторых, раскрытие, расследование преступлений, надлежащее рассмотрение и разрешение уголовных дел.

Институт привлечения лица в качестве обвиняемого в современном демократическом правовом государстве должен в полной мере обеспечить его права и законные интересы.

Улучшению положения, полагаем, может способствовать закрепление в УПК РФ требования об обязанности в каждом случае в постановлении об избрании в отношении лица меры пресечения указывать конкретные доказательства, положенные в основу принятия решения о ее избрании или задержании лица, и исключение из УПК РФ обязанности предъявить обвинение лицу, в отношении которого избрана мера пресечения до предъявления обвинения, в срок, не превышающий десяти суток с момента применения меры пресечения, а если подозреваемый был задержан, то с момента его задержания, а также предусмотреть необходимость указывать в постановлении о привлечении лица в качестве

¹ Гаврилов Б. Я. Институт предъявления обвинения: современное состояние и пути развития. URL: <https://wiselawyer-ru.turbopages.org/wiselawyer.ru/s/poleznoe/37642-institut-predyavleniya-obvineniya-aktualnye-problemy-sovshenstvovaniya> (дата обращения: 10.01.2022).

² Кругликов А. П. Обвиняемый: нужен ли такой участник в уголовном процессе современной России? // Вестник СамГУ. 2014. № 11/2(122). С. 106–112.

обвиняемого конкретные доказательства виновности данного лица в совершении конкретного инкриминируемого ему деяния.

Целесообразно включить в процедуру привлечения лица в качестве подозреваемого вручение копии постановления о возбуждении уголовного дела, одновременно с разъяснением ему прав подозреваемого, предусмотренных ст. 46 настоящего Кодекса, о чем составлять соответствующий протокол, после чего в течение трех суток с момента вручения лицу копии постановления о возбуждении в отношении него уголовного дела допросить подозреваемого по существу подозрения. Это повысит значимость процессуального статуса подозреваемого, уравнив его в понимании правоприменителей и общественности с обвиняемым, а также обусловит поглощение процедуры предъявления обвинения процедурой составления обвинительного заключения, что сократит сроки расследования, исключит формальное применение процедур предъявления обвинения.

О. С. Головачук

Перспективы частного обвинения в современном уголовном процессе

В апреле 2021 г. Пленум Верховного Суда РФ внес в Государственную Думу РФ законопроект, направленный на изменение вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 115, ст. 116¹ и ч. 1 ст. 128¹ УК РФ, т. е. на упразднение частного обвинения.

В пояснительной записке к указанному законопроекту говорится, что производство по делам частного обвинения (где фактически отсутствует стадия предварительного расследования, а бремя доказывания возложено на само лицо, пострадавшее от преступного посягательства) «не отвечает потребностям эффективной уголовно-правовой защиты прав и свобод человека и гражданина, его здоровья, чести, достоинства и репутации от соответствующих общественно опасных посягательств, а также не согласуется с политикой государства в области обеспечения безопасности личности и противодействия преступности, в том числе предупреждения “домашнего” насилия»¹.

¹ *Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116¹ и частью первой статьи 128¹ Уголовного кодекса Российской Федерации)»*. URL: https://legal.report/wp-content/uploads/2021/04/zakonoproekt_chastnyi_poryadok_obviniya.pdf (дата обращения: 20.02.2022).

Учитывая изложенное, предлагается отнести уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 115, ст. 116¹ и ч. 1 ст. 128¹ УК РФ, к числу преследуемых в порядке частного-публичного обвинения. Данная категория дел возбуждается по заявлению потерпевшего, но дальнейшее производство возложено на правоохранительные органы. Кроме того, примирение потерпевшего и обвиняемого по этим делам не является безусловным основанием для прекращения уголовного дела. Окончательное решение будет зависеть от усмотрения должностного лица, осуществляющего производство по делу. При этом закон (ст. 76 УК РФ) содержит определенные требования к личности обвиняемого, с которым возможно примирение (лицо должно впервые привлекаться к уголовной ответственности). В противном случае, даже если конфликт между обвиняемым и потерпевшим исчерпан, примирение будет невозможно.

Итогом воплощения в жизнь данного законопроекта должно стать повышение уровня уголовно-правовой защиты лиц, пострадавших от названных преступлений, а также эффективности предупреждения семейно-бытового насилия. Но действительно ли необходимо ликвидировать частное обвинение? И только ли его упразднение позволит достичь обозначенные Верховным Судом РФ цели?

Полагаем, что ликвидация частного обвинения не способствует защите прав и законных интересов жертв преступных посягательств, предусмотренных ч. 1 ст. 115, ст. 116¹ и ч. 1 ст. 128¹ УК РФ.

Так, одним из критериев отнесения указанных преступлений к числу преследуемых в порядке частного обвинения является то, что они затрагивают специфический круг отношений: это отношения между членами семьи, родственниками, знакомыми, сослуживцами и соседями по квартире. Нельзя не согласиться с утверждением С. И. Катькало и В. З. Лукашевича, что «семейно-брачным отношениям, отношениям родства, дружбы и товарищества может быть нанесен непоправимый урон, если посторонние лица, общественные организации или государственные органы вмешиваются в урегулирование конфликта помимо воли потерпевшего, который, как правило, лучше осведомлен как о причинах, так и об обстоятельствах совершения преступления»². Поэтому действующий уголовно-процессуальный закон предоставляет гражданам возможность урегулировать подобные конфликты по собственному усмотрению, без вмешательства правоохранительных органов. Такая возможность сохраняется даже после обращения потерпевшего с заявлением к мировому су-

² Катькало С. И., Лукашевич В. З. Судопроизводство по делам частного обвинения. Л., 1972. С. 36.

дье о возбуждении уголовного преследования. Это объясняется тем, что основная цель состоит в разрешении возникшего конфликта. И если потерпевший и обвиняемый примирились и их взаимоотношения пришли в норму, то нет необходимости привлекать лицо к уголовной ответственности. Судебное воздействие в таком случае приведет только к обострению отношений между участниками конфликта. Поэтому дело подлежит прекращению за примирением сторон.

Но внесенный законопроект лишает потерпевшего и обвиняемого возможности примириться и тем самым исчерпать конфликт. Он ставит возможность примирения в зависимость от усмотрения должностного лица, кроме того, не дает примириться, если обвиняемый ранее уже привлекался к уголовной ответственности.

Защищает ли такая новелла потерпевших? Следует помнить, что санкции ч. 1 ст. 115 и ст. 116¹ УК РФ в качестве наиболее строгого вида наказания предусматривают арест (на 4 или 3 месяца). Но, как правило, чаще всего назначаются иные виды наказаний, предусмотренные данными статьями: штраф, обязательные или исправительные работы. Таким образом, жертва и осужденный преступник (озлобленный в ряде случаев из-за самого факта привлечения к уголовной ответственности) продолжают жить под одной крышей (если речь идет о семейно-бытовых конфликтах), что отнюдь не способствует нормализации их отношений и не предотвращает в перспективе семейное насилие.

Кроме того, обязательное проведение предварительного расследования по делам о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 115, ст. 116¹ и ч. 1 ст. 128¹ УК РФ, приведет к значительному увеличению нагрузки на органы дознания, что не может не сказаться на качестве и оперативности осуществляемой деятельности. Как следствие, будут страдать и интересы потерпевших по рассматриваемой категории уголовных дел.

В то же время институт частного обвинения в том виде, в каком он существует на сегодняшний день, нуждается в реформировании.

Ученые-процессуалисты неоднократно обращали внимание на те трудности, с которыми сталкивается пострадавший от преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения, при самостоятельном осуществлении обвинительной деятельности. Так, З. З. Талынева и Л. У. Резяпова указывали, что частному обвинителю (такой статус приобретает пострадавший после принятия его заявления мировым судьей к производству) достаточно сложно самостоятельно осуществлять деятельность по собиранию доказательств, уличающих обвиняемого. Это может быть обусловлено как объективными причинами (низкая правовая культу-

ра населения, отсутствие необходимых финансовых средств и др.), так и субъективными (преклонный возраст, состояние здоровья и т. п.)³. При этом в качестве средства защиты прав частного обвинителя предлагалось предоставлять ему бесплатно помощь представителя (адвоката) с компенсацией расходов за счет федерального бюджета. В частности, такие предложения можно встретить в работах З. З. Талыневой и Л. У. Резяповой⁴, Ю. Н. Благининой⁵ и др. Представляется, что в современных экономических условиях Российского государства реализация данного положения весьма затруднительна.

В. Н. Погодин, поддерживая предложение о назначении частному обвинителю в качестве представителя профессионального адвоката, также говорил о необходимости «предоставить суду больше полномочий по участию в исследовании доказательств, наделив его правом не только на оказание содействия сторонам в собирании доказательств, но и на самостоятельное собирание доказательств, в том числе назначение экспертиз при отсутствии ходатайства сторон, вызов свидетелей, не указанных в заявлении по делу частного обвинения, и исследованию доказательств в ходе судебного следствия»⁶.

Полагаем, что подобное расширение полномочий мирового судьи противоречит основам состязательного уголовного процесса.

В то же время, на наш взгляд, для решения обозначенной проблемы необходимо наделить мирового судью правом передать заявление потерпевшего от преступления, преследуемого в порядке частного обвинения, для производства дознания, если к нему с соответствующим ходатайством обратится сам заявитель, который не в состоянии нести бремя доказывания. При этом не следует лишать потерпевшего права на примирение с обвиняемым.

Это позволит, с одной стороны, защитить права и законные интересы потерпевших, а с другой, избежать чрезмерной нагрузки на органы дознания.

³ Талынева З. З., Резяпова Л. У. Совершенствование производства по делам частного обвинения как реальная необходимость// Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 2. С. 174.

⁴ Там же. С. 175.

⁵ Благинина Ю. Н. Некоторые проблемы законодательной регламентации по делам частного обвинения// Вопросы российской юстиции. 2020. Вып. 8. С. 403.

⁶ Погодин С. Б. Проблемы правовой регламентации доказывания по делам частного обвинения // Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: история, современность и перспективы развития: мат-лы Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения Цили Моисеевны Каз (г. Саратов, 3 апреля 2020 г.) : сб. науч. ст. Саратов, 2020. С. 117.

А. Л. Карлов

Согласие с предъявленным обвинением не должно признаваться условием для заключения досудебного соглашения о сотрудничестве

В отличие от особого порядка судебного разбирательства, регламентированного гл. 40 УПК РФ, закон напрямую не связывает возможность заключения досудебного соглашения с согласием с предъявленным обвинением. Вместе с тем следственная практика показывает, что такое условие учитывается следователями и прокурорами при заключении абсолютного большинства досудебных соглашений¹.

Можно предположить, что основанием для этого служат положения п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 16 от 28 июня 2012 г., где прямо указано, что одним из условий постановления в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, обвинительного приговора является его согласие с предъявленным обвинением². В качестве аргумента также приводят ч. 1 ст. 317⁵ УПК РФ, согласно которой прокурор выносит представление по делу, поступившему с досудебным соглашением, только при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением.

Однако, полагаем, что приведенные положения не в полной мере применимы к этапу заключения досудебного соглашения, поскольку:

1) заключение досудебного соглашения закон допускает не только с обвиняемым, но и с подозреваемым, т. е. до предъявления обвинения как такового;

2) обвинение, предъявленное на момент заключения досудебного соглашения, может качественно изменяться, в том числе в сторону увеличения объема;

3) использованные формулировки указывают на обязательность согласия с обвинением непосредственно при вынесении прокурором представления, а также при постановлении обвинительного приговора;

¹ В ходе исследования были изучены материалы 296 уголовных дел, по которым заключены досудебные соглашения, в 78% случаев такие соглашения были заключены с обвиняемыми, каждый из которых был согласен с обвинением на момент заключения соглашения.

² О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16(п.4). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4) обозначенная позиция законодателя и Верховного Суда РФ определяется исключительно предстоящим особым порядком судебного разбирательства и непосредственного отношения к заключению досудебного соглашения не имеет.

Учитывая направленность института досудебного соглашения на обеспечение эффективного доказывания по уголовному делу, полагаем, что полное или частичное несогласие с предъявленным обвинением на момент его заключения не снижает ценности результатов сотрудничества, в связи с чем не должно рассматриваться как препятствие для заключения досудебного соглашения.

Интервьюирование следователей органов внутренних дел показывает, что 40% опрошенных сталкивались с ситуациями, когда обвиняемому было отказано в заключении досудебного соглашения по причине того, что он был согласен только с частью предъявленного обвинения. А. С. Александров, В. В. Колесник приводят обратный пример, когда в ходатайстве о заключении досудебного соглашения обвиняемый указал: «Я задержан по подозрению в получении взятки группой лиц по предварительному сговору. Считаю, что в моих действиях этого состава преступления не содержится. Несмотря на это, я желаю представить правдивые показания об этих обстоятельствах совершения обнаруженного моего противоправного поведения, а также о роли каждого участника в происшедшем событии... Помимо этого, я склонен дать показания об обстоятельствах совершения преступления знакомых мне должностных лиц, связанные с фальсификацией доказательств по уголовному делу о расследовании преступлений о незаконном обороте наркотических средств». Досудебное соглашение с ним было заключено и реализовано³. Такая практика, на наш взгляд, не противоречит приведенным положениям закона и толкованию Верховного Суда РФ, поскольку следствием были получены важные для дела доказательства, а вопрос о согласии с предъявленным обвинением приобретает значение (в рассматриваемом контексте) лишь на завершающих этапах расследования, для определения порядка судебного разбирательства.

На момент заключения досудебного соглашения о сотрудничестве определяющее значение должно иметь наличие или отсутствие доказательств, (установление необходимых следствию обстоятельств) в соотношении с теми действиями, которые готов выполнить обвиняемый в рамках сотрудничества со следствием. Его оценка предъявленного обвинения на рассматриваемое решение никакого влияния не оказывает, кроме того,

³ Александров А. С., Колесник В. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в российском уголовном судопроизводстве: монография / М., 2018. С. 59.

возможность качественно оценить обоснованность обвинения обвиняемый получает только после ознакомления со всеми материалами уголовного дела (как это имеет место при решении вопроса об особом порядке судебного разбирательства в порядке гл. 40 УПК РФ). Фактически на этапе заключения досудебного соглашения может иметь место лишь предварительное согласие с предъявленным обвинением, которое из-за складывающейся практики становится вынужденным.

Предложенная логика в очередной раз показывает порочность обязательной «связки» досудебного соглашения о сотрудничестве и особого порядка судебного разбирательства, при их нормативном «разделении» вопрос о необходимости согласия с предъявленным обвинением теряет свою актуальность.

Можно констатировать, что как нормативные, так и логические основания для признания согласия с предъявленным обвинением обязательным условием для заключения досудебного соглашения о сотрудничестве отсутствуют.

Е. Е. Коробкова

Институт привлечения в качестве обвиняемого требует реформирования: за и против

Реформирование российского уголовного судопроизводства, существо и результаты которого не перестают быть объектом внимания на страницах периодических изданий, не завершено, а напротив, набирает обороты. Все чаще обсуждаемые планируемые перемены в большей степени ориентированы на опыт соседних государств, результаты преобразований в которых выглядят внешне очень масштабно и привлекательно. Это и введение должности следственного судьи, и отказ от стадии возбуждения уголовного дела, и отказ от института привлечения в качестве обвиняемого, и институт медиации, и институт негласных следственных действий и многое другое, что при более внимательном прочтении позволяет в некоторых случаях усомниться в наличии у них какого-либо нового содержания. В связи с этим вызывает определенный интерес возможное реформирование института привлечения в качестве обвиняемого, одного из фундаментальных институтов, который продолжает оставаться для российского уголовного процесса обязательным этапом предварительного следствия и имеет значение как для стороны обвинения и стороны защиты, так и для уголовного судопроизводства в целом.

Вместе с тем роль института привлечения лица в качестве обвиняемого, по мнению большинства ученых и практиков, перестала быть столь значимой в последнее время: во-первых, на сегодняшний день уголовное преследование начинается задолго до предъявления обвинения; во-вторых, различия в правовом статусе подозреваемого и обвиняемого практически стерлись, в связи с чем представляется оправданным оставить в качестве основного участника досудебного производства лишь подозреваемого; в-третьих, долгий период защитник допускался к участию в расследовании уголовного дела именно с момента вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, однако сегодня правовое основание допуска к участию в уголовном деле защитника «переместилось» на более ранний этап досудебного производства и адвокат может действовать с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ; в-четвертых, пределы судебного разбирательства должны определяться обвинением, сформулированным в обвинительном заключении (обвинительном акте); в-пятых, в суд успешно направляется большое количество уголовных дел, расследованных в форме дознания, при производстве которого привлечение в качестве обвиняемого не предусмотрено, при этом никаких заявлений о нарушении прав обвиняемого на защиту не поступало; в-шестых, этап привлечения лица в качестве обвиняемого вступает в противоречие с презумпцией невиновности.

Анализ уголовно-процессуального закона, действительно, позволяет нам сегодня по-другому взглянуть на институт привлечения лица в качестве обвиняемого. Однако, говоря о необходимости его преобразования, нужно четко представлять результат, которого мы хотим достичь. На сегодняшний день все чаще встречаются предложения отказаться от института привлечения в качестве обвиняемого, но лишь немногие из них ориентированы на конечный результат предлагаемого реформирования¹, хотя и они, в свою очередь, получили неоднозначную оценку, как со стороны ученых, так и со стороны практиков.

Очень взвешенного анализа, на наш взгляд, требует одна из возможных альтернатив: замена института привлечения лица в качестве

¹ Гаврилов Б. Я. Доктрина досудебного производства: настоящее и будущее // Российская юстиция. 2018. № 1 ; *Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней* / под ред. А. С. Александрова. М., 2015. 304 с.

обвиняемого институтом квалификации деяния (по образцу некоторых постсоветских государств, в частности Республики Казахстан). Для уголовного процесса данного государства характерно, что уголовное преследование реализуется в форме подозрения на протяжении всего расследования, обвиняемый появляется лишь на окончательном этапе производства по делу с момента утверждения прокурором обвинительного акта, в котором сформулирован обвинительный тезис. Одновременно с этим при более детальном изучении норм уголовно-процессуального закона становится очевидно, что введенный институт квалификации деяния является, фактически, аналогичным институту привлечения в качестве обвиняемого и представляет собой копирование прежнего института под другим названием. Само существо этого этапа производства по уголовному делу остается прежним. Следовательно реализует предоставленное ему право конкретизировать существо уголовного преследования и предъявить лицу четкий обвинительный тезис. При этом в соответствии с решениями Европейского Суда по правам человека² термину «обвинение» должно придаваться «содержательное, а не формальное значение». У следователя объективно появляется возможность детально выяснить позицию преследуемого лица применительно к конкретно сформулированному обвинительному тезису, который одинаково выражен как в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, так и в постановлении о квалификации деяния. Привлечение лица в качестве обвиняемого предоставляет следователю возможность избирать в отношении обвиняемого меру пресечения на длительный срок, в отличие от предыдущего этапа уголовного преследования, когда применять меру пресечения к подозреваемому можно было лишь в исключительном порядке (ст. 100 УПК РФ). Такая же процедура избрания меры пресечения на длительный срок предусмотрена и применительно к институту квалификации деяния подозреваемого. Обвиняемый (подозреваемый в рамках действия института квалификации деяния) в свою очередь получает возможность целенаправленно защищаться, зная, в чем он обвиняется («утвердительно подозревается»), кроме того, это один из моментов вступления в уголовное дело защитника. И наконец, нельзя не признать, что как бы ни называлось данное производство по уголовному делу, оно является новым качественным этапом уголовного преследования, заключающимся в «утверждении ор-

² Постановление от 15 августа 1982 г. по делу «Экле (Eckle) против Федеративной Республики Германии (жалоба № 8130/78) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: в 2 т. М., 2000.

ганами расследования о совершении определенным лицом конкретного преступления»³, от которого нельзя необдуманно отказаться российскому уголовному процессу в угоду единственной цели — реформировать досудебное производство.

Т. В. Куряхова

Основания и порядок продления срока производства по уголовному делу, переданному прокурором органу расследования после возвращения судом в порядке ст. 237 УПК РФ

С принятием УПК РФ окончательно на законодательном уровне с судей была снята ответственность за обоснованность предания обвиняемого суду. Новое качество стадии назначения и подготовки к судебному разбирательству связано с полным отказом законодателя на судебных стадиях от института возвращения уголовного дела для дополнительного расследования и появлением новой правовой конструкции — возвращение уголовного дела прокурору, закрепленной в ст. 237 УПК РФ. С этого момента судья обязан назначить судебное заседание в отношении каждого лица, дело по обвинению которого поступило для рассмотрения по существу. В отличие от периода действия УПК РСФСР неполнота и односторонность предварительного расследования основанием для возвращения уголовного дела в досудебное производство не являются. Оценка уголовного досье происходит с точки зрения наличия формальных нарушений закона, неустранение которых может повлечь отмену приговора вышестоящими инстанциями. В первоначальной редакции ст. 237 УПК РФ содержался исчерпывающий перечень нарушений, препятствующих назначению уголовного дела к судебному разбирательству, устранение которых охватывалось компетенцией прокурора. Передача дела от прокурора органу расследования не предполагалась. В силу ч. 2 ст. 237 УПК РФ суд обязывал прокурора обеспечить устранение допущенных нарушений в течение пяти суток. Последующие дополнения статьи были направлены на корректировку стихийно сложившейся практики направления прокурорами уголовных дел следователям и дознавателям. Распро-

³ Ефремова Н. П., Кальницкий В. В. Привлечение в качестве обвиняемого : учебно-практическое пособие. Омск, 2007. С. 8; Досудебное производство в уголовном процессе : учеб. пособие для вузов / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. М., 2017. С. 95.

странение получили ситуации, когда после повторного принятия дела к производству должностные лица следственных органов фактически производили дополнительное расследование. При наличии оснований уголовные дела приостанавливались, прекращались, предъявлялось обвинение с учетом новых сведений, полученных в ходе дополнительного производства по делу. Отстаивая особое качество возвратного механизма и проводя водораздел с институтом дополнительного расследования, законодатель, во-первых, ввел запрет на производство следственных и осуществление иных процессуальных действий, не предусмотренных ст. 237 УПК РФ; во-вторых, закрепил запрет на использование доказательств, если они все же были получены по истечении пятисуточного срока либо при производстве процессуальных действий, не предусмотренных рассматриваемой статьей.

Однако еще до изменения закона и позже в многочисленных решениях Конституционный Суд РФ аргументировал правовую позицию о праве суда по ходатайству сторон или по собственной инициативе вернуть уголовное дело прокурору для нейтрализации существенных нарушений закона, если они препятствуют разрешению дела по существу. Такое возвращение не должно преследовать цель восполнения неполноты проведенного расследования. В интересах правосудия не устранимое в суде нарушение должно быть устранено, даже если для этого необходимо прибегнуть к помощи органа расследования. Например, если лицу, не владеющему языком уголовного судопроизводства, предъявлено обвинение без защитника, то повторно предъявить обвинение может только следователь. Устранение нарушений такого рода невозможно без проведения следственных действий, поэтому запрет на их производство признан высшим органом конституционного контроля неконституционным¹. Вместе с тем Конституционный Суд РФ именует новый возвратный механизм «особым» порядком движения назад, не тождественным дополнительному расследованию².

¹ По делу о проверке конституционности положений пункта 2 части первой и части третьей статьи 232 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Л. И. Батищева, Ю. А. Евграфова, О. Ф. Фролова и А. В. Шмелева : постановление Конституционного Суда РФ от 4 марта 2003 г. № 2-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гр-на Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запро-

Коль скоро возвращение уголовного дела на этап предварительного расследования стало возможным, но дополнительное расследование по нему не предполагается, встает вопрос о правилах устранения нарушений. Специфика уголовно-процессуальной формы деятельности органа преследования, следующей за возвращением, предопределяется своеобразием решения суда о возвращении уголовного дела прокурору³. Такая деятельность связана тремя ключевыми аспектами: локальностью задач (*устранение препятствий, указанных в постановлении суда*); субъектом, которому суд поручает устранение (исходя из названия и содержания ст. 237 УПК РФ таким субъектом выступает *прокурор*); запретом возвращения уголовного дела в целях восполнения неполноты ранее проведенного предварительного расследования. С учетом данных критериев определимся с правилами исчисления и продления сроков досудебного производства по устранению нарушений закона.

Чтобы подчеркнуть автономность процедуры по исполнению постановления суда о возвращении уголовного дела прокурору в вопросе регламентации сроков производства, самостоятельный институт получил специальное регулирование в ч. 6¹ ст. 162 УПК РФ. Из содержания нормы вытекает, что предусмотренный законом месячный срок устранения установлен нормативно и не предполагает вынесения отдельного правоприменительного акта⁴. Однако при описании дальнейшего порядка продления срока в законе допущена серьезная ошибка. Согласно данной норме, если в месячный срок нарушение не устранено, дальнейшее продление осуществляется по общим правилам руководителем следственного органа соответствующего уровня. Основания продления такого производства в законе не названы.

сом Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П (п. 3.1). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

³ Подробно об особенностях досудебного производства по возвращенному прокурору уголовному делу см.: *Кальницкий В. В., Куряхова Т. В.* Особый порядок деятельности прокурора и органа расследования по возвращенному судом уголовному делу // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № 4(83). С. 306–311.

⁴ Об установлении срока производства следственных и иных процессуальных действий по возвращенному судом уголовному делу см.: *Кальницкий В. В., Куряхова Т. В.* Установление срока для производства следственных и иных процессуальных действий по возвращенному судом уголовному делу // Совершенствование уголовно-процессуальных и криминалистических мер противодействия преступности : мат.-лы междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2021. С. 38–43.

На наш взгляд, особенности продления следователем производства следственных и иных процессуальных действий⁵ проявляются в следующем:

1. Основанием продления срока производства выступают обстоятельства, не позволившие выполнить указание суда об устранении нарушений закона, препятствующих рассмотрению уголовного дела, и необходимость обеспечить доступ заинтересованным участникам процесса к материалам уголовного дела.

После устранения нарушений закона и исполнения процедур, обеспечивающих доступ участников уголовного судопроизводства к новым (дополнительным) материалам, уголовное дело следует направить прокурору для передачи в суд.

В связи с запретом на восполнение неполноты предварительного следствия продление в целях продолжения расследования (установление обстоятельств, названных в ст. 73 УПК РФ⁶) незаконно. Даже если не исчерпаны возможности доказывания (можно устранить противоречия, уточнить стоимость похищенного, отыскать очевидцев преступления, опровергнуть версию обвиняемого и т. д.), после выполнения указаний суда производство по уголовному делу должно завершиться. В этом проявляется принципиальное отличие порядка устранения препятствий к рассмотрению уголовного дела от ординарного предварительного следствия.

2. Прокурор, которому поручено устранить препятствия к рассмотрению уголовного дела, а не руководитель следственного органа должен обладать правом продления срока производства следственных и иных процессуальных действий.

Суд возвращает уголовное дело не органу расследования, а прокурору. Передача уголовного дела следователю — вынужденная мера, поскольку у прокурора отсутствуют полномочия по устранению большинства нарушений закона. За прокурором сохраняются властно-распорядительные полномочия, приобретенные им в момент первоначального направления следователем уголовного дела с обвинительным заключением. На этом этапе указания прокурора являются для следователя обязательными.

⁵ Такое название производства, следующего за передачей уголовного дела от прокурора следователю, используется законодателем в ч. 6¹ ст. 162 УПК РФ.

⁶ Место, время, способ совершения преступления; иные обстоятельства, имеющие значение для разрешения уголовного дела; виновность лица в совершении преступления; обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; характер и размер вреда, причиненного преступлением, и т. д.

Он контролирует исполнение поручений суда, значит, должен регулировать и срок. Предметом ведомственного контроля выступает выполнение следователем поручения прокурора об исполнении указаний суда.

На законодательном уровне необходимо принципиально пересмотреть порядок и основания продления срока производства по возвращенному судом уголовному делу. Это важный шаг на пути обеспечения точной реализации органами расследования воли прокурора, основанной на волеизъявлении суда.

И. Н. Нуриев

К вопросу о необходимости закрепления в УПК РФ фиксированных сроков ознакомления с материалами уголовного дела

На протяжении 20 лет действия Уголовно-процессуального кодекса РФ правоприменитель в лице органов предварительного расследования сталкивался с различными проблемами, связанными с несовершенством отдельных норм, которые планомерно устранялись законодателем.

Однако в настоящее время вне поля зрения законодателя остаются нормы, существенно затрудняющие осуществление досудебного производства в разумный срок. Одной из таких норм является ст. 217 УПК РФ, предусматривающая процедуру ознакомления с материалами уголовного дела.

Анализ деятельности органов предварительного расследования показывает, что при ознакомлении с материалами уголовного дела сторона защиты, а именно обвиняемый и его защитник, нередко умышленно злоупотребляют правом на защиту, затягивая срок ознакомления с материалами уголовного дела и тем самым оказывая существенное противодействие органам предварительного расследования, что в свою очередь приводит к нарушению разумного срока досудебного производства, предусмотренного ст. 6¹ УПК РФ¹.

Стоит отметить, что ныне популярный у обвиняемых и защитников способ затягивания предварительного расследования в советское время был невозможен. В первую очередь это было обусловлено тем, что срок ознакомления с материалами уголовного дела не входил в об-

¹ Кузнецова С. М., Нуриев И. Н.-О. Процессуальный порядок ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела на этапе окончания предварительного расследования : учеб. пособие. Хабаровск, 2020. С. 68.

щий срок предварительного следствия (ст. 133 УПК РСФСР 1960 г.), в связи с этим смысла в затягивании сроков предварительного расследования посредством длительного ознакомления с материалами уголовного дела стороной защиты не было, и, как правило, обвиняемый и его защитник, наоборот, в возможно короткое время знакомились с материалами. Однако с изменением уголовно-процессуального законодательства указанный способ затягивания предварительного расследования стал занимать лидирующие позиции среди всех известных способов².

Так, в СУ УМВД России по Приморскому краю по уголовному делу, возбужденному по ч. 4 ст. 160 УК РФ в связи с растратой денежных средств руководителями ОАО Дальневосточный завод «Звезда», из-за постоянной замены защитников при ознакомлении с материалами уголовного дела данная процедура длится уже более 5 лет³.

Стоит отметить, что хотя законодатель и установил в ч. 3 ст. 217 УПК РФ право органов предварительного расследования в случаях явного затягивания процесса ознакомления с материалами уголовного дела обращаться в суд с ходатайством об ограничении данного срока, это не способствовало снижению систематических нарушений в ходе осуществления указанного процессуального действия стороной защиты.

Как справедливо указывает А. Н. Игнатьев, в настоящее время судебный порядок ограничения обвиняемого и его защитника не является оптимальным инструментом в борьбе с негативным поведением стороны защиты, выражающимся в злоупотреблении правом на защиту в ходе ознакомления с материалами уголовного дела⁴.

Сходной позиции придерживается А. В. Верещагина, которая полагает, что данный процессуальный механизм в борьбе с длительным ознакомлением стороны защиты с материалами уголовного дела нуждается в совершенствовании⁵.

² Колоколов Н. А. Адвокатский саботаж и непроцессуальное поведение // Уголовный процесс. 2016. № 8. С. 37–43; Бахта А. С., Нуриев И. Н.-О. Поведение участников уголовного судопроизводства в ходе предварительного расследования как одна из причин нарушения разумного срока // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4. С. 36–40.

³ Архив СУ УМВД России по Приморскому краю за 2020 г.

⁴ Игнатьев А. Н. Ознакомление стороны защиты с материалами уголовного дела: как гарантировать реализацию права и пресечь злоупотребления? // Адвокатская практика. 2012. № 5. С. 11.

⁵ Верещагина А. В. Об установлении срока ознакомления с материалами уголовного дела // Правоведение. 2018. № 3. С. 449.

Мы полностью солидарны с указанными мнениями, так как в практике органов предварительного расследования часто возникают ситуации, когда даже установленный судом в порядке ст. 125 УПК РФ срок для ознакомления с материалами уголовного дела нарушается стороной защиты по различным основаниям и следователю или дознавателю в ряде случаев приходится повторно обращаться в суд в целях ограничения стороны защиты в ознакомлении с материалами уголовного дела, о чем свидетельствуют многочисленные примеры судебной практики⁶.

По нашему мнению, в целях нивелирования рассмотренной выше проблемы в действующем УПК РФ необходимо установить фиксированный минимальный и максимальный срок, предоставляемый следователем или дознавателем для ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемому и его защитнику.

Полагаем, что закрепление в УПК РФ минимального срока ознакомления с материалами уголовного дела в ходе предварительного расследования позволит искоренить ситуации, когда следователи и дознаватели пытаются в один день провести все необходимые следственные и процессуальные действия, в том числе и процедуру ознакомления с материалами уголовного дела. Кроме того, данные изменения могут послужить гарантом предоставления стороне защиты достаточного времени для подготовки и выработки линии защиты в суде. А закрепление максимального срока ознакомления с материалами уголовного дела ограничит возможность злоупотребления обвиняемым и его защитником правом на защиту при ознакомлении с материалами расследованного уголовного дела.

Предложенные изменения полностью соответствуют международным стандартам правосудия и практике Европейского суда по правам человека, который пришел к выводу, что адвокат не может затягивать сроки предварительного расследования, ссылаясь на большой объем материалов уголовного дела⁷.

⁶ См., напр.: Апелляционное постановление Московского городского суда от 2 сентября 2019 г. по делу № 10-17207/2019 ; Апелляционное постановление Московского городского суда от 16 апреля 2020 г. по делу № 10-7410/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Рук против Германии (жалоба № 1586/15) : постановление Европейского Суда по правам человека от 25 июля 2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

И. И. Разувакина

Особенности организации и проведения проверки заявлений и сообщений о преступлениях в сфере компьютерной информации

В связи с тем, что преступления в сфере компьютерной информации имеют особенности, отличающие их от иных преступлений, специфичными будут как производство проверки заявлений и сообщений о таких преступлениях, последующее возбуждение уголовного дела, так и первоначальный этап расследования.

Особенностью данных преступлений является то, что, помимо общепринятых обстоятельств, подлежащих установлению (таких как объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона), в ходе предварительного расследования необходимо констатировать наличие факта доступа к компьютерной информации и являлся ли он неправомерным. Если доступ к информации был правомерным, а равно не повлек никаких последствий, указанных в диспозиции статьи, то уголовная ответственность не наступает¹.

Установлению подлежит также обладатель информации, и его следует ограничивать от правообладателя, поскольку нарушение авторских или смежных прав образует отдельный состав преступления, не относящийся к преступлениям в сфере компьютерной информации. Определив владельца информации, следует выяснить используемые им средства защиты данной информации.

На этапе проверки нужно установить, какова характеристика информации, пострадавшей от преступления: ее конфиденциальность, список субъектов, имеющих к ней доступ, ее местонахождение. Следует также отличать местонахождение информации и место неправомерного доступа, так как обычно они не совпадают. Подлежит установлению и время неправомерного доступа, а также время наступления общественно опасных последствий.

Требуется определить и орудия совершения преступления, такие как компьютерные устройства или средства связи, телекоммуникационные сети, сеть Интернет, программное обеспечение, а также иные материальные объекты, с помощью которых была получена информация. К ним мо-

¹ Смирнова И. Г., Коломинов В. В. Тактические особенности производства допроса по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2015. Т. 6. № 3. С. 2.

гут относиться оптические, акустические и визуальные приборы снятия информации с электронных носителей или ЭВМ. Не менее важно установить, каким способом был осуществлен доступ.

Также необходимо выяснить, каков характер и размер нанесенного вреда, какие могут наступить общественно опасные последствия. Для некоторых составов необходимым условием будет являться причинение крупного ущерба. Оценка ущерба осуществляется по упущенной выгоде, реальному убытку владельца, а также стоимости поврежденного оборудования.

В случае расследования преступления, связанного с созданием вредоносного программного обеспечения (далее — ПО), не имеет значения время наступления последствий, поскольку данный состав является формальным и считается оконченным с момента фактического создания ПО, вне зависимости от того, будет ли оно использоваться. Однако чаще всего сотрудники органов внутренних дел расследуют преступления не по факту создания, а по факту использования или распространения, поскольку установить факт создания возможно достаточно редко.

При расследовании преступлений, связанных с созданием, использованием и распространением вредоносного ПО, установлению подлежат факт его создания субъектом (т. е. целенаправленная деятельность), а также совершение действий, направленных на воспроизведение таких программ или их непосредственное применение.

Выявить требуется и факт заражения ЭВМ вредоносной программой, способ заражения, а также последствия, которые наступили в связи с противоправными действиями. Необходимо определить, с помощью каких программ происходил процесс создания программного обеспечения и какими путями происходило распространение, а по возможности — лиц, которым данное программное обеспечение было передано.

Отдельный перечень обстоятельств, необходимых для установления, имеется у преступлений, связанных с нарушением правил эксплуатации ЭВМ, а именно: какие действия совершил субъект; причинно-следственная связь между его действиями и наступившими последствиями; совокупность прав и обязанностей, которыми был наделен субъект, его должностное положение, наличие доступа к ЭВМ; факт тяжких последствий; не являлись ли действия субъекта крайней необходимостью или обоснованным риском².

² Воробец И. Н. Глобальная сеть Интернет как пространство для совершения преступлений // Доклады международной научно-практической конференции «Экономические, правовые и прикладные аспекты преодоления кризиса в европейских странах и России» / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. М. Кустова, д-ра экон. наук, доц. Т. Ю. Прокофьевой. М., 2012. С. 71.

Анализ обстоятельств, которые необходимо установить, показывает, что данные обстоятельства напрямую исходят из сущности совершаемых преступлений: все они связаны между собой и представляют систему действий преступного субъекта.

Сложность при установлении имеющих значение для уголовного дела и его расследования данных заключается в том, что для их получения и обнаружения необходимо обладать специальными познаниями, а также ориентироваться в принципе действия ЭВМ и обеспечивающего его работу программного обеспечения.

В первую очередь поводами для возбуждения уголовного дела будут служить:

1) заявления физических и юридических лиц, являющихся обладателями информации и уполномоченных на ее использование, которым преступлением был причинен вред;

2) полученные из различных источников сообщения о готовящемся или совершенном преступлении. Как правило, данные сообщения являются результатами оперативно-розыскной деятельности подразделений ФСБ или подразделений МВД (как, например, отдел «К»);

3) явка с повинной лица, совершившего преступление.

Крайне редко возбуждение уголовного дела происходит в результате задержания с поличным преступника в момент либо сразу после совершения преступления ввиду удаленности его от места совершения преступления или неявности преступного деяния³.

Первым следственным действием, необходимым для принятия решения на стадии проверки, является осмотр места происшествия. Здесь необходимо привлекать специалиста для работы с компьютером, поскольку следователь может в силу незнания уничтожить следы преступления. Как правило, если это возможно и имеются основания, происходит изъятие ЭВМ для дальнейшего проведения судебной компьютерно-технической экспертизы в целях подтверждения факта незаконного доступа и отыскания вредоносного ПО, а также установления причиненного вреда.

При осмотре места происшествия необходимо произвести осмотр ЭВМ и периферийных устройств на наличие следов пальцев рук, а также иных материальных следов, которые правонарушитель мог оставить в случае его непосредственного контакта с ЭВМ. Если преступление со-

³ Танасчишин А. А., Климчук Ю. А. Об опыте расследования уголовных дел по фактам мошенничества с использованием компьютерных технологий сети «Интернет», совершенных организованной группой // ИБ СД МВД России. 2013. № 1(155). С. 177.

вершалось удаленно, то в этом нет необходимости. Следует получить объяснение с владельца ЭВМ, а также с лиц, которые имеют к нему доступ или доступ к помещению, в котором ЭВМ находилось.

В ходе предварительной проверки требуется подтвердить факты нарушения конфиденциальности информации, доступа к этой информации, имело ли место наступление общественно опасных последствий, а также установить причинно-следственную связь между предполагаемыми преступными действиями и наступившими последствиями.

Достаточными данными, являющимися основанием для возбуждения уголовного дела по преступлениям в сфере компьютерных и сетевых технологий, будут являться: время неправомерного доступа к информации; местонахождение предмета преступления; время, место и способ создания вредоносного ПО и поражения им ЭВМ; способы, к которым прибегал преступник для преодоления защитных механизмов ЭВМ, а также те технические средства, которые он использовал.

Расследование преступлений в сфере компьютерных и сетевых технологий сопровождается множеством трудностей для следователя, поскольку специфический способ совершения преступления недостаточно изучен и освещен в учебной литературе, научных статьях, а также в законодательстве. Возникают сложности не только с отысканием следов совершения преступления, но и с их правильным изъятием и фиксацией, исследованием. В связи с этим появляется необходимость получения консультаций у различных специалистов IT-сферы, таких как программисты по операционным системам; программисты программного обеспечения; специалисты по средствам связи и коммуникации, а также специалисты в области бухгалтерии, финансов, экономики. Первоначальный этап проверки сообщения о преступлении является важным этапом, поскольку именно в это время следователь может получить наиболее важные доказательства и обнаружить следы, которые будут иметь значение для расследования уголовного дела.

В. Ю. Стельмах

Особенности нормативной регламентации порядка привлечения к уголовной ответственности лиц, наделенных иммунитетом от уголовного преследования

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, вступивший в законную силу с 2002 г., содержит главу 52, посвященную особенностям уголовного судопроизводства, связанным с различными ка-

тегориями лиц, осуществляющих некоторые виды публично-правовой деятельности¹. При этом следует отметить, что в период действия УПК РСФСР, несмотря на отсутствие в нем подобных норм, в отношении ряда субъектов действовал иммунитет (неприкосновенность) от уголовного преследования. Соответствующие правила закреплялись не в уголовно-процессуальном законе, а в так называемых статусных законах, регулирующих общеправовой статус тех или иных лиц (депутатов, судей и т. п.).

Помещение подобных норм в кодифицированный уголовно-процессуальный закон вполне оправданно, поскольку их группировка в одном нормативном акте способствует унификации правовой регламентации, а следовательно, и реализации принципа равенства всех перед законом. Вместе с тем сложно согласиться с авторами, предлагающими в принципе исключить соответствующие нормы из текстов «статусных» законов и консолидировать их исключительно в УПК РФ². Необходимо учитывать, что иммунитет — это не просто особенность уголовного судопроизводства, а прежде всего гарантия эффективного выполнения лицом своих прав в порядке осуществления социально значимой публично-правовой деятельности³. Первичная причина наделения лиц иммунитетом от уголовного преследования именно в этом. Поэтому, хотя иммунитет проявляется прежде всего в уголовном судопроизводстве, его социальная обусловленность выходит за рамки данной отрасли права. Кроме того, иммунитет существует и применительно к иным правоотношениям (например, от увольнения, от привлечения к дисциплинарной и административной ответственности). В силу отмеченных факторов нормы, устанавливающие иммунитет от уголовного судопроизводства, нельзя исключать из текста «статусных» законов.

Более того, вряд ли можно добиться полной унификации и единства предписаний, закрепляемых в данных законах и УПК РФ, поскольку у них различные задачи. «Статусные» законы призваны закрепить общеправовое положение лица при осуществлении им социально значимой деятельности. В этих законах применительно к рассматриваемому вопросу фиксируется комплекс правил, устанавливающих объем иммунитета,

¹ Мерецкий Н. Е., Алехин Д. В. Правовое регулирование участия отдельных категорий лиц в уголовном процессе // Рос. следователь. 2011. № 15. С. 24.

² Казаков А. А. Дисбаланс в правовом регулировании процессуальных иммунитетов в сфере уголовного судопроизводства // Lex russica. 2016. № 4. С. 123.

³ Трухин С. А. Значение и перспективы совершенствования стадии возбуждения уголовного дела // Рос. судья. 2017. № 11. С. 30.

и наиболее общие положения, касающиеся лишения неприкосновенности. УПК РФ призван более детально регламентировать порядок осуществления уголовного судопроизводства, т. е. деятельность после принятия сообщения о преступлении. При этом очевидно, что процедура лишения иммунитета от уголовного преследования носит межотраслевой характер, поэтому некоторые ее аспекты, имеющие, скорее, конституционно-правовой, чем уголовно-процессуальный характер, целесообразно закреплять в законах, относящихся к сфере действия конституционного права, а не в УПК РФ.

Вместе с тем желательно достичь определенного единообразия в установлении конкретных правил осуществления различных действий, совершаемых в ходе уголовного судопроизводства. Так, вряд ли можно считать оптимальной ситуацию, когда УПК РФ предусматривает, что мера пресечения в судебном порядке всегда избирается только единолично судьей районного суда, в то время как Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации»⁴ предусматривает иной уровень и состав суда (коллегия из трех судей суда субъекта Российской Федерации либо Верховного Суда Российской Федерации)⁵.

Таким образом, включение в УПК РФ норм, регламентирующих особенности судопроизводства в отношении лиц, обладающих иммунитетами от уголовного преследования, следует оценивать только с положительной стороны. Вместе с тем необходимо разграничить сферы действия «статусных» законов и УПК РФ и по возможности добиться унификации соответствующих порядков.

Отдельный вопрос (скорее, не уголовно-процессуального, а политического характера) — это круг лиц, в отношении которых устанавливаются особенности судопроизводства. Следует учитывать, что подобные субъекты, в отличие от несовершеннолетних и невменяемых, отнюдь не характеризуются уязвимостью и не нуждаются в повышенном уровне защиты своих прав. Специфика, усложняющая судопроизводство, предусмотрена для обеспечения эффективности выполняемой деятельности. Необходимо исходить из того, что базовые правила, содержащиеся в УПК РФ для «обычных» субъектов, должны в полной мере гарантировать защиту их прав от необоснованного привлечения к уголовной

⁴ *О статусе судей Российской Федерации* : закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ *Кургина Т. В.* К вопросу о начальном моменте уголовного преследования спецсубъекта (судьи) и его согласии на отказ в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующему основанию // *Российский судья*. 2017. № 8. С. 28.

ответственности. В противном случае уголовно-процессуальный закон приобретет своего рода корпоративный, «сословный» характер, что недопустимо в правовом государстве.

Таким образом, следует сократить круг лиц, в отношении которых установлены особенности судопроизводства согласно гл. 52 УПК РФ. Например, в настоящее время такой порядок действует практически для всех сотрудников прокуратуры, что вряд ли объяснимо с социальной точки зрения. Повторимся, что данная проблема выходит за рамки уголовно-процессуальных правоотношений и подлежит решению в более широком контексте.

В. В. Тактоева

Исчисление сроков проверки сообщения о преступлении

При рассмотрении сообщений о преступлениях, поступающих в ОВД РФ, до настоящего времени периодически возникают сомнения в правильном исчислении сроков проверки таких сообщений. Часто разные службы одного и того же ОВД имеют свое мнение о правильном исчислении сроков сутками. Чаще всего споры возникают между службами, принимающими решение по сообщению о преступлении (следствие, дознание) и контролирующими соблюдение учетно-регистрационной дисциплины (штабные подразделения). Первые считают, что сутками следует считать период, равный 24 часам, вторые же утверждают, что сутки — это временной промежуток от 0 часов 00 минут до 24 часов 00 минут и если сообщение поступило в 23 часа 55 минут, то в 24 часа, с их точки зрения, уже истекает суточный срок.

Рассмотрение сообщения о преступлении осуществляется в соответствии с требованиями ст. 144 УПК РФ, согласно которым решение должно быть принято в срок не позднее 3 суток со дня поступления такого сообщения. В части 2 ст. 128 УПК РФ указано, что срок, исчисляемый сутками, истекает в 24 часа последних суток.

Возникает вопрос о том, какие сутки считать последними, и с какого времени исчислять начало течения срока? Законодателем не установлено, какой момент следует считать началом течения суток: 00 часов 00 минут текущих суток, в которые поступило сообщение о преступлении, либо время поступления такого сообщения. Основные понятия, используемые в УПК РФ, разъясняются в его статье 5, но понятия суток в уголовном судопроизводстве не дано.

Пробел в норме уголовно-процессуального закона, касающийся отсутствия формулировки о начале течения срока, исчисляемого сутками, ведет к отсутствию единообразия в применении уголовно-процессуального закона на практике сотрудниками органов предварительного следствия, дознания, прокуратур¹.

О. В. Шипунова считает, что при исчислении срока сутками учитывается та часть суток, которая следует за юридическим фактом, влекущим течение срока. Так, если сообщение о преступлении поступило и зарегистрировано в Книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (далее — КУСП) 22 марта в 11 часов 15 минут, то предельным сроком рассмотрения такого сообщения (трехдневный срок без учета возможных продлений срока) будут являться 24 часа 00 минут 24 марта, т. е. полночь с 24 на 25 марта².

П. В. Козловский и Е. Н. Чемериловa, высказывая свою точку зрения по рассматриваемому вопросу, настаивают, что срок, исчисляемый сутками, начинается в тот час и ту минуту, когда зарегистрировано сообщение о преступлении, принято решение о возбуждении уголовного дела, но истечет не в соответствующий час и минуту последних суток, а в 24 часа³. Например, заявление о преступлении поступило 1 марта в 15.00. С этого момента начинается течение срока. Последними сутками будет являться 4 марта. Соответственно, срок проверки сообщения о преступлении истечет 4 марта в 24.00.

Поддерживая позицию П. В. Козловского и Е. Н. Чемериловой, полагаем, что началом течения срока, исчисляемого сутками, необходимо считать момент наступления определенного действия, юридического факта. При рассмотрении сообщения о преступлении срок по нему требуется исчислять со времени регистрации этого сообщения в КУСП.

Учитывая, что ч. 1 ст. 144 УПК РФ указывает началом срока рассмотрения сообщения о преступлении день его поступления, нужно иметь в виду, что в данном случае момент регистрации такого сообщения следует рассматривать как день его поступления. Сутки надлежит рассматривать как временной промежуток в 24 часа с момента регистрации (посту-

¹ Козловский П. В., Чемериловa Е. Н. Исчисление процессуального срока сутками // Законодательство и практика. 2016. № 2. С. 30.

² Шипунова О. В. Исчисление сроков проверки сообщения о преступлении и порядок их продления // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 13. С. 4256–4260.

³ Козловский П. В., Чемериловa Е. Н. Указ. соч. С. 31.

пления) сообщения о преступлении. Таким образом, срок рассмотрения сообщения о преступлении, зарегистрированного в КУСП 1 января в 8.00, истечет в 24 часа 4 января. Многолетний опыт деятельности в следственном подразделении и анализ изучения материалов доследственной проверки позволяет подтвердить сформулированный вывод о правильном исчислении сроков при рассмотрении сообщения о преступлении. В период с 2001 г. по 2021 г. ни одно из процессуальных решений, принятых следователями следственного отдела и дознавателями отдела дознания Линейного отдела МВД России на ст. Иркутск-Пассажирский по сообщениям о преступлениях, на основании неправильного исчисления сроков проверки соответствующих сообщений отменено не было. Однако при этом нельзя не отметить наиболее часто допускаемые при этом нарушения, выражающиеся в несвоевременном предоставлении копии постановления о принятом решении по сообщению о преступлении прокурору. Хотя формально в соответствующем постановлении (о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела) указана дата в пределах правильно исчисляемых сроков, фактически эти сроки в рассматриваемых случаях нарушаются.

Разъяснение «О порядке исчисления сроков проверки сообщения о преступлении и производства дознания» было дано Уголовно-правовым управлением Договорно-правового департамента МВД России 17 сентября 2018 г. В соответствии с указанными разъяснениями «последними сутками является дата окончания срока, продолжительность которого равна установленному количеству суток. Указанная дата должна определяться путем прибавления к дате начала течения срока количества суток конкретного процессуального срока. Полученная таким образом дата является последними сутками, в 24 часа которых истекает процессуальный срок. С учетом изложенного по смыслу части второй статьи 128 УПК правило исчисления сроков сутками обеспечивает возможность осуществления процессуальной деятельности в течение установленного количества полных суток с округлением указанного срока в большую сторону»⁴.

Правильность указанных выводов подтверждается судебной практикой Верховного Суда Российской Федерации, основанной на том, что при исчислении суточного срока не принимается во внимание тот час и те

⁴ О порядке исчисления сроков проверки сообщения о преступлении и производства дознания : разъяснения УПУ ДППД МВД России от 17 сентября 2018 г. URL: 64.мвд.рф <https://64.мвд.рф/pravoinform/razyasneniya/item/14446686> (дата обращения: 10.01.2022).

сутки, которыми начинается его течение⁵, в том числе день поступления сообщения о преступлении, т. е. день его регистрации в установленном законом порядке⁶.

П. М. Титов

К вопросу о дознании в сокращенной форме

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) закрепляет две формы предварительного расследования: предварительное следствие и дознание. Вторая же форма — дознание — делится еще на две формы: общую и сокращенную. При этом различия между дознанием и предварительным следствием настолько существенные, что уголовно-процессуальным законом предусмотрено производство каждой из этих форм расследования различными органами. Аргументом может служить то, что имеются существенные различия в сроках ведения следствия и дознания, тем более, если говорить о дознании в сокращенной форме. Также различаются объем процессуальных полномочий между следователем и дознавателем.

Дознание в сокращенной форме регламентируется главой 32¹ УПК РФ. Сокращенная форма дознания направлена на то, чтобы сберечь различного рода ресурсы, как временные, так и трудовые, финансовые и прочие. Дознание в сокращенной форме проводится в строгом соблюдении правовых конструкций, любое отклонение может привести к отмене данной формы и проведению дознания в общем порядке. Кроме ресурсосбережения, данная форма дознания нацелена на то, чтобы минимизировать бюрократию в уголовной системе, исключить случаи затягивания сроков предварительного расследования, при условии, что расследование по делу не представляет сложных механизмов и процедур.

Можно выделить цели проведения дознания: установить личность виновного лица. В процессе дознания выявляется именно то лицо из числа подозреваемых, которое действительно совершило преступление; определяются все обстоятельства произошедшего преступления, поскольку именно обстоятельства представляют большой интерес для

⁵ Определение Верховного Суда РФ от 13 января 2009 г. № 64-008-55 ; Кассационное определение Верховного Суда РФ от ... 2011 г. № 47-011-49. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Кассационное определение Московского городского суда от 29 февраля 2012 г. по делу № 22-2338/2012.

принятия решения судом о назначении наказания за совершенное преступление. Эти обстоятельства могут быть как смягчающими, так и отягчающими (например, рецидив и т. д.).

Для деятельности по осуществлению дознания характерно сочетание процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий при расследовании уголовных дел. В таком сочетании видится залог успеха по раскрытию преступлений, розыску и задержанию преступников.

Дознание в сокращенной форме может применяться только в прямо предусмотренных законом ситуациях: имеется возбужденное уголовное дело; лицо, обвиняемое в совершении преступления, признает свою вину, а также подтверждает вменяемый ему вред и его итоговую величину; подозреваемый согласился с правовой оценкой, которая была дана в постановлении, изданном ввиду возбуждения уголовного дела.

В данной форме расследования дознаватель самостоятельно принимает решения о применении мер принуждения для необходимости предотвратить их возможные противоправные действия и обеспечить надлежащее поведение. В. Ю. Стельмах более подробно раскрывает меры уголовно-процессуального принуждения, применяемые в ходе дознания*.

В случае, когда расследование осуществляется в форме дознания в сокращенной форме, мера пресечения, назначаемая подсудимому, не может составлять более одной второй от:

- максимального срока, предусмотренного по данному наказанию;
- наиболее строгого наказания прочих видов, предусматривающихся для данного преступления.

Если бы дознание проводилось в полной форме, то данное требование бы не выдвигалось. Дознание в сокращенной форме — та же процедура, что и дознание в общей форме, регламентируемая уголовно-процессуальным законодательством и имеющая присущие только ей особенности.

Таким образом, сокращенная форма дознания — это форма предварительного расследования, в котором собираются доказательства в том объеме, который дознаватель считает достаточным для восстановления события преступления и оценки вреда преступлением.

* Стельмах В. Ю. Дознание в органах внутренних дел : учеб. пос. : в 2 т. Екатеринбург, 2021. Т. 1. С. 177.

Е. Н. Чемерилова

Использование видео-конференц-связи при осуществлении международного сотрудничества

Использование видеосвязи при допросе свидетелей и экспертов в рамках исполнения международных следственных поручений, а также в целях защиты свидетелей по уголовным делам предусмотрено рядом международно-правовых актов: Конвенцией против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г.; Конвенцией против коррупции от 31 октября 2003 г.*

В соответствии со ст. 6 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 1 октября 2002 г. (в настоящее время не ратифицирована Российской Федерацией) договаривающиеся стороны оказывают взаимную правовую помощь путем выполнения процессуальных и иных действий, предусмотренных законодательством запрашиваемой договаривающейся стороны, в частности, допроса свидетелей, гражданских истцов, гражданских ответчиков, их представителей, законных представителей обвиняемых, экспертов, предъявления для опознания, в том числе с использованием видео-конференц-связи, видеозаписи и иных технических средств.

Использование систем видео-конференц-связи в российском уголовном судопроизводстве до настоящего времени было возможным лишь на судебных стадиях и регламентировалось ст. ст. 240, 241, 278¹, 293 УПК РФ применительно к допросу свидетеля и потерпевшего судом, участию в судебном заседании подсудимого.

Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации внесены изменения, позволяющие и в ходе досудебного производства следователю, дознавателю произвести допрос, очную ставку, опознание с использованием видео-конференц-связи. Данные изменения нельзя не назвать прогрессивными и своевременными, поскольку подобная, более совершенная форма производства следственных действий, позволит не только более оперативно получать нужную информацию, но и экономить время, средства, что в настоящее время в наивысшей степени актуально.

В связи с этим возникает вопрос о том, вправе ли следователь, дознаватель направить в компетентный орган иностранного государства запрос об оказании правовой помощи, содержащий просьбу о произ-

* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

водстве указанных в ст. 189¹ УПК РФ следственных действий. В соответствии с общими правилами, изложенными в международных договорах, в таком поручении может быть изложена просьба о проведении любого следственного и процессуального действия, предусмотренного российским уголовно-процессуальным законодательством, независимо от того, имеется ли такое же или аналогичное действие в законодательстве запрашиваемого государства.

Таким образом, в силу ст. 453, 454, 457 УПК РФ российская сторона, безусловно, может направлять в иностранные государства запросы о проведении допросов и иных процессуальных действий с использованием видео-конференц-связи. Но кто будет в данном случае субъектом производства таких следственных действий?

Чтобы ответить на данный вопрос, следует вспомнить, что особенностью международного сотрудничества является соблюдение территориального суверенитета запрашиваемого государства, в связи с чем представляется сомнительной возможность осуществления указанных действий лицом, направившим соответствующий запрос. Оно будет лишь присутствовать при их проведении, о чем необходимо предварительно запросить иностранное государство. Иной порядок возможен лишь при наличии соответствующего международного соглашения между государствами или на основе принципа взаимности. В этом случае центральные органы должны согласовать и в установленном порядке содействовать решению правовых и материально-технических вопросов, которые могут возникнуть при исполнении запроса об оказании помощи.

Таким образом, если иное не оговорено международным договором либо соглашением, следственные действия будет проводить представитель запрашиваемой стороны в соответствии со своим национальным законодательством. Уровень участия российского следователя, направившего запрос о производстве действий с использованием видео-конференц-связи, будет сводиться, в основном, к возможности видеть, слышать, т. е. непосредственно воспринимать информацию, а также, что немаловажно, оценивать результаты производства следственного действия. Если он (инициатор запроса) изъявит желание задать дополнительные вопросы, они будут самостоятельно оценены лицом, производящим следственное действие с точки зрения законности и соответствия требованиям национального законодательства. Другими обязательными участниками могут быть специалист, привлекаемый для проведения видео-конференц-связи, и переводчик.

В целом российский правоприменитель, несомненно, стоит на пороге открытия новых возможностей, так как производство следственных действий в онлайн-режиме может значительно повысить эффективность предварительного расследования при условии дальнейшего развития рассмотренных норм в рамках как отечественного, так и зарубежного законодательства.

РАЗДЕЛ III. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Ш. Д. Азимзода

Сравнительно-правовой анализ отдельных положений института дознания, связанных с прекращением уголовного дела и привлечением лица в качестве обвиняемого, в уголовном процессе Российской Федерации и Республики Таджикистан

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан (далее — УПК РТ)¹ принимался и в дальнейшем трансформировался на фоне социально-экономических и политических преобразований, произошедших в Таджикистане. Принятие Конституции Республики Таджикистан, устанавливающей правовой статус личности в стране, и политическая воля Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона задали направление развития уголовно-процессуального законодательства на охрану прав лиц, вовлеченных в судопроизводство. Но вместе с тем реформирование этой отрасли права не происходило путем нарушения системы принципов обеспечения интересов сторон обвинения и защиты, общества и государства, что не позволило потерять стабильность в правоприменительной деятельности органов, осуществляющих уголовное преследование. Механизм уголовно-правового регулирования был сформирован с соблюдением преемственности действовавшего Кодекса и нового УПК РТ от 3 декабря 2009 г. с оставлением задачи всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела. Кроме того, разработка дополнений и изменений в уголовно-процессуальном

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. № 564 (в действ. ред.) // Централизованный банк правовой информации Республики Таджикистан «Адлия». URL: <http://www.adlia.tj>. (дата обращения: 27.01.2022).

законодательстве Таджикистана происходила, на наш взгляд, и в ходе изучения и анализа норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), поскольку отдельные позиции УПК РТ практически во многом совпадают с ними.

В контексте сказанного обратимся к некоторым вопросам дознания, в том числе связанным с предъявлением обвинения и прекращением уголовного дела, так как эти вопросы отражают ключевые аспекты досудебного производства. Согласно ст. 151 УПК РТ дознание проводится по 27 категориям дел о преступлениях небольшой и средней тяжести (из них небольшой тяжести — 17), а по УПК РФ к ведению дознания относится 123 состава преступлений. Срок производства дознания 15 суток (в РФ — 30 суток) с возможным дальнейшим продлением срока прокурором до 15 суток (в России еще до 30 суток). Правила производства дознания не распространяются на случаи совершения преступления несовершеннолетним (в УПК РФ исключение не предусмотрено). Кроме того, российский Кодекс дает право прокурору поручать производство дознания об иных преступлениях небольшой и средней тяжести. Из этого становится понятным, почему срок производства дознания по УПК РТ значительно ограничен (меньшая нагрузка, пониженная правовая и фактическая сложность уголовных дел).

Уголовное судопроизводство всех государств — участников СНГ, бывших союзных советских республик, долгое время осуществлялось на едином фундаменте — Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г.² УПК советских республик, принятые в 60-е годы прошлого века, практически не отличались друг от друга. Но в постсоветском пространстве по мере необходимости проблемы оптимизации досудебного производства в форме дознания УПК РТ и УПК РФ решали по-разному, и порядок дознания по законодательству обоих государств несколько отличается. УПК РТ установил узнаваемый процесс производства дознания, практически не отличающийся от условий предварительного следствия. Согласно ч. 1 ст. 221 УПК РТ после сбора в ходе дознания достаточных доказательств, их проверки и оценки дознаватель выносит мотивированное постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого и предъявляет обвинение по всем правилам, обозначенным в Законе.

УПК РФ не выстраивает процедуру дознания по форме предварительного следствия, наоборот, порядок коренным образом отличается от обычного судопроизводства большей простотой и ускоренной процедурой привлечения к уголовной ответственности. Введен институт

² *Ведомости* Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 592.

уведомления о подозрении в совершении преступления: обвинение не предъявляется, а лицо допрашивается лишь в качестве подозреваемого. По окончании дознания составляется обвинительный акт, где и формулируется обвинение. Лишь после этого обвиняемый и его защитник должны быть ознакомлены с этим актом и материалами дела.

Различаются и нормативные аспекты прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям, что также проявляется и при окончании дознания. В УПК РФ заложена процедура прекращения уголовных дел в связи с возмещением ущерба по предпринимательским составам, что не предусмотрено законодательством Таджикистана, равно как в УПК РТ отсутствует возможность прекращения уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа. По УПК РТ прекратить уголовное дело с освобождением лица от уголовной ответственности по правилам ст. ст. 29–32 дознавателю и следователю можно лишь с согласия прокурора, тогда как российский законодатель, внося дополнения в УПК РФ, предоставил следственному аппарату полную самостоятельность в этом вопросе. Сами упомянутые основания прекращения уголовного дела также имеют специфику: ст. 29 УПК РТ предусматривает освобождение лица от уголовной ответственности в связи с раскаянием, ст. 30 УПК РТ — в связи с примирением с потерпевшим, ст. 31 УПК РТ — вследствие изменения обстановки (такое основание исключено из российского законодательства), ст. 32 УПК РТ — в связи с истечением срока давности.

Конечно, дознание — это объективно необходимая уголовно-процессуальная форма производства по определенной категории дел. После принятия УПК РФ эта форма была изменена разработчиками Закона за счет ликвидации ненужных формальностей и смены процессуальных гарантий при осуществлении более быстрого, с меньшими затратами производства. Безусловно, обновленная форма дознания видится привлекательной по многим аспектам, однако мы не можем категорично высказаться в пользу внесения в главу 19 УПК РТ (Дознание) аналогичных изменений, изложенных в главе 32 УПК РФ. Тому есть объективная причина, один принципиальный момент — гарантии законных прав граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства. Следует согласиться с мнением А. А. Тарасова, что оптимизация любых процессуальных институтов должна ориентироваться на правозащитное назначение уголовного судопроизводства³. На наш взгляд, отсутствие у дознавателя при

³ Тарасов А. А. К вопросу о процессуальном статусе лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование // Евразийская адвокатура. 2015. № 2(15). С. 32.

общем порядке дознания возможности допросить лицо в качестве обвиняемого существенно затрагивает право на защиту. Н. А. Власова отмечает, что лицо, в отношении которого осуществляются меры уголовного преследования, остается в статусе подозреваемого до окончания расследования, что является нарушением его права на защиту: подозреваемый остается в этом статусе до окончания дознания, срок которого может быть продлен до 12 месяцев. Тем самым нарушаются основополагающие принципы обеспечения права на защиту⁴.

Само по себе уведомление о подозрении в качестве документа, устанавливающего статус подозреваемого, отличается своей неоднозначностью и не позволяет лицу в полной мере получить все те сведения, которые он может узнать из окончательного текста постановления о привлечении в качестве обвиняемого. В практической деятельности может возникнуть ситуация, когда дознавателю требуется переквалификация деяния (дело возбуждено по факту кражи, а вменить нужно мошенничество) либо в одном производстве соединены два дела о различных преступлениях, подследственных органу дознания. Как следует поступить в данном случае, в УПК РФ не указано. Думается, что здесь следует вынести постановление о привлечении в качестве обвиняемого. Ведь предъявляется же обвинение подозреваемому, которому избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Тем самым окончательная формулировка обвинения будет дословно перенесена в обвинительный акт. На наш взгляд, было бы целесообразно российскому законодателю рассмотреть вопрос о внесении такого дополнения в ст. 223¹ УПК РФ.

Обеспечение права на защиту уголовно преследуемых лиц должно распространяться в равной мере на все формы предварительного расследования, будь то дознание в общем порядке или предварительное следствие (особенно когда подозреваемый не признает вину), т. е. эта важная процедура должна носить универсальный характер. При отсутствии такого единого порядка снижается значение уведомления о подозрении, так как в большинстве случаев в обвинительном акте обвинение оформляется в более расширенном виде, чем в уведомлении. Не признающий вину узнает об этом «в последнюю минуту» и уже практически не может должным образом защититься от обвинения. В связи с чем, на наш взгляд, на законодательном уровне требуется решить вопрос о необходи-

⁴ Власова Н. А. К вопросу о целесообразности дознания как полной формы расследования // Проблемы предварительного следствия и дознания: мат-лы межвед. круглого стола «Процессуальные, организационные и криминалистические проблемы расследования преступлений органами дознания». М., 2013. С. 22.

мости предъявления обвинения подозреваемому по делам, расследуемым в форме дознания, в случае непризнания им вины после получения своего статуса еще до объявления об окончании расследования. Так, в Республике Таджикистан сохранена процедура привлечения лица в качестве обвиняемого по преступлениям, расследуемым в форме дознания, что позволяет этому участнику, несогласному с обвинением, незамедлительно обеспечить себе возможность более полной реализации права на защиту и своевременно выстроить линию защиты от обвинения уже в процессе производства дознания. Указанная процедура в большей степени соответствует реализации принципов обеспечения права на защиту и состязательности сторон.

Д. К. Шаухар

Некоторые особенности внедрения трехзвенной модели в уголовный процесс Республики Казахстан

В своем ежегодном Послании народу Казахстана Президент Республики Касым-Жомарт Кемелевич Токаев 1 сентября 2020 г. обратил особое внимание на уголовное судопроизводство. Им была отмечена необходимость реформирования всей системы правосудия в связи с ее обвинительным уклоном, приведены случаи, когда граждане необоснованно вовлекались в орбиту уголовного преследования. Президент подчеркнул, что главной целью правоохранительных органов на сегодня является скорейшее раскрытие преступлений и направление уголовных дел в суд. Ради достижения положительных показателей страдают права и свободы обычных граждан. Был негативно оценен и прокурорский надзор, который носит запоздалый характер. Часто прокуроры знакомятся с обстоятельствами дела только перед направлением его в суд, выявляют нарушения конституционных прав граждан только после обращений самих жертв, их защитников и законных представителей.

К-Ж. Токаев сказал, что следует модернизировать уголовную сферу по примеру развитых стран ОЭСР. «Нам нужна модель, обеспечивающая своевременную защиту прав граждан и отвечающая высоким международным стандартам. Считаю необходимым внедрить в Казахстане трехзвенную модель с четким разделением полномочий. Полиция должна выявлять преступления, устанавливать причастных лиц, собирать и закреплять улики. Прокурор обязан давать независимую оценку собранным доказательствам, пресекать нарушения прав граждан, не допускать

вовлечения добросовестных граждан в уголовный процесс, поддерживать обвинение в суде. Суд будет рассматривать жалобы на действия органов и выносить окончательный вердикт по делу. Такой подход укрепит систему сдержек и противовесов, создаст на каждом этапе эффективные фильтры. Еще раз подчеркиваю: законность и справедливость должны быть обеспечены по умолчанию. Нужно помнить, что от ошибок в уголовных делах зависят судьбы людей»¹.

Если проанализировать ситуацию, то можно прийти к выводу, что на протяжении всего времени существования уголовный процесс Республики Казахстан был построен по трехзвенной модели. Фактически идет не перевод системы уголовного судопроизводства на трехзвенную модель, а реформа этих самых трех звеньев и системы взаимодействий каждого звена друг с другом. По нашему мнению, ключевым и связующим звеном становится прокуратура. Большинство решений необходимо будет согласовывать с прокуратурами.

С политикой внедрения трехзвенной модели судопроизводства с разграничением полномочий и зон ответственности между правоохранительными органами, прокуратурой и судом законом существенно расширены полномочия осуществляющего надзор, а также процессуального прокурора, что фактически аннулировало и без того формально закрепленную в законе процессуальную самостоятельность следователя².

Переход на трехзвенную модель уголовного процесса состоит из двух основных этапов. В настоящее время проводится в жизнь первый этап.

С 1 января 2021 г. прокурор уполномочен согласовывать следующие процессуальные решения:

- о признании в качестве подозреваемого (ст. ст. 64, 202 УПК РК);
- о квалификации деяния (ст. ст. 64, 203 УПК РК);
- о прерывании сроков досудебного расследования (ст. ст. 192 УПК РК);
- протокол об уголовном проступке (ст. ст. 65, 528 УПК РК);

¹ *Послание* Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Казахстан в новой реальности: время действий» (г. Нур-Султан, 1 сентября 2020 года). Доступ из справ.-правовой системы «Параграф».

² *Ахпанов А. Н., Хан А. Л.* Проект Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам внедрения трехзвенной модели с разграничением полномочий и зон ответственности между правоохранительными органами, прокуратурой и судом»: взгляд со стороны. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33889622 (дата обращения: 29.01.2022).

— постановление о прекращении производства по делу (ст. ст. 192, 289, 290 УПК РФ);

— постановление о применении приказного производства (ст. ст. 629², 629³ УПК РФ).

Безусловно, надзор со стороны прокурора необходим. Но при этом следует избегать излишней бюрократизации и мелочной опеки, фактически снимая ответственность следователя за принятие ключевых решений, ограничивающих конституционные права лиц, вовлеченных в процесс расследования. Полагаем, что вынесение постановления о признании лица подозреваемым — прерогатива следователя, не требующая согласования с прокурором, поскольку это вероятностное решение, правильность которого еще предстоит установить путем производства его допроса и других следственных или негласных следственных действий. Иначе расценивается согласование прокурором постановления о квалификации деяния подозреваемого, виновность которого подтверждается всей совокупностью собранных следователем доказательств. При этом процедура, регламентированная ст. 203 УПК РК, требует внесения поправок, соответствующих общепризнанным теоретическим постулатам. В частности, согласие прокурора с квалификацией деяния фактически означает начало официального (государственного) обвинения конкретного лица, которое должно иметь статус уже обвиняемого, а не подозреваемого³.

Мы полностью согласны с мнением профессора А. Н. Ахпанова и доцента А. Л. Хана. Согласование признания лица в качестве подозреваемого требует затраты дополнительных временных ресурсов. Неясно, как должно происходить согласование данного решения в ночное время либо в случаях, не терпящих отлагательства. Законодатель предусмотрел право следователя выносить в неотложных случаях постановление о признании лица подозреваемым с последующим обращением к прокурору за получением согласия (пп. 1-1, 4 ч. 1 ст. 64 УПК РК). Например, когда необходимо безотлагательно допросить подозреваемого, а согласование с прокурором сразу организовать невозможно (в ночное время, ввиду отдаленности места производства неотложных следственных действий, ввиду отсутствия доступа к ИС ЕРДР — отсутствие электроэнергии, отсутствие или неполадки с Интернетом, перезагрузки ИС ЕРДР и т. п.).

³ Ахпанов А. Н., Хан А. Л. Новые подходы к институту обвинения в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2021. № 2(41).

Что касается остальных вышеуказанных положений, то считаем их обоснованными. Данные нововведения позволяют разделить ответственность за принятие решений между органами прокуратуры и органами предварительного расследования, что в свою очередь положительно отразится на качестве следственной работы и прокурорского надзора.

Анализ деятельности прокуратуры города Алматы показал, что с момента внедрения трехзвенной модели уголовного судопроизводства значительно улучшилось качество досудебного расследования. Так, прекращаемость дел снизилась на 37,5% (с 8 до 5 тыс.), количество прерываний сократилось на 38,5% (с 13 до 8 тыс.), а выявляемость неправильной квалификации увеличилась в 15 раз (с 6 до 89 тыс.)⁴.

В Российской Федерации прокурор не наделен подобного рода полномочиями. Что-то подобное наблюдается лишь по делам дознания. Так, согласно п. 5 ч. 2 ст. 37 УПК РФ в ходе досудебного производства по уголовному делу прокурор уполномочен давать согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения.

Подводя итоги данной работы, отметим, что законодатель Республики Казахстан в очередной раз показал свой реформаторский характер. В Казахстане не боятся своевременно и резко отвечать на требования времени. Однако возникает вопрос об обоснованности внесенных изменений. Учитывая вышеуказанное, считаем, что внедрение трехзвенной модели необходимо. Несмотря на критику со стороны представителей науки и следственного аппарата государственных органов, положительных тенденций у данной модели больше. Единственное, мы не поддерживаем согласование признания лица в качестве подозреваемого, считаем, что данное положение следует исключить либо переработать (например, признание лица в качестве подозреваемого необходимо согласовывать по уголовным делам особо тяжкой категории).

Законодатель Российской Федерации, на наш взгляд, прав в своей консервативности. Учитывая геополитическую обстановку в мире, большую территорию и значительное население России, внедрение подобных изменений потребует гораздо больших материальных и человеческих ресурсов, что не является обоснованным на сегодняшний день.

⁴ Трехзвенная модель уголовного процесса в Казахстане оправдывает себя. URL: <https://www.zakon.kz/5074134-trehzvennaya-model-ugolovno-go-protssessa.html> (дата обращения: 30.01.2022).

Е. П. Шульгин

Электронный формат досудебного производства (опыт Республики Казахстан)

Законодательство Республики Казахстан в русле реформирования деятельности по досудебному расследованию демонстрирует серьезную динамику. Причем изменения в законодательстве нередко становятся результатом исключительно организационных решений, нацеленных на оптимизацию правоохранительной деятельности. Одним из важнейших решений стало включение в УПК РК в декабре 2017 г. изменений, позволяющих расследовать уголовные дела в электронном формате. При этом уже в январе 2018 г. на официальном сайте Верховного Суда Республики Казахстан была опубликована информация о первом уголовном деле, завершенном в рамках данного нововведения¹.

Одним из значимых аспектов правовой регламентации вопросов досудебного расследования в Республике Казахстане является соответствие международным стандартам и правилам, установленным документами международно-правового характера. Вопросы отправления правосудия по уголовным делам на уровне международных стандартов касаются преимущественно материальных, ценностных свойств уголовного процесса, направленных на всестороннюю реализацию механизма защиты прав человека в сфере уголовного судопроизводства.

Применение в деятельности органов МВД Республики Казахстан электронного формата досудебного производства не было бы возможным без нормативного закрепления его основ (ст. 42¹ Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан²) (далее — УПК РК) и порядка ведения уголовного судопроизводства в электронном формате (Инструкция о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате³).

Применение электронного формата в Республике Казахстан берет свое начало с оптимизационной составляющей системы регистрации за-

¹ Шульгин Е. П. Правовые и организационные основы деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 23 с.

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан // Казахстанская правда. 2014. 10 июля.

³ Об утверждении Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате : приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 3 января 2018 г. № 2 // Эталонный контрольный банк НПА Республики Казахстан в электронном виде. 2018.

явлений и сообщений о совершенных уголовных правонарушениях, т. е. с приказа Генерального Прокурора Республики Казахстан от 19 сентября 2014 г. № 89 «Об утверждении правил приема и регистрации заявления, сообщения или рапорта об уголовных правонарушениях, а также ведения Единого реестра досудебных расследований»⁴, которым было введено понятие «Единый реестр досудебных расследований». Таким образом, первоочередное значение в плане использования электронных технологий в сфере уголовного судопроизводства было придано этапу получения информации о совершенных уголовных правонарушениях.

Введение электронного формата досудебного расследования было осуществлено на базе уже сформированного законодательного материала, касающегося правил и элементов электронного документооборота. Терминология правовых актов, определяющих порядок досудебного расследования в электронном формате, аутентична той, которая используется в общей правовой базе, регламентирующей вопросы электронного документооборота. При этом следует констатировать форсированный характер соответствующих нововведений, в связи с чем не следует исключать риски правовых коллизий и организационных дефектов.

В своей основе электронный формат досудебного производства призван оптимизировать правоохранительную деятельность посредством сокращения сроков, уменьшения трудозатрат, совершенствования документооборота. Он ориентирован на справедливое судебное разбирательство, через призму оптимальных сроков привлечения виновного лица к уголовной ответственности. Категория «справедливое судебное разбирательство» является универсальной, всеобъемлющей и подкрепляется всеми основными принципами уголовного процесса, существующими уголовно-процессуальными формами, гарантиями и обеспечениями.

Весьма значимым фактором оценки правовых основ досудебного производства в электронном формате в деятельности органов МВД Республики Казахстан является заключенные в нормативной форме возможности для повышения гарантированности соблюдения принципов уголовного судопроизводства, а также существующих уголовно-процессуальных форм. Так, согласно ч. 1 ст. 192 УПК РК, досудебное произ-

⁴ Об утверждении Правил приема и регистрации заявления, сообщения или рапорта об уголовных правонарушениях, а также ведения Единого реестра досудебных расследований : приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 19 сентября 2014 г. № 89 // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14W0009744> (дата обращения: 09.02.2022).

водство по уголовному делу «должно быть закончено в разумный срок с учетом сложности уголовного дела, объема следственных действий и достаточности исследования обстоятельств дела...».

В теории уголовного процесса понятие «разумный срок» получило достаточно широкое теоретическое обсуждение. В частности, указывается, «разумный срок» следует понимать как «принцип уголовного процесса, обеспечивающий право каждого на доступ к правосудию без неоправданных задержек, требованиям которого в ходе производства по уголовному делу должна подчиняться вся деятельность органов предварительного расследования, прокуратуры и суда...»⁵.

Непосредственно на уровне Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате можно выделить ряд параметров возможного положительного влияния на сокращение сроков досудебного расследования. Во-первых, это непосредственно технические средства, сокращающие процесс идентификации пользователя и его данных. Во-вторых, все основные мероприятия, которые, согласно Инструкции (п. 5) связаны с осуществлением досудебного расследования в электронном формате, преимущественно влияют именно на оптимизацию сроков досудебного расследования. В-третьих, предусматриваются достаточно краткие сроки (24 часа) для уведомления прокурора, а также участников процесса о принятом решении по ведению досудебного расследования в электронном формате. В-четвертых, имеются возможности автоматизированного формирования сопроводительных писем, а также некоторые другие факторы, непосредственно детализированные в Инструкции.

Таким образом, введение электронного формата досудебного расследования неравномерно отразилось на обеспечении отдельных принципов казахстанского уголовного процесса. Так, в отношении обеспечения принципа «разумного срока», электронный формат досудебного расследования в актуальном варианте правовой регламентации представляет собой существенный ресурс, состоящий из связанных между собой элементов технической оптимизации процедур. При этом существуют риски для реализации принципа состязательности и равенства сторон уголовного процесса.

⁵ Малофеев И. В. Разумный срок как принцип уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 7.

РАЗДЕЛ IV. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

Л. Л. Абрамова

Эффективность режима формирования данных о признаках преступления

В юридической литературе преобладает мнение, что любое уголовно-процессуальное решение принимается на основе фактических данных. Независимо от того, сформулировал ли текстуально законодатель основание производства того или иного следственного действия либо ограничился указанием на его цель, органы, ведущие уголовное судопроизводство, и другие его участники, принимая решение или ходатайствуя об этом, обязаны исходить из наличия достаточной совокупности сведений (фактических данных)¹.

Законодатель очень тонко придает «фактическим основаниям» необходимую степень полноты. В одних случаях базовый элемент для принятия процессуального решения «заужен» определенной спецификой, в других, напротив, носит вариативный характер. Например, для применения мер безопасности требуется устанавливать наличие достаточных данных о том, что участникам угрожают убийством, применением насилия (ч. 3 ст. 11 УПК РФ). Обыск производится при наличии достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия и предметы, имеющие значение для уголовного дела (ч. 1 ст. 182 УПК РФ). Для производства очной ставки нужны существенные противоречия в показаниях (ч. 1 ст. 192 УПК РФ). При формулировании оснований привлечения в качестве обвиняемого (ст. 171 УПК РФ) закон оперирует термином «доказательства». Таким, образом каждому процессуальному решению соответствует свой набор сведений: доказательств, данных, сведений, иных данных.

¹ Кальницкий В. В., Ларин Е. Г. Следственные действия : учеб. пособие. Омск, 2015. С. 48.

Сущность и режим работы по формированию данных в контексте фактических оснований для начала предварительного расследования законодателем регламентированы скудно. Часть 1 ст. 144 УПК РФ лишь перечисляет действия, посредством которых могут быть получены данные. В части 1² ст. 144 УПК РФ указывается, что полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения имеют доказательственное значение при условии соблюдения требований, предъявляемых к доказательствам. Положения ст. 90 УПК РФ не препятствуют использованию материалов административных производств в уголовном деле, в том числе и на начальном этапе его формирования. Закон о полиции, особенно в свете последних изменений, значительно расширивших полномочия последней, также дает основания предполагать возможность приобщения результатов полицейских действий в качестве оснований для начала предварительного расследования². Перечисленные положения усиливают тенденцию легитимности сведений, получаемых до момента регистрации официального повода для возбуждения уголовного дела, но говорить о существовании стройной системы данных, на основе которых могут формироваться фактические основания для начала предварительного расследования, не представляется возможным по причине их фрагментарной легитимизации в УПК РФ³. Упоминание федеральным и ведомственным законодателем различных по названию, содержанию, назначению, форме данных указывает на их неоднородность, что является предпосылкой для их классификации. В связи с этим возник интерес к разделению данных по группам, согласно объединяющим общим признакам.

В качестве одного из критериев классификации определим степень правовой урегулированности. В этом случае данные могут быть: 1) строго регламентированные в законе (например, полученные в результате проведения следственных действий); 2) не имеющие предусмотренной законом строгой процессуальной формы, порядок их получения и оформления подразумевается отдельными положениями закона (например, оформление результатов личного досмотра предусмотрено в ст. 11 Закона о полиции).

Деятельность по формированию оснований для начала предварительного расследования состоит из элементов: приема, регистрации, раз-

² О полиции : федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Приведенный перечень законодательных установлений, заставляющих пересматривать подходы к формированию первоначальных данных о преступлении, не является исчерпывающим.

решения (проверка и принятие итогового решения) сообщений⁴. Между тем фактические данные могут оформляться до возникновения официального повода для возбуждения уголовного дела. В связи с этим следующий критерий классификации данных обусловлен моментом начала их формирования. Исходя из этого выделим данные: 1) получаемые до приема и регистрации сообщения как официального повода для возбуждения уголовного дела (например, результаты оперативно-розыскного мероприятия, инициированного органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность); 2) получаемые непосредственно в ходе проверки поступившего сообщения после его официальной регистрации (например, результаты следственных действий, а также проверочных действий, указанных в ч. 1 ст. 144 УПК РФ).

По доказательственной силе можно выделить: 1) данные, сформированные как самостоятельный источник доказательств; 2) иные данные (результаты оперативно-розыскной, полицейской, административной, организационно-управленческой деятельности), которые требуют «процессуализации» — процессуальной трансформации посредством введения их следователем (дознавателем) в уголовное дело (приобщения, как правило, в качестве иных документов или вещественных доказательств).

По субъектам целесообразно отметить данные, исходящие: 1) от должностных лиц; 2) от физических лиц.

Все данные, исходя из нормативного источника, которым они регламентированы, предлагается разделить на две основные группы:

1) предусмотренные УПК РФ, получаемые в результате:

— следственных действий (осмотров, получения образцов для сравнительного исследования, экспертиз, освидетельствования);

— иных процессуальных действий (получение объяснений, истребование предметов и документов, их изъятие, исследование предметов, документов, трупов, исполнение поручений);

2) упоминаемые в иных нормативных актах либо не регламентированные совсем:

— предусмотрено в иных кодексах и федеральных законах (например, Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности в РФ» — результаты опросов, наведения справок, прослушивания теле-

⁴ Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях : приказ МВД России от 29 января 2014 г. № 736. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

фонных переговоров, проверочных закупок, оперативных экспериментов и др.; Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) — результаты личного досмотра, досмотра вещей, находящихся при физическом лице (ст. 27.7 и др.);

— закреплено в ведомственных нормативных актах («Инструкция о порядке изъятия из незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для производства и изготовления наркотических средств и психотропных веществ, а также их учета, хранения, передачи, использования и уничтожения»⁵, «Порядок организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации»⁶ и др.);

— не имеет официального нормативно-правового регулирования (получаемые посредством современных технических средств, принадлежащих физическим лицам и организациям, например, с помощью систем видеонаблюдения, видеорегистраторов, мобильных телефонов, диктофонов, и иные данные, круг которых не является исчерпывающим).

Проведенный анализ содержания материалов уголовных дел и «отказных» материалов, демонстрирует что поступающую в правоохранительные органы информацию о преступлении можно условно разграничить по степени определенности данных: 1) данные утвердительно указывают на совершение уголовно наказуемого преступления, проверка требуется лишь для установления отдельных обязательных признаков элементов состава преступления в целях квалификации деяния; 2) сообщение содержит утвердительные данные о совершении административного правонарушения (например, нарушение правил управления транспортным средством без причинения вреда здоровью человека); 3) исходя

⁵ Об утверждении Инструкции о порядке изъятия из незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для производства и изготовления наркотических средств и психотропных веществ, а также их учета, хранения, передачи, использования и уничтожения : приказ МВД РФ № 840, Минюста РФ № 320, Минздрава РФ № 388, Минэкономики РФ № 472, ГТК РФ № 726, ФСБ РФ № 530, ФПС РФ № 585 от 9 ноября 1999 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации : приказ Минздравсоцразвития России от 12 мая 2010 г. № 346н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

из первоначального объема данных невозможно точно определить, что совершено — преступление или административное правонарушение (например, ч. 1 ст. 254 УК РФ (порча земли вредными продуктами хозяйственной деятельности) и ч. 2 ст. 8.6 КоАП РФ (порча плодородного слоя почвы) и др.; 4) исходя из первоначального объема данных невозможно разграничить — преступление или происшествие (проблемные в оценке ситуации, например, связанные с бытовыми, гражданско-правовыми отношениями).

Исходя из характера сообщения правоприменитель должен определиться, какими средствами будет осуществляться предварительная проверка. Подобную логику использовал ведомственный законодатель, определив виды сообщений: о преступлении, административном правонарушении, происшествии⁷. Еще более конкретизированным представляется классификация данных исходя из определенного вида деятельности, посредством которой они сформированы. Анализ нормативных актов, учебной и научной литературы, материалов уголовных дел, собственный практический опыт автора позволили сделать вывод, что фактические основания для начала предварительного расследования могут формироваться на основе следующих данных: оперативно-розыскных; административных; служебных (организационно-управленческих); полицейских; процессуальных (следственных и иных процессуальных).

Сведения, полученные в ходе иной, нежели уголовно-процессуальной, деятельности, должны рассматриваться как разновидность процессуальной информации при условии тщательной проверки представленных сведений на соответствие требованиям, предъявляемым к доказательствам. В целях совершенствования нормативного регулирования деятельности по формированию фактических оснований для начала предварительного расследования на основе проведенного анализа, учитывая неопределенность относительно порядка проведения проверочных действий, а также правового положения участников предварительной проверки фактических данных, необходимо сделать выводы о допустимости на этапе формирования фактических оснований для начала предварительного следствия: 1) производства любых неотложных следственных, а также иных процессуальных действий; 2) применения иных мер процессуального принуждения в виде

⁷ Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях : приказ МВД России от 29 января 2014 г. № 736. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

привода и обязательства о явке. Следует также дополнить меры процессуального принуждения такой самостоятельной исключительной мерой, как полицейское задержание, допускаемой до принятия решения о начале расследования оформляемой сотрудниками органа дознания составлением протокола об этом. Срок такого задержания исчислять с момента фактического ограничения свободы передвижения до момента доставления лица к следователю (дознавателю). Возможным опасениям оппонентов в части злоупотреблений, связанных с применением принуждения, можно противопоставить следующие гарантии. Применение следственных действий и иных мер принуждения в ходе предварительной проверки в любом случае обеспечено: 1) правом обжалования процессуальных действий и решений; 2) возможностью участия защитника с момента начала любой обвинительной деятельности, в том числе в ходе формирования фактических оснований для начала предварительного расследования; 3) положениями принципов уважения чести и достоинства личности, неприкосновенности личности, охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, неприкосновенности жилища, презумпции невиновности др.; 4) безусловной необходимостью установления наличия фактических оснований для принятия конкретных неотложных следственных и процессуальных действий.

Согласно изначальному замыслу законодателя фактологическую основу предварительного расследования предписывалось решать непроцессуальными средствами. И задумано это было вовсе не по причинам недалекости законодателя. Такова была парадигма первоначальной стадии, в которой лишь решался основной вопрос — быть или не быть уголовному процессу. Метод правового регулирования проверочной деятельности своей концептуальной «полупроцессуальностью» был призван оберегать граждан от преждевременного компрометирующего связывания их с уголовным судопроизводством⁸. В современный период произошел заметный крен в сторону процессуализации, формализации деятельности по формированию фактических оснований для начала предварительного расследования. Именно этим продиктована острая постановка проблемы обеспечения эффективности режима получения и оформления данных о признаках преступления на первоначальном этапе уголовного процесса.

⁸ Николаев Ю. А. О месте и значении стадии возбуждения уголовного дела в системе уголовного судопроизводства // Судебно-правовая реформа в России и современные проблемы выявления и расследования преступлений : мат-лы науч.-практ. конф. Омск, 2002. С. 112.

Е. А. Бравилова

Проблемы и перспективы совершенствования норм УПК РФ, регулирующих права адвоката-защитника при производстве следственных действий

В период разработки и обсуждения нового УПК РФ в 2001 г. одним из самых спорных был вопрос о процессуальном положении адвоката-защитника в досудебном производстве. После принятия в 1991 г. Концепции судебной реформы¹, а затем в 1993 г. Конституции РФ в УПК РСФСР было внесено множество изменений и дополнений, направленных на обеспечение уголовно преследуемого лица квалифицированной юридической помощью и существенно расширяющих возможности адвоката-защитника в досудебном производстве. Вместе с тем в научной литературе продолжали обсуждаться вопросы о дальнейшем расширении его прав вплоть до осуществления параллельного расследования². Но в принятом в 2001 г. УПК РФ какого-либо существенного расширения прав в процессуальном статусе защитника по сравнению с УПК РСФСР не произошло. Адвокат-защитник был наделен практически теми же правами, с небольшими, на первый взгляд незначительными, изменениями. Однако, как показала практика применения данных норм, эти изменения, а также некоторые внесенные в последующие годы дополнения вряд ли можно назвать последовательными, логичными и системными.

Так, статья 51 УПК РСФСР называлась «Обязанности и права защитника». В первой части данной нормы была сформулирована обязанность защитника оказывать юридическую помощь, используя при этом все указанные в законе средства и способы защиты, в части второй был сформулирован перечень прав защитника, который заканчивался фразой «использовать любые другие средства и способы защиты, *не противоречащие закону*» (курсив наш. — Е. Б.). Третья часть регламентировала права адвоката-защитника непосредственно при производстве следственных действий.

В принятом в 2001 г. УПК РФ аналогичная норма (ст. 53 УПК РФ) была названа уже «Полномочия защитника», и в части первой данной статьи сформулированы не права и обязанности, а полномочия, перечень которых заканчивался фразой «использовать иные *не запрещенные настоящим Кодексом* средства и способы». Норма, которая бы регла-

¹ Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С. А. Пашин. М., 1992. 110 с.

² Проект общей части УПК РФ (подготовленный ГПУ Президента РФ) // Российская юстиция. 1994. № 9.

ментировала права адвоката-защитника при производстве непосредственно следственных действий, вообще отсутствовала и была введена лишь в 2003 г. Федеральным законом № 92-ФЗ. Но при этом адвокату-защитнику было предоставлено право участвовать не только в производстве следственных действий, которые проводились с участием обвиняемого, подозреваемого (как в УПК РСФСР), но и также по ходатайству последнего и самого защитника.

Если формулировка о полномочиях защитника имеет тот же смысл, что и в УПК РСФСР (не только о праве, но и об обязанности защитника принимать все возможные средства и способы защиты, хотя и спорная с точки зрения юридической техники), то новая формулировка «использовать иные *не запрещенные в настоящем Кодексе* средства и способы» вместо «*противоречащие закону*», по сути, предоставила неограниченные возможности адвокату-защитнику. Какие-либо запреты в средствах и способах защиты для защитника дополнительно в УПК РФ не были установлены. Что касается прав защитника непосредственно при производстве следственных действий, то введенная в 2003 г. ч. 2 ст. 53 УПК РФ была несколько изменена. Одновременно с дополнением некоторых прав защитника были установлены определенные пределы действия этих прав при производстве следственных действий. В норме также были предусмотрены его право задавать вопросы, но с разрешения следователя, право делать письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе следственного действия, а также введено новое положение о праве защитника давать краткие консультации подзащитному, но в присутствии следователя.

Таким образом, в ч. 1 ст. 53 УПК РФ был предусмотрен открытый (по сути, ничем не ограниченный) перечень прав адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве, а в ч. 2 ст. 53 УПК РФ закреплён исчерпывающий перечень прав при производстве следственных действий. Противоречия, заложенные в данных нормах, повлекли ряд вопросов в правоприменительной практике, например, вправе ли защитник отказаться от подписи в протоколе следственного действия (особенно, когда нарушаются права подзащитного) или вправе ли он снимать копии протоколов тех следственных действий, в которых он принимал участие? С одной стороны, эти права прямо не закреплены в ч. 2 ст. 53 УПК РФ, с другой — нет в законе и прямых запретов. Эти вопросы стали предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. Разрешая вопрос о том, вправе ли адвокат-защитник отказаться от подписи в протоколе следственного действия, Конституционный Суд РФ отметил, что закон не предусматривает

такого отказа как способа реагирования на действия (бездействие) следователя или способа отстаивания прав подзащитного, а, наоборот, подразумевает в таких ситуациях активные действия с его стороны (заявление ходатайств об устранении недостатков, подача замечаний, принятие мер к внесению в протокол сведений о допущенных нарушениях и т. д.)³. Рассматривая вопрос о праве защитника снимать копии протоколов следственных действий, в которых он принимал участие, Конституционный Суд РФ применил формулировку п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, что закон не содержит запрета выписывать из таких протоколов сведения в любом объеме или снимать за свой счет с них копии, в том числе с помощью технических средств⁴. В первом из названных определений Конституционный Суд РФ, по сути, указал, что, кроме прав, предусмотренных в ч. 2 ст. 53 УПК РФ, защитник может также в ходе производства следственного действия делать заявления о нарушении прав подзащитного, требовать внесения в протокол сведений о допущенных недостатках, заявлять ходатайства об устранении недостатков. Во втором определении отметил, что если *нет запрета*, то можно применять любые средства и способы защиты, в том числе при производстве следственных действий.

В последние годы в следственной практике наиболее остро встал вопрос о том, вправе ли адвокат-защитник применять технические средства (диктофон, сотовый телефон и т. д.) при производстве следственных действий. В нормах УПК РФ такое право защитнику не предоставлено, но отсутствует и прямой запрет на их применение. Адвокатское сообщество, обосновывая свое право осуществлять аудио- или видеозапись следственного действия, ссылается именно на ч. 1 ст. 53 УПК РФ о праве защитника применять не запрещенные законом любые средства и способы защиты⁵. В то время как ряд ученых, а также не-

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гусева Антона Андреевича на нарушение его конституционных прав статьей 167 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2018 г. № 3388-О. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 15.02.2022).

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Куприянова Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктами 11, 12 и 13 части четвертой статьи 47, пунктами 6 и 7 части первой статьи 53 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 24 октября 2013 г. № 1557-О. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 15.02.2022).

⁵ Виноградов В. А. Обзор дисциплинарной практики адвокатских палат // Уголовный процесс. 2019. № 9. С. 23.

которые суды встали на сторону следователя. Так, Южный окружной военный суд признал законными действия следователя, запретившего применять адвокату-защитнику диктофон в ходе допроса, указав, что применение средств фиксации в ходе допроса является исключительной прерогативой следователя (дознателя), ведущего производство предварительного расследования⁶. И это, вероятно, не последняя проблема, к которой могут привести заложенные в нормах УПК РФ противоречия между общей нормой о полномочиях защитника (ч. 1 ст. 53 УПК РФ) и нормой, регламентирующей его права при производстве следственных действий. Как справедливо замечает А. А. Давлетов, формулировка об отсутствии запрета порочна, поскольку может привести к очень широкому толкованию прав защитника⁷. В досудебном производстве именно на следователя (дознателя) возлагается обязанность осуществления предварительного расследования по уголовному делу, в ходе которого он вправе определять ход расследования, принимать решение о необходимости производства того или иного следственного действия. На него возлагаются обязанности по организации следственного действия, обеспечению надлежащего (предусмотренного законом) порядка его проведения, разъяснению прав участникам, а также обеспечению возможности реализовать предоставленные им права и пресечению любых попыток ограничения или нарушения их прав другими участниками следственного действия. В одном следственном действии могут участвовать субъекты с разными, иногда прямо противоположными интересами, поэтому каждый его участник (в том числе защитник) может быть наделен только такими правами, которые не нарушают и не ограничивают права других лиц и не препятствуют нормальному ходу следственного действия в целях собирания доказательств.

Таким образом, давно назрела необходимость в корректировке норм и устранении противоречий между формулировками п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, предоставляющего неограниченный круг полномочий адвокату-защитнику, в том числе в досудебном производстве, и ч. 2 ст. 53 УПК РФ, в которой, с одной стороны, законодатель установил исчерпывающий перечень прав при производстве следственных действий, с другой — перечислил не все права, которыми в соответствии с другими нормами закона наделен защитник. Применение п. 11 ч. 1 ст. 53

⁶ Нагорная М. Оснований для применения диктофона нет. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/osnovaniy-dlya-primeneniya-diktofona-net/> (дата обращения: 23.01.2022).

⁷ Давлетов А. А. Право адвоката применять технические средства при производстве следственных действий // Адвокатская практика. 2020. № 2. С. 44–48.

УПК РФ в досудебном производстве и особенно при производстве следственных действий способно привести к нарушению баланса частных и публичных интересов, интересов правосудия и стороны защиты, прав обвиняемого и потерпевшего, а также иных участников уголовного судопроизводства или возникновению препятствий для достижения задач уголовного судопроизводства.

Н. М. Журавлева

Актуальные проблемы оценки доказательств, полученных на стадии возбуждения уголовного дела, при производстве дознания в сокращенной форме

В марте 2013 г. законодатель внес ряд изменений, которые закрепили не только новую форму расследования, но и порядок рассмотрения сообщения о преступлении¹. Полагаем, что это не случайно, потому как при применении по уголовным делам дознания в сокращенной форме предусмотрены особенности доказывания. Последние заключаются в наделении дознавателя дискреционными полномочиями, предусмотренными ст. 226⁵ УПК РФ. Анализ части третьей обозначенной нормы как раз и позволяет понять необходимость урегулирования процессуальной деятельности дознавателя на стадии возбуждения уголовного дела.

Так, при производстве расследования в порядке гл. 32¹ УПК РФ уполномоченное должностное лицо, устанавливая обстоятельства, подлежащие доказыванию, при соблюдении соответствующих условий вправе не производить допросы лиц, у которых получены объяснения. Иными словами, последние могут быть признаны доказательствами. В связи с этим закономерно возникает вопрос о том, кого дознаватель может не допрашивать. Очевидцев преступного деяния, при этом только тех, которые впоследствии, на стадии предварительного расследования, могут получить статус свидетеля. На других участников уголовного дела данное полномочие дознавателя не распространяется, несмотря на то что содержание объяснения пострадавшего может ничем не отличаться от показаний потерпевшего, полученных в ходе производства допроса.

Не стоит упускать из внимания и тот факт, что в ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ речь идет о разъяснении прав и обязанностей, предусмотренных

¹ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УПК РФ. В действующем уголовно-процессуальном законодательстве процессуальный статус очевидца не определен по причине отсутствия такого участника уголовного судопроизводства.

Кроме того, перечень части второй ст. 74 УПК РФ до настоящего времени не дополнен таким видом доказательств, как объяснение. Ряд ученых-процессуалистов считают, что его следует относить к иным документам с оговоркой, что в законе будет прописан четкий, основанный на здравом смысле механизм вовлечения объяснений в сферу уголовного судопроизводства, проверки и оценки их относимости, допустимости и достоверности, как и любого другого доказательства².

В. Ю. Стельмах считает, что объяснение не может иметь доказательственное значение, так как порядок его отбора не гарантирует достоверности сообщаемых сведений. Кроме того, в ходе осуществления предварительного расследования нередко объяснения рассматриваются в совокупности с показаниями, данными позднее, в целях оценки достоверности сведений, полученных в ходе допроса³.

В свою очередь Л. А. Александрова получение объяснений относит к непроцессуальным способам проверки сообщения о преступлении⁴.

Отсутствие четкой законодательной регламентации процессуально-го порядка получения объяснения, незакрепление последнего в качестве отдельного вида доказательства, по нашему мнению, негативно сказывается на его оценке. Объяснение не признается полноценным самостоятельным доказательством ни учеными-процессуалистами, ни правоприменителями. Полагаем, что это указывает на необходимость внесения соответствующих изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство.

² Быков В. М. Новый закон о порядке рассмотрения следователем и дознавателем сообщения о преступлении // Российская юстиция. 2013. № 5. С. 27; Балакишин В. С. Объяснение как доказательство в уголовном и административном судопроизводстве // Российский юридический журнал. 2012. № 5. С. 124–126; Григорьев А. И. Допустимость объяснений в качестве доказательств по уголовному делу // Российский юридический журнал. 2013. № 5. С. 145–148.

³ Стельмах В. Ю. Объяснения в уголовном судопроизводстве: правовая природа, процессуальный порядок получения, доказательственное значение // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2016. Т. 26, № 5. С. 148–157.

⁴ Александрова Л. А. Процессуальность как критерий допустимости доказательств, полученных на стадии возбуждения уголовного дела // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность : мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Николая Сергеевича Алексеева / под ред. Н. Г. Стойко. СПб., 2015. С. 250–257.

Считаем, что объяснение может быть признано доказательством при отсутствии последующего допроса, если его содержание (объяснения) не противоречит другим обстоятельствам, установленным в ходе производства дознания в сокращенной форме.

Отдельно хочется коснуться оценки заключения специалиста, полученного по результатам исследования, проведенного на стадии возбуждения уголовного дела (п. 3 ч. 3 ст. 226⁵ УПК РФ). Порядок получения указанного доказательства действующим УПК РФ не регламентирован. Следовательно, оценить законность его получения невозможно. Более того, в ч. 3 ст. 80 УПК РФ закреплено, что это суждение, представленное в письменном виде, которое содержит ответы на вопросы, поставленные перед специалистом. Ни о каком исследовании речи нет. Кроме того, указанный участник никакой ответственности за свое умозаключение не несет. Каковы же критерии оценки заключения специалиста при производстве дознания в сокращенной форме?

Представляется, что п. 4 ч. 3 ст. 226⁵ УПК РФ вытекает из ч. 1² ст. 144 УПК РФ. Речь идет о сведениях, которые содержатся в материалах проверки и соответствуют требованиям, предъявляемым к доказательствам. Следует отметить, что не во всех случаях можно определить, соблюден ли порядок получения сведений, по причине отсутствия законодательного закрепления последнего.

Подводя итог изложенному, можно отметить, что изменения, внесенные Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, должны были появиться в уголовно-процессуальном законодательстве одновременно. Анализ правовых норм показывает, что они своевременны и имеют общее направление — достижение процессуальной экономии. Однако выявленные проблемы указывают на необходимость дальнейшей проработки и совершенствования действующего УПК РФ.

А. Ф. Зотова

Использование систем видео-конференц-связи как способ реализации принципа открытости уголовного судопроизводства

В условиях борьбы с коронавирусной инфекцией в России и во всем мире появилась потребность в режиме онлайн разрешать споры. Уголовно-процессуальным законодательством предусмотрено использовать в судебном процессе средства видео-конференц-связи. В период

действия ограничительных мер, связанных с распространением коронавирусной инфекции, судебные процессы по уголовным делам могут полностью проходить в режиме видео-конференц-связи. На сегодняшний день с помощью такой системы проходят лишь отдельные заседания, например рассмотрение апелляционных жалоб на решение об аресте, разрешение кассационных жалоб осужденного на приговор. Такой метод проведения судебных заседаний является способом реализации открытости уголовного судопроизводства. Но если дело слушается по существу в первой инстанции, то подсудимый присутствует в зале.

Однако заседания в режиме видео-конференц-связи должны проходить в специализированных помещениях, комнатах, которые оснащены системами, позволяющими идентифицировать лиц. Это требует ресурсов, так как необходимы аппаратно-программные средства коммуникации, которые обеспечивают одновременную передачу видео и звука между двумя и несколькими участниками. Видео-конференц-связь довольно прочно вошла в жизнь общества. Главным преимуществом является то, что она позволяет оперативно решать вопросы, а также создает комфортные условия для переговоров сторон, обеспечивает их безопасность.

Организуют работу видео-конференц-связи секретари судебного заседания и помощники судей. Например, аппаратные решения в Москве позволяют подключить не более 60 участников, а в среднем в судах могут проводиться одновременно около 20 заседаний. Таким образом, существующий порядок использования видео-конференц-связи не позволяет применять ее в необходимых объемах, а также лишает граждан свободно присутствовать на судебных заседаниях и дистанционно рассматривать дела.

Видео-конференц-связь в зарубежных странах регламентирована не так строго по сравнению с Россией. Отсутствует требование нахождения лица в специальной комнате, помещении, которые оборудовано специальными средствами связи. При удаленном рассмотрении споров чаще всего используют программы ZOOM или же SKYPE. Инструкция проведения слушания обозначает только то, что участники должны выйти в определенное время, которое им было назначено, находиться в тихой комнате или помещении (при необходимости показать по требованию судьи, чтобы удостовериться, что никто не сможет подслушать), а также быть официально одетыми на судебное заседание. Данную связь используют многие страны, такие как США, Австралия, Казахстан, Великобритания, Италия. В настоящее время обсуждается возможность предоставления следственному судье права производить видеозапись показаний всех лиц, пострадавших от сексуальных преступлений, с по-

следующим воспроизведением записи в основном судебном заседании. Дети и подростки, ставшие жертвами преступлений, уже сейчас допрашиваются с использованием видеозаписи следственными судьями, после чего в основное судебное заседание не вызываются.

Однако не все судебные заседания удалось перевести в онлайн-режим. Невозможным оказалось рассмотрение дел, где участвуют присяжные заседатели. Обеспечить присутствие крайне тяжело и практически невозможно, поэтому существует необходимость модернизации используемой системы. Предполагается внедрить в российские суды технологии онлайн-участия присяжных заседателей, так как данное ограничение приостанавливает развитие правосудия и снижает его доступность.

Видео-конференц-связь является прогрессивной не только для России, но и для зарубежных стран. Внедрение подобной системы представляется крайне перспективным также и для судов общей юрисдикции, поскольку в таком случае в глазах граждан суды будут выглядеть более доступными и эффективными. В настоящее время ведутся работы по законодательному обеспечению такого рода новаций. При разработке программы возникает вопрос, который касается уровня требований к защите информации. На данный момент существуют риски, которые выражаются в том, что при чересчур высоких требованиях участники процесса так и не смогут воспользоваться теми программными ресурсами, которые были разработаны специально для свободного и безопасного доступа. Возможно, из-за таких помех не удастся расширить онлайн-участие в уголовном судопроизводстве.

Разработка специальных технических решений для дистанционного участия в судебных заседаниях, обеспечивающих повышенный уровень информационной безопасности, не выглядит оправданной. Создание дорогостоящих специальных систем затянется на годы и не позволит существенно повысить уровень доступности дистанционного правосудия. Нужны достаточно простые, но в то же время и эффективные способы, дающие уверенность и открытость всем участникам процесса. Минимизировать риски достаточно легко, но для этого должна существовать прочная законодательная база, обеспечивающая ту опору, которая необходима для дальнейшего развития уголовного судопроизводства. Многие страны стараются поднять правосудие на новый уровень и ввести информационные технологии в судопроизводство, но на данный момент существуют проблемы, требующие разрешения.

В редких случаях (закрытые судебные заседания, участие в заседании несовершеннолетних, уголовное судопроизводство, необходимость

защиты государственной и иных видов тайн) предъявляются более высокие требования к защите информации. Однако полагается, что в предусмотренных ситуациях будет достаточным использование уже существующих систем видео-конференц-связи¹.

Проведение слушания при использовании данной связи поможет упростить весь процесс и вовлечь многих лиц. Для этого нужна база, позволяющая справиться с трудностями, появляющимися на пути становления информационного пространства. В ходе судебного разбирательства система видео-конференц-связи не противоречит понятию справедливого и публичного слушания дела при условии, что подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, находящийся под стражей и участвующий в судебном заседании, имеет возможность следить за ходом судебного процесса, видеть и слышать участников процесса, а также быть заслушанным сторонами и судьей беспрепятственно. Это не означает, что суды должны перейти полностью в онлайн-формат. В какой-то мере это дает возможность лишь соблюдать процессуальные права участников уголовного судопроизводства. Внедрение таких информационных технологий позволит не затягивать со сроками рассмотрения уголовных дел². Сейчас, в период пандемии, охватившей весь мир, достаточно трудно организовать работу не в онлайн-формате. Многие следственные действия не могут быть реализованы в связи с ограничительными мерами, поэтому под прессингом таких обстоятельств приходится внедрять информационные технологии, позволяющие развиваться правосудию. Участие в судебном заседании свидетелей и других участников процесса с использованием систем видео-конференц-связи также вызывает немало вопросов: давать ложные показания в таком формате гораздо проще, как и заставить свидетеля солгать³. В связи с этим развитые страны не спешат переходить на электронное правосудие окончательно, хотя имеют для этого технические возможности. Таким образом, имеются проблемы, разрешить которые достаточно сложно, кроме того, перевод окончательно в онлайн-формат не сможет обеспечить сильную правовую базу.

¹ Поздняков М. Л. Практическая реализация принципа открытости правосудия в Российской Федерации. СПб., 2013. С. 2.

² Аносова Л. С. Конституционный принцип гласности судопроизводства: правовое регулирование и практика реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

³ О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Е. С. Кузьменко

Электронные доказательства и электронные носители информации в уголовном судопроизводстве: некоторые аспекты правовой природы

С начала действия уголовно-процессуального закона и по настоящее время законодатель реформирует те или иные нормы, в том числе затрагивающие порядок использования в уголовно-процессуальной деятельности информационных технологий. Однако до сих пор в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) не закреплены базовые представления, касающиеся места и роли электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве. Речь, в частности, идет о таких понятиях, как «электронное доказательство», «электронные носители информации» и т. п. Терминология определяется системой Национальных стандартов Российской Федерации.

Так, согласно п. 3.1 ГОСТ Р 7.0.83-2013 электронный документ — документ в цифровой форме, для использования которого необходимы средства вычислительной техники или иные специализированные устройства для воспроизведения текста, звука, изображения¹.

В уголовно-процессуальной науке при обсуждении правовой природы и сущности информационных технологий в уголовном процессе, использовании электронных доказательств и прочих коррелирующих с ними дефиниций единства не наблюдается.

В настоящее время законодатель занял неоднозначную позицию: с одной стороны, становится категорически невозможным игнорировать появление ранее не существовавших форм и средств фиксации информации, в том числе и на электронных носителях; с другой — нет последовательности и системности в вопросе урегулирования фундаментально новых понятий, они не включены в УПК РФ. Поэтому упоминание в уголовно-процессуальном законе термина «электронный носитель информации» можно рассматривать лишь как промежуточный шаг на пути к возможному закреплению в отечественном уголовно-процессуальном праве понятия «электронные доказательства».

Электронный носитель информации/электронный носитель данных — материальный объект, используемый для записи, хранения и вос-

¹ ГОСТ Р 7.0.83-2013. Электронные издания. Основные виды и выходные сведения. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200104766#7D20K3> (дата обращения: 21.02.2022).

произведения цифровой информации². Иначе говоря, электронный носитель информации — это устройство, конструктивно предназначенное для постоянного или временного хранения информации в виде, пригодном для использования в электронных вычислительных машинах, а также для ее передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах.

Электронные носители информации обладают определенной ценностью. В первую очередь электронными носителями информации являются различные телекоммуникационные устройства, переносные компьютерные устройства, фото- и видеоаппаратура, sim-карты, в том числе e-sim, жесткие диски, иные электронные устройства. С их помощью можно получить различную информацию, обладающую доказательственной силой (файлы документов; чеки о выполнении операций, связанных с переводом денежных средств; текстовые, голосовые сообщения, переписка в социальных сетях, мессенджерах; фотографии, видеоролики и т. п.). Важно учитывать, что потерпевшему причиняется вред, связанный не только с утратой самого носителя информации, но и с утратой информации, ценность которой часто значительно превышает стоимость самого предмета.

Существует несколько позиций относительно порядка использования электронных носителей информации в качестве доказательств по уголовному делу.

Суть первой сводится к тому, что электронные доказательства, хоть и относятся к уже существующим доказательствам, но должны обладать особым статусом, поскольку доказательственное значение имеет информация, содержащаяся на нем в электронной форме и выраженная в виде вещественного доказательства, а не материальный носитель.

Согласно второй электронные доказательства все же относятся к доказательствам в традиционном их понимании. Здесь на первый план выступает разграничение по источнику происхождения доказательства: чаще всего электронные доказательства относят либо к вещественным доказательствам, либо к иным документам. Аргументы классические: если информация, имеющая значение для уголовного дела, определяется исходя из физических свойств и качеств объекта материального мира, то соответствующий предмет или документ необходимо приобщить к делу в качестве вещественного доказательства; если же правовое значение

² ГОСТ Р 7.0.95-2015. Электронные документы. Основные виды, выходные сведения, технологические характеристики. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200128317> (дата обращения: 21.02.2022).

имеет смысловое содержание объекта, то его необходимо рассматривать в качестве иного документа³.

Третья предполагает, что электронные доказательства — это принципиально новый вид доказательств, который должен быть закреплен в ст. 74 УПК РФ, поскольку информация, содержащаяся на электронных носителях информации, по своим свойствам специфична, что отличает ее и от вещественного доказательства, и от иного документа.

Исходя из этого, предлагаем понимать под электронными доказательствами сведения, содержащиеся на электронных носителях информации и (или) в информационно-телекоммуникационной сети, имеющие значение для уголовного дела и собранные в порядке, предусмотренном УПК РФ. Считаем возможным также дополнить ст. 74 уголовно-процессуального закона новым видом доказательства: «электронное доказательство».

Кроме того, закон должен содержать указание на абсолютно равную юридическую силу доказательств, собранных по уголовному делу, в том числе электронных документов. При этом способ документирования должен гарантировать безопасность передачи электронных доказательств, обеспечить их сохранность и возможность проведения дальнейшего исследования, оценки на предмет подлинности, точности и полноты содержания, отсутствия преднамеренного или непреднамеренного искажения и проверки ее надлежащим образом на предмет соответствия всем требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законом к доказательствам.

Э. К. Кутуев, Э. Р. Миргородская

Специальные правила распределения бремени доказывания при рассмотрении судом жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ

В теории доказывания важное место занимает изучение вопроса об участии сторон. Общее правило: «Доказывать должен тот, кто утверждает». Однако из общего правила есть некоторые исключения. Среди исключений выделяют наличие презумпций, т. е. предположений, которые

³ Оконенко Р. И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук, М., 2016. С. 127.

действуют, пока не доказано обратное. Так, в теории доказывания уголовного судопроизводства при распределении бремени доказывания при производстве по уголовному делу действует принцип презумпции невиновности, означающий, что лицо считается невиновным, пока его вина не будет доказана в установленном законом порядке. Обязанность осуществлять сбор доказательств, как уличающих, так и оправдывающих лицо, возлагается на должностных лиц, ведущих уголовное преследование, т. е. доказывание и принятие решений в уголовном процессе является обязанностью государственных органов и должностных лиц в пределах установленной законом компетенции¹. Однако следует отметить, что доказывание осуществляется в уголовном судопроизводстве не только в связи с производством по уголовному делу, но и в судебно-контрольных производствах. Вопросу распределения бремени доказывания по уголовным делам посвятили свои труды многие ученые. Однако проблема судебно-контрольных производств, на наш взгляд, не получила еще достаточного освещения в юридической литературе. В связи с этим рассмотрим вопрос о распределении бремени доказывания в таком судебно-контрольном производстве, как разрешение судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ. Отметим, что в ст. 125 УПК РФ данный вопрос не урегулирован законодателем.

Наиболее точное определение понятия «бремя доказывания», на наш взгляд, дает А. В. Кудрявцева, толкующая его как «ношу, тяжесть обоснования положительных утверждений и представления доказательств, движущей силой, которой является интерес»².

При осуществлении доказывания по уголовным делам в качестве исключения из общего правила выступает презумпция невиновности. Означает ли это, что, например, при рассмотрении судом жалобы действует тот же принцип? И должностное лицо, на действие (бездействие) или решение которого была подана жалоба, не должно доказывать законность, обоснованность своих действий (бездействия) и мотивированность своих решений, и данное обстоятельство презюмируется априори? Полагаем, что в этом случае добросовестность государственных органов презюмируется, пока не будет подана жалоба. В случае же ее подачи бремя доказывания опровергающих обстоятельств возлагается на должностное лицо, принявшее соответствующее решение или совершившее обжалуе-

¹ Масленникова Л. Н. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве. М., 2017. С. 271.

² Кудрявцева А. В. Теория доказывания в юридическом процессе : учебное пособие. Челябинск, 2006. С. 110–111.

мое действие. Продолжая рассуждения о наличии специальных правил доказывания при рассмотрении судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, зададимся вопросом о том, можно ли в рассматриваемом случае говорить о существовании презумпции незаконности, необоснованности и немотивированности действий (бездействия), решения должностного лица в случае их обжалования заявителем. Полагаем, что нет. Презюмировать этот факт — предполагать незаконность. Предполагать незаконность означает, что в каждом случае, когда должностное лицо не предоставит доказательства в обоснование своей позиции, суд должен будет прийти к выводу, что, если не доказано обратное, то данный факт существует, т. е. без исследования доказательств, с опорой на доводы заявителя будет вынесено решение об удовлетворении такой жалобы. Кроме того, презюмировать это обстоятельство — означает утверждать факт незаконности, а незаконное решение, действие (бездействие) подлежит приостановлению в каждом случае, когда такая жалоба была подана. Но в законе указано, что обжалование решения, действия (бездействия) не приостанавливает его исполнения (совершения). Как утверждает О. В. Баулин, рассматриваемая норма является не презумпцией, а специальным правилом перераспределения бремени доказывания без выдвигания какого-либо предположения. Доказыванию подлежит именно факт, называемый предполагаемым, т. е. наличие оснований для совершения действия, принятия решения, и если он не будет доказан, то законность действия (бездействия), решения не будет установлена³.

Таким образом, в ст. 125 УПК РФ вопрос о распределении бремени доказывания при рассмотрении жалобы не регламентирован. Между тем его установление имеет важное значение при рассмотрении судом жалоб, поскольку от разрешения вопроса о том, кто из участников несет бремя доказывания обстоятельств, подлежащих установлению, зависят правильное рассмотрение жалобы и недопущение ограничения конституционных прав лица или ограничения его права на доступ к правосудию на досудебном производстве. Полагаем также, что вышеописанный механизм распределения правил доказывания может быть в дальнейшем использован при рассмотрении судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ.

³ Баулин О. В. О совершенствовании порядка рассмотрения и разрешения дел, возникающих из публичных. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/overshenstvovanii-poryadka-rassmotreniya-i-razresheniya-del-voznikayuschih-iz-publichnyh-pravootnosheniy> (дата обращения: 12.02.2022).

Г. А. Миронова

Развитие в УПК РФ нормативной основы уголовно-процессуального доказывания

1. В ходе последней кодификации российского уголовно-процессуального законодательства вопросы уголовно-процессуального доказывания оказались в числе наиболее актуальных, сложных, дискуссионных. Выделившись и объединившись сначала в УПК РСФСР (глава 5 «Доказательства»), а затем и в УПК РФ (главы 10 «Доказательства в уголовном судопроизводстве» и 11 «Доказывание») в относительно самостоятельный блок, нормы доказательственного права частично утратили связь с «тесно сотрудничающими» с ними предписаниями, устанавливающими правила производства следственных действий как основных способов собирания (формирования) доказательств. Перед законодателем стояла и продолжает стоять задача обеспечить в рамках уголовно-процессуального регулирования деятельности органов расследования, прокурора, суда по доказыванию интеграцию специальных норм о доказательствах и доказывании в общую конфигурацию УПК РФ и их системность.

2. В УПК РСФСР 1960 г., как признают исследователи, была построена система видов доказательств и процесса доказывания, адекватно отражающая практические потребности профессиональной уголовной юстиции того времени, а также состояние отечественной, советской теории доказательств. Доказательствам и доказыванию в УПК РСФСР была посвящена одна глава (гл. 5, включающая 21 статью), по своему нормативному содержанию и насыщенности не уступающая заменившим ее гл. 10 (состоит из 13 статей) и гл. 11 (состоит из 6 статей) УПК РФ. Характеризуя нормативное выражение в УПК РСФСР проблематики доказательств, П. В. Козловский отмечает, что «в период действия УПК РСФСР 1960 г., с одной стороны, произошло увеличение количества видов доказательств за счет дробления ранее существовавших. Содержание отдельных видов доказательств, особенно иных документов, стало значительно шире. С другой стороны, произошла формализация процесса доказывания, следствием которой стало появление в уголовном процессе доказательств, сходных по своему содержанию, но разных по процессуальной форме. Различия в правовом режиме получения сведений не могли не наложить отпечаток на их оценку в пользу придания большего значения доказательствам с развитой процессуальной формой»¹.

¹ Козловский П. В. Виды доказательств в уголовном судопроизводстве: эволюция, регламентация, соотношение. М., 2014. С. 49.

С принятием УПК РФ ряд устоявшихся положений, относящихся к доказыванию по уголовным делам, был переформатирован, пересмотрен, а от некоторых авторы кодекса совсем отказались. Наиболее чувствительными для практики уголовно-процессуального доказывания оказались реализованные в УПК РФ решения об отказе от задач уголовного процесса, от истины как цели доказывания, требования всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела. Отдельные новеллы УПК РФ оцениваются учеными-процессуалистами как искусственные (включение в систему видов доказательств заключения и показаний специалиста), пролобированные (право защитника собирать доказательства)². Как результат гипертрофированного представления о состязательности сторон воспринята неопределенность положения суда в доказывании (вправе ли суд собирать доказательства по собственной инициативе?), что существенно влияет не только на структуру судебного доказывания, но и на организацию всего судебного разбирательства³.

3. Не сразу в УПК РФ получил надлежащее правовое регулирование такой институт доказательственного права, как *преюдиция*. Согласно ст. 28 УПК РСФСР судебное решение по гражданскому делу являлось обязательным для лица, ведущего производство по уголовному делу, только по вопросу о том, имело ли место событие или действие, но не в отношении виновности обвиняемого.

В статье 90 УПК РФ первоначально был воплощен иной, внутриотраслевой подход понимания преюдиции, означавший необходимость учета лицом, в производстве которого находится уголовное дело, установленных вступившим в законную силу приговором обстоятельств. При этом приговор не мог предрешать виновности лиц, не участвовавших в ранее рассмотренном деле. В 2009 г. уголовно-процессуальному институту преюдиции придан межотраслевой характер: обстоятельства, установленные не только вступившим в законную силу приговором, но и вступившим в законную силу иным судебным решением, принятым в ходе гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем⁴.

² Жажицкий В. И. Доказывание и доказательства по УПК РФ. М., 2014. С. 435–436.

³ Головкин Л. В. Уголовное судопроизводство в условиях перманентной судебной реформы // Закон. 2019. № 4. С. 16.

⁴ О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В 2015 г. в ст. 90 УПК РФ были внесены очередные изменения, в соответствии с которыми преюдициальный характер не признается за обстоятельствами, установленными приговором, постановленным в рамках применения упрощенных (ускоренных) процедур, без полноценного доказывания⁵.

Окончательную конфигурацию института преюдиции в уголовном процессе обозначил Конституционный Суд РФ, обративший внимание правоприменителя на следующее: уголовно-процессуальное опровержение фактов, установленных по гражданскому делу, предполагает возбуждение уголовного дела по вновь открывшимся обстоятельствам, его рассмотрение и разрешение обвинительным приговором; пересмотр гражданского дела на основании указанного приговора; возбуждение производства по «основному» уголовному делу⁶.

4. Заметной новеллой УПК РФ, органически вписавшейся в рамки доказательственного права, является положение о возможности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании при условии, что они отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам (ст. 89 УПК РФ). Жизнеспособность данной нормативной установки поставлена в зависимость от конкретных уголовно-процессуальных действий, обеспечивающих формирование доброкачественных доказательств соответствующего вида. Трансформация оперативно-розыскных данных в доказательства фактически оказалась «привязанной» к процедурам, предусмотренным межведомственным нормативным актом — Инструкцией «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд»⁷.

В теории уголовного процесса особо подчеркивается значение сведений оперативно-розыскного характера для проведения следственных

⁵ О внесении изменения в статью 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 191-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е. А. Власенко : постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

действий и получения с их помощью таких видов доказательств, как показания свидетеля, вещественные доказательства, протоколы следственных действий и иные документы⁸.

В настоящее время продолжается поиск оптимальной процедуры «легализации» в уголовном процессе оперативно-розыскных сведений.

5. За период действия УПК РФ в него внесены многочисленные изменения и дополнения, касающиеся доказывания. В качестве примера можно привести нормы, регулирующие порядок обращения с вещественными доказательствами. Статьи 81 «Вещественные доказательства» и 82 «Хранение вещественных доказательств» УПК РФ корректировались более 20 раз. Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ введена новая ст. 81¹ «Порядок признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики»⁹.

Существенно изменились правила производства следственных действий как основных способов собирания доказательств.

Например, Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ¹⁰ в ст. 191 УПК РФ закреплён по существу новый порядок допроса несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля: наряду с законным представителем и педагогом в допросе может участвовать психолог, а в случаях, предусмотренных ч. 4 ст. 191 УПК РФ, участие психолога обязательно. Обязательна также видеозапись допроса, для чего приглашается специалист. Процессуальный статус данных лиц определен в законе неодинаково. В частности, правовое положение педагога и психолога четко не закреплено в УПК РФ, размыто. Это приводит к тому, что их участие в допросе несовершеннолетнего потерпевшего сводится к фактически безмолвному присутствию, что подтверждается записями в протоколе допроса следующего содержания, удостоверяемыми подписями педагога и психолога: «С протоколом допроса ознакомлен, замечаний не имею». Без преувеличения можно утверждать, что, участвуя в допросе несовершеннолетнего потерпевшего, педагог и психолог чаще всего исполняют роль понятого.

⁸ Диваев А. Б. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2018. С. 254–259.

⁹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

¹⁰ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве : федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Из-за пробелов в законодательстве во время допроса имеют место различные варианты поведения его участников, не совсем соответствующие общим задачам данного следственного действия. По этой же причине даются спорные, граничащие с нарушением закона рекомендации, как вести следователю допрос. В связи с этим формирование доброкачественных доказательств в виде показаний несовершеннолетнего потерпевшего становится проблематичным.

6. В уголовно-процессуальной литературе продолжают высказываться многочисленные предложения по совершенствованию норм доказательственного права. Большинство из них опираются на обстоятельные научные исследования и заслуживают внимания законодателя. Особый интерес представляют доктринальные разработки, отражающие особенности доказательственной деятельности органов расследования в свете требований обеспечения непосредственности судебного разбирательства¹¹, учитывающие специфику доказательственной деятельности при рассмотрении и разрешении вопросов исполнения приговора¹², рассматривающие проблемы формирования доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу¹³, показывающие возможности судебно-психологической экспертизы в доказывании, роль психолога в формировании показаний несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля.

В. В. Платонов, И. Ю. Лупандина

О вопросе допустимости использования результатов психофизиологического исследования с применением полиграфа в доказывании по уголовному делу

На протяжении последних лет наука и техника характеризуются существенным прогрессом, их достижения активно используются в различных сферах деятельности, исключением не является и сфера уголовного судопроизводства. В частности, в результате активного развития цифровых технологий в Уголовно-процессуальный кодекс Российской

¹¹ Кальницкий В. В. Непосредственность судебного разбирательства и доказательственная деятельность органов расследования. Омск, 2019.

¹² Пупышева Л. А. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2022. С. 344–365.

¹³ Хмельницкая Т. В. Проблемы формирования доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016.

Федерации (далее — УПК РФ) были внесены изменения, допускающие производство допроса, очной ставки и опознания в ходе предварительного следствия путем использования систем видео-конференц-связи, что, безусловно, будет способствовать сокращению сроков расследования в случае необходимости производства вышеуказанных следственных действий с участием лиц, не находящихся в месте производства предварительного следствия, а также окажет положительный эффект на процесс доказывания по уголовному делу.

На первый взгляд, в целях увеличения эффективности доказывания, а также сокращения сроков расследования достижения науки и техники должны активно внедряться в уголовное судопроизводство, оказывая непосредственное влияние на назначение уголовного судопроизводства, закрепленное в ст. 6 УПК РФ. Однако, несмотря на положительный эффект научных достижений, не каждое из них в настоящее время имеет активное применение в ходе уголовного судопроизводства.

Анализ уголовных дел, находящихся в производстве СК России и МВД России, показал, что следователями назначается проведение психофизиологического исследования с использованием полиграфа для проверки показаний, сообщенных лицом в ходе следственного действия либо проверочных мероприятий. Например, в ходе предварительной проверки по материалу руководителем Нелидовского МСО СУ СК России по Тверской области было дано поручение о проведении психофизиологического исследования с использованием полиграфа в отношении заявителя К. В результате было установлено, что у К. не выявлены реакции, свидетельствующие о том, что он намеренно искажил свои показания. Заключение специалиста было включено в перечень доказательств, содержащихся в обвинительном заключении. Однако в приговоре судом было отмечено, что УПК РФ не предусматривает законодательной возможности применения полиграфа в уголовном процессе, поэтому не может рассматриваться в качестве надлежащего доказательства, соответствующего требованиям ст. 74 УПК РФ.

При этом считаем необходимым обратить внимание, что лицо, в отношении которого планируется проведение данного мероприятия, вправе отказаться от участия в нем, что, безусловно, соответствует ст. 9, ч. 4 ст. 164 УПК РФ. Однако в этом случае органами предварительного следствия отказ толкуется как попытка избежать уголовной ответственности, что, по нашему мнению, является субъективным. В качестве примера вспомним обвинительное заключение, в перечень доказательств которого входит заключение служебной проверки, в котором указано, что Ш. и Е. было предложено пройти в целях подтверждения их показаний полиграф, однако они отказались, в связи с чем сделан вывод, что сведения,

содержащиеся в объяснениях названных сотрудников, изложены с целью избежать привлечения к установленной законом ответственности и поэтому отнестись к ним следует критически¹.

По нашему мнению, включение в обвинительное заключение подобных субъективных оценок недопустимо, так как они негативно влияют на формирование убеждения о рассматриваемых лицах у прокурора и суда, не являясь доказательством.

В определении Шестого кассационного суда общей юрисдикции² указано, что использование в доказывании результатов психофизиологического исследования с применением полиграфа уголовно-процессуальным законом (ч. 2 ст. 74 УПК РФ) не допускается, поскольку такое исследование не согласуется с приведенным выше принципом свободы оценки доказательств в уголовном судопроизводстве (ст. 17 УПК РФ).

В пункте 5.2.1 Обзора кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за второе полугодие 2012 г. указано, что «согласно уголовно-процессуальному закону психофизиологические исследования не являются доказательствами...»³.

Так, Верховный Суд РФ изменил приговор Мурманского областного суда от 23 июля 2012 г. в отношении Б. и Ш., исключив ссылку на использование в качестве доказательств заключений по результатам проведенных в ходе предварительного следствия психофизиологических экспертиз, при которых исследовались показания Б. и Ш.

Судебная коллегия указала, что такие заключения не соответствуют требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законом к заключениям экспертов, и такого рода исследования, имеющие целью выработку и проверку следственных версий, не относятся к доказательствам согласно ст. 74 УПК РФ⁴.

С учетом позиций Верховного Суда Российской Федерации, а также положений УПК РФ в вопросе оценки доказательств и перечня доказательств, закрепленного в уголовно-процессуальном законодательстве, считаем, что недопустимо включать в обвинительное заключение вышеуказанные сведения и использовать их в процессе доказывания по уго-

¹ Архив Нелидовского МСО СУ СК России по Тверской области. Уголовное дело № 12002280013040040.

² Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 27 апреля 2021 г. № 77-1775/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ за второе полугодие 2012 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Кассационное определение от 4 октября 2012 г. № 34-О12-12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ловному делу. В случае нарушения полагаем целесообразным принятие решения по возвращению уголовного дела по п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ для пересоставления обвинительного заключения и исключения из перечня доказательств данных сведений, принимая во внимание позицию Верховного Суда РФ, содержащуюся в кассационном определении: «УПК РФ не предусматривает законодательной возможности применения полиграфа в уголовном процессе. Этот вид экспертиз является результатом опроса с применением полиграфа, регистрирующего психофизиологические реакции на какой-либо вопрос, и такое заключение не может рассматриваться в качестве надлежащего доказательства, соответствующего требованиям ст. 74 УПК РФ. Данные полиграфа при проверке достоверности показаний подсудимых не являются доказательством»⁵.

С. О. Севостьянова

Заключение специалиста в системе доказательств

Показания и заключение специалиста представляют собой самостоятельные источники доказательств. От показаний и заключения эксперта их отличает то обстоятельство, что они могут существовать автономно. Если же эксперт дает показания, то предмет этих показаний напрямую связан с проведенным им исследованием и составленным по его итогам заключением. Без заключения эксперта его показания лишены всякого смысла, потому что в них он разъясняет примененные им методы исследования, полученные результаты, выводы, их существо.

Таким образом, законодатель создал нормы о двух равноценных источниках доказательственной информации, исходящей от специалиста, основное различие которых заключается в форме их фиксации. По сути, содержание показаний и заключения специалиста могут вообще не отличаться. Единственная ситуация, когда предметом показаний «охватывается» само заключение специалиста: если специалиста допрашивают по вопросам данного им заключения. Например, защитник получил от специалиста заключение, а следователь или суд допрашивают последнего по существу изложенных в заключении выводах, примененных методиках.

Так, в части 3 ст. 80 УПК РФ заключение специалиста определяется как представленное в письменном виде суждение по вопросам, постав-

⁵ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 11 сентября 2012. Г. № 41-О12-57СП. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-плюс».

ленным перед специалистом сторонами. В части 4 данной статьи дается понятие показаний специалиста — это сведения, сообщенные им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных познаний, а также разъяснения своего мнения.

Для составления заключения или дачи показаний специалисту надлежит сформулировать свое мнение, суждение по специальному вопросу, опираясь лишь на свои специальные знания, навыки, опыт. Это и подчеркивает единство содержательной стороны указанных источников доказательств. Законодатель выделил две процессуальные формы для закрепления информации, исходящей от специалиста. Зачем? Полагаем, ответ необходимо искать в истоках принципа состязательности сторон, провозглашенного Уголовно-процессуальным кодексом, согласно которому стороны обвинения и защиты равны перед судом в доказывании своей правовой позиции по уголовному делу.

Статья 53 УПК РФ предоставила защитнику возможность привлекать специалиста для оказания ему помощи в осуществлении функции защиты. Данное положение было декларативным, поскольку процедуру участия специалиста в этих мероприятиях закон не регламентировал, равно как и не устанавливал процессуальную форму фиксации результатов оказания такой помощи. А так как защитнику чаще всего требуется консультативное мнение специалиста по какому-либо вопросу, следовало закрепить в законе документальный способ получения такой консультации. Что и сделал законодатель, введя в систему источников доказательств заключение специалиста, которое могут получить без каких-либо ограничений формального плана и сторона защиты, и представители потерпевшего, гражданского истца, и другие лица.

Показания же как доказательства могут быть получены исключительно лицами, осуществляющими производство по уголовному делу, в ходе следственных (судебных) действий: допроса, очной ставки, предъявления для опознания и проверки показаний на месте. Для случая, связанного со специалистом, в наибольшей степени подходят допрос и очная ставка¹.

Сложно представить себе получение от специалиста показаний в ходе предъявления для опознания (может быть, только в случае, когда специалисту предъявляют для опознания предмет, обнаруженный им в ходе следственного действия). Проверка показаний эксперта на месте тоже лишена смысла, так как все его действия, связанные с обнаружением и изъятием доказательств, изначально должны фиксироваться в протоколе соответствующего следственного действия.

¹ Терегулова А. А. Пути получения показания подозреваемого // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2014. Т. 14, № 3. С. 36–42.

Таким образом, способом получения показаний выступает чаще всего допрос следователем или судом, тем более что в ч. 4 ст. 80 УПК РФ речь идет именно о допросе.

Неоднозначному толкованию нововведения о заключении специалиста правоприменителем способствовала неопределенность позиции самого законодателя в отношении этого источника доказательств.

По меткому замечанию профессора В. П. Божьева, «принятием Закона № 92-ФЗ, по сути дела, не только расширен перечень допустимых в уголовном судопроизводстве доказательств, но и сделан шаг к тому, чтобы торпедировать основу доказательственного права, выраженную в ч. 1 ст. 74 УПК»². Такая нелестная оценка новеллы о заключении специалиста, данная признанным авторитетом в области теории уголовного процесса, говорит о многом.

Прежде всего, в качестве отрицательного момента профессор В. П. Божьев отмечает, что вместо сведений о фактах, с помощью которых устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для дела, предлагается считать доказательством суждение лица, обладающего специальными познаниями, по вопросам, поставленным сторонами. Другим отрицательным аспектом служит то, что законодатель отошел от своей позиции по вопросу о круге лиц, наделенных полномочиями по собиранию указанных сведений. И последний момент: «Вопреки предусмотренному законом правилу о собирании и проверке доказательств только в установленном порядке новые положения выводят действия сторон за рамки этих общих правил»³.

Таким образом, новеллы о заключении и показаниях специалиста выходят за общепризнанные рамки доказывания, установленные самим законодателем и многолетними традициями уголовно-процессуального права.

Мы полностью разделяем мнение профессора В. П. Божьева, что «столь спонтанные нововведения не сопровождались установлением и инкорпорацией в УПК РФ норм, предусматривающих процессуальный порядок получения указанных доказательств; структуру и содержание самого заключения; полномочия участников процесса, ответственных за ведение производства по делу; права других участников процесса, отнесенных законом к той или другой стороне»⁴.

² Божьев В. П. Изменения УПК РФ — не всегда свидетельство его совершенствования // Законность. 2005. № 8. С. 2.

³ Там же. С. 3.

⁴ Там же.

Отсутствие четкой позиции законодателя в этих важнейших для доказывания вопросах препятствует созданию единообразной правоприменительной практики и формированию общей концепции заключения специалиста. Наоборот, это порождает произвол, появление в печати необоснованных и противоречивых предложений, которые ни в коей мере не способствуют повышению эффективности доказывания.

В. В. Семенчук

Вопросы участия в уголовном судопроизводстве лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность

Сведения о лицах, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим ОРД (далее — конфидененты), в силу положений ст. 5 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне», ст. 12 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» отнесены к государственной тайне, что накладывает ограничения на их участие в уголовном судопроизводстве.

Такие лица, участвуя в процессе подготовки и проведения оперативно-розыскных мероприятий либо получения сведений о преступной деятельности, становятся очевидцами обстоятельств, имеющих значение для расследования и разрешения уголовного дела, что позволяет рассматривать их в качестве потенциальных свидетелей. При этом отсутствие специальных норм в УПК РФ создает предпосылки для их вовлечения в уголовное судопроизводство, имеют место ситуации, когда субъекты уголовно-процессуальной деятельности предпринимали попытки истребования информации об этих лицах¹.

Если вместо запросов о предоставлении информации или допросов оперативных сотрудников с этой целью будет задействован инструмент следственных действий, позволяющих использовать принуждение, риск распространения данной информации будет реальным.

Для исключения подобных ситуаций УПК РФ должен содержать нормы, соотносящиеся с положениями ст. 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»².

¹ Гусев В. А., Луговик В. Ф. Теория оперативно-розыскных процедур : монография. М., 2019. С. 169–170.

² Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В науке высказывались разные мнения о вариантах регламентации правового иммунитета конфиденентов. В. А. Гусев и В. Ф. Луговик предлагают дополнить УПК РФ нормой, устанавливающей допустимость допроса лиц, оказывающих конфиденциальное содействие, только с их согласия³.

Э. Х. Пашаева считает целесообразным закрепить право конфиденента на отказ от разглашения информации о себе⁴. Другими авторами освобождение данных лиц от обязанностей свидетеля было отнесено к праву суда⁵.

На наш взгляд, истребование согласия на участие конфиденента в уголовном судопроизводстве должно осуществляться органом, у которого он состоит на связи. Введение механизма понуждения на такое участие со стороны властных участников уголовного судопроизводства (например, суда) подрывало бы стимулы к осуществлению содействия, которые и так невелики ввиду текущих проблем с правовой и социальной защитой данных лиц. С учетом изложенного предлагаем дополнить ст. 56 УПК РФ частью 3¹ следующего содержания:

«Допрос лиц, оказывающих или ранее оказывавших конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, допускается только с согласия данных лиц. В целях установления такого согласия следователем, дознавателем или судом в орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, направляется письменный запрос. Проведение других процессуальных действий, направленных на получение информации о лицах, оказывающих или ранее оказывавших конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, допускается только в случае возбуждения в отношении них уголовного дела».

Введение подобной нормы призвано исключить необоснованное вовлечение конфиденентов в уголовное судопроизводство без их согласия. Между тем считаем нецелесообразным создавать упрощенные процедуры использования в доказывании информации, поступающей от данных лиц. Так, в научной литературе по этому вопросу распространено предложение допустить в качестве средства доказывания допрос оперативно-

³ Гусев В. А., Луговик В. Ф. Указ. соч. С. 225.

⁴ Пашаева Э. Х. Использование результатов ОРД при принятии процессуальных решений (на примере уголовных дел о незаконном сбыте наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2017. 23 с.

⁵ Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ / автор основной идеи А. С. Александров // Международная ассоциация содействия правосудию. URL: <https://www.iuaj.net/node/1766> (дата обращения: 09.01.2022).

го сотрудника, основанный на сведениях, получаемых от конфиденентов, с сокрытием источника информации⁶.

Понимая озабоченность ученых по поводу необходимости информационного обеспечения уголовного судопроизводства и защиты интересов ОРД, отметим недостатки данного подхода.

1. Снижает достоверность вводимой в уголовное судопроизводство информации ввиду невозможности критической оценки показаний конфиденента.

По данному поводу учеными отмечалось, что следователь как лицо, наделенное УПК РФ полномочиями по осуществлению предварительного следствия, должен, во-первых, убедиться в существовании конфиденента, а во-вторых, проверить его показания. Это позволит пресечь незаконные действия оперативных сотрудников, фальсификацию доказательств⁷.

В ходе проведенного в 2021 г. анкетирования на вопрос «Необходимо ли введение в УПК РФ нормы, позволяющей использовать в доказывании показания оперативных сотрудников, основанные на данных, представленных лицами, оказывающими конфиденциальное содействие, или штатными негласными сотрудниками, без представления самого источника?» утвердительно ответили 43% сотрудников следственных органов СК России (отрицательно — 54,9%) и 55,7% сотрудников следственных органов МВД России (отрицательно — 40,9%)⁸.

⁶ Павличенко Н. В. Участие лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в уголовном процессе (в решениях Европейского суда по правам человека) // Современное право. 2010. № 6. С. 96–100 ; Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 442 с. ; Шахматов А. В. Современное состояние и проблемы конфиденциального содействия граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел // Оперативно-розыскное противодействие преступлениям экономической направленности и коррупции: передовой опыт, проблемы и пути их решения : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2020. С. 220.

⁷ Ларичев В. Д., Сустретов П. А. Проблемы участия лиц, оказывающих содействие органам внутренних дел на конфиденциальной основе, в уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2013. № 1(43). С. 196.

⁸ Проведено анкетирование 244 сотрудников следственных органов СК России (Республика Ингушетия, Алтайский, Камчатский, Приморский и Хабаровский края и Еврейская автономная область, Амурская, Магаданская и Сахалинская области) и 467 сотрудников следственных органов МВД России (республики Бурятия, Саха (Якутия), Алтайский, Камчатский, Красноярский, Приморский и Хабаровский края, Иркутская, Магаданская, Новосибирская и Оренбургская области).

2. Несет потенциальную угрозу интересам ОРД, так как риск раскрытия источника не может быть полностью исключен.

3. Влечет дисбаланс прав участников уголовного судопроизводства в пользу стороны обвинения.

Зарубежный опыт правоприменения, использованный при аргументации представленного подхода, также противоречив. Например, в Великобритании существует возможность ограничения стороны защиты в ознакомлении не только с источником информации, но и с ее содержанием⁹.

Статья 3 Закона об уголовном процессе и расследовании 1996 г.¹⁰ предусматривает ограничение на раскрытие государственным обвинителем материалов, когда суд по его ходатайству приходит к выводу, что это не соответствует публичным интересам. Подобная практика вызывала критику со стороны Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) ввиду несоответствия ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, гарантирующей право на справедливое судебное разбирательство.

При рассмотрении дела «Эдвардс и Льюис против Соединенного Королевства»¹¹ ЕСПЧ отметил, что право защиты на ознакомление с доказательствами не абсолютно и из него есть исключения, однако допустимы только строго необходимые ограничения. Они должны быть сбалансированы принимаемым в суде процессуальным порядком, который в максимально возможной степени должен отвечать требованиям состоятельности судопроизводства и принципа равенства процессуальных возможностей сторон и включать адекватные процессуальные гарантии права на защиту.

По мнению суда, сокрытые от стороны защиты материалы имели отношение к фактическим обстоятельствам дела, т. е. рассматривались судьей в процессе доказывания. В свою очередь отказ в ознакомлении с соответствующими материалами дела лишил сторону защиты воз-

⁹ Подробный анализ подзаконных нормативных актов и судебных precedентов по данному вопросу приведен в материалах дела: *Case of Jasper v. the United Kingdom* (application no. 27052/95). Judgment date 16.02.2000 // HU-DOC. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58495/> (дата обращения: 10.01.2022).

¹⁰ Criminal Procedure and Investigations Act. *The National Archives*. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1996/25/contents> (дата обращения: 10.01.2022).

¹¹ *Case of Edwards and Lewis v. the United Kingdom* (applications nos. 39647/98 and 40461/98). Judgment date 27.10.2004. HU-DOC: URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58495> <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-67226> (дата обращения: 10.01.2022).

возможности в полной мере выдвинуть свои аргументы о наличии провокации преступления. По мнению ЕСПЧ, ходатайства стороны защиты о раскрытии материалов имели определяющий характер для процессов в отношении заявителей и доказательства, скрытые в целях защиты общественных интересов, могли относиться к фактам, связанным с этими ходатайствами.

С учетом указанных обстоятельств ЕСПЧ пришел к выводу, что процедура судебного рассмотрения уголовного дела не отвечала требованиям состязательности судопроизводства, принципу равенства процессуальных возможностей сторон и не включала адекватные процессуальные гарантии, необходимые для защиты интересов обвиняемого.

Таким образом, хотя ЕСПЧ и допускает ограничение стороны защиты в ознакомлении с отдельными материалами уголовного дела, но критерии допустимости этого ясно не определены. Формулировки о необходимости адекватных процессуальных гарантий, эффективности судебных процедур и ограничения стороны защиты только в случаях существенной необходимости имеют оценочный характер.

Имплементация в отечественное уголовно-процессуальное законодательство норм, ограничивающих возможность ознакомления с доказательствами и источниками их происхождения, вместо положительных могло бы привести к обратным результатам. Можно предположить, что в большом количестве дел, где в доказывании использовались такого рода результаты ОРД, встал бы вопрос о том, что есть что-то недосказанное для стороны защиты. Вполне вероятно, что введение подобных мер только повлекло бы рост количества жалоб в высшие судебные инстанции России, а далее — в ЕСПЧ.

Подводя итог, отметим, что участие конфиденнта в уголовном судопроизводстве должно опосредоваться наличием его согласия, когда это не представляет угрозы дальнейшему осуществлению ОРД и другими способами нельзя соблюсти интересы правосудия. Для этого уголовно-процессуальное законодательство должно содержать условия такого участия, соотносящиеся с положениями ст. 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». В свою очередь нельзя согласиться с необходимостью введения упрощенных процедур использования агентурных данных, так как это противоречит базовым условиям отечественного уголовного судопроизводства (п. 2 ч. 2 ст. 75, ст. 240 УПК РФ) и справедливости судебного разбирательства в понимании ЕСПЧ.

М. Ю. Степушов

К вопросу о смене концепции использования в уголовно-процессуальном доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности

Современная концепция разделения уголовно-процессуальной, т. е. правовой, и непроцессуальной, оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) сформировалась в конце 1980-х гг. на волне критики практики советских спецслужб и разоблачения совершенных ими преступлений в годы массовых репрессий.

Она была обусловлена уникальной политической и общественно-правовой ситуацией: отрицанием советского права, с одной стороны, и отсутствием нового проекта права, уголовно-процессуального права — с другой.

Ничего подобного в других государствах не было. Нигде не стоял вопрос о создании гарантий прав и свобод человека от произвола государства с помощью следственной уголовно-процессуальной формы. Это было одним из проявлений общей концепции «самоограничения государства правом»¹, модной в то время.

Феномен оперативно-розыскной деятельности как квазиправового явления, противопоставленного следственной, уголовно-процессуальной, есть уникальное проявление изживания негативного опыта Советского государства и права. Поэтому нигде, кроме постсоветских государств, нет законов об оперативно-розыскной деятельности.

Можно предположить, что с переходом на новую уголовно-процессуальную модель необходимость в *как бы правовом институте* оперативно-розыскной деятельности отпадет.

Современная концепция использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности может быть кратко выражена формулой *«нельзя, но можно»*. «Нельзя» — потому что в этой главным образом тайной деятельности используются «грязные» с позиции этики приемы: подслушивание, подглядывание, даже элементы провокации. Человек в этой деятельности трактуется как объект, а не субъект права, с ним не вступают в правовые отношения. Отсюда уязвимость прав и свобод человека с соответствующими выводами относительно юридической значимости результатов ОРД. «Можно» — потому что без этой деятельности невозможна борьба с преступностью. Российский законодатель на-

¹ Мизулина Е. Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. Тарту, 1991. 147 с.

шел разрешение этого противоречия доступными ему правовыми средствами — следственными уголовно-процессуальными гарантиями.

Концепция использования в уголовно-процессуальном доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности включает несколько постулатов, закрепленных в действующем законодательстве: УПК РФ, Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности»² (далее — ФЗ «Об ОРД») и др. Во-первых, это постулирование следственной уголовно-процессуальной формы как единственной правовой формы «очищения» результатов ОРД. Во-вторых, это разграничение *процессуальной*, т. е. правовой, и *непроцессуальной* деятельности, т. е. ОРД. Именно это разграничение³ не только положило начало создания современной теории ОРД, но и изменило теорию доказательственного права. В-третьих, формальный запрет, содержащийся в ст. 89 УПК РФ, ст. 11 ФЗ «Об ОРД», использовать в уголовно-процессуальном доказывании результаты оперативно-розыскной деятельности.

За двадцать с лишним лет сложилась целая отрасль научного знания, претендующая на создание собственной «теории ОРД», по сути, выступающей калькой теории доказательств, теории уголовного процесса. Наиболее ярко это проявляется в проектах оперативно-розыскного права (законодательства), оперативно-розыскного кодекса⁴. Вряд ли можно поддержать это направление, которое, с нашей точки зрения, бесперспективно.

Среди представителей нижегородской школы процессуалистов сложилось мнение о том, что деятельность сотрудников оперативных аппаратов, осуществляемая тайно, без вторжения в права человека и другие охраняемые законом области, не подлежит правовому регулированию. Подлежат уголовно-процессуальному регулированию действия сотрудников органов правопорядка, направленные на выявление, раскрытие и расследование преступлений, которые затрагивают конституционные права и свободы лиц⁵.

Мы выступаем за (1) деформализацию досудебного доказывания, (2) отказ от следственной формы формирования уголовно-процессуаль-

² Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Бедняков Д. И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М., 1991. 208 с.

⁴ Луговик В. Ф. Концепция и новации проекта оперативно-розыскного кодекса // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 4(59). С. 73–75.

⁵ Муравьев М. В. Использование в уголовно-процессуальном доказывании информации, полученной в ходе гласных оперативно-розыскных мероприятий : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2021. С. 9, 14, 27–29.

ных доказательств, (3) отмену запрета на использование в доказывании любых сведений и материалов, полученных гласно или негласно сотрудниками полиции при выявлении, расследовании в ходе досудебного производства преступлений.

Именно такая модель досудебного доказывания реализована в новейшем уголовно-процессуальном законодательстве тех постсоветских государств, которые взяли за образец западную уголовно-процессуальную модель.

Так, в ч. 2 ст. 120 УПК Республики Казахстан говорится: «Материалы, в которых зафиксированы фактические данные о противоправных действиях, полученные с соблюдением требований законов Республики Казахстан „Об оперативно-розыскной деятельности“, „О контрразведывательной деятельности“, являются документами и могут использоваться в уголовном процессе в качестве доказательств»⁶.

Как следует из ч. 1 ст. 228 УПК Кыргызской Республики, протоколы специальных следственных действий, видео- и аудиозапись, фотосъемка, другие зафиксированные с помощью технических средств результаты, изъятые предметы и документы или их копии используются в доказывании на тех же основаниях, что и результаты других следственных действий.

Аналогичные нормы есть в уголовно-процессуальном законодательстве Грузии, Молдовы, Украины, Эстонии, Литвы и других постсоветских государств. В этих странах, не говоря уже о государствах с устоявшимися правовыми системами противодействия преступности (США, ФРГ), нет разделения ОРД и уголовно-процессуальной деятельности. Нет и юридической науки ОРД в системе правоведения.

Вся деятельность уголовной полиции по выявлению, расследованию, раскрытию преступления, изобличению лиц в совершенных ими преступлениях регулируется уголовно-процессуальными нормами. В том числе и тайные (негласные) действия полиции по получению «доказательств обвинения».

Основной вопрос российской антикриминальной науки заключается в разработке проекта реформы досудебного производства. Нижегородская школа процессуалистов дала на него ответ в виде «Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права РФ»⁷.

⁶ zakon.kz/Document/?doc_id=3024915.

⁷ Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и комментарии к ней / А.С. Александров [и др.]. М., 2015. 304 с.

Реформирование предварительного расследования приведет и к отмиранию различия между процессуально-правовой и альтер-процессуальной деятельностью (ОРД). Вместе с этим отпадет и вся искусственно созданная проблематика легализации результатов оперативно-розыскной деятельности, составляющая основу теории ОРД.

РАЗДЕЛ V. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

В. С. Бектева

Применение меры уголовно-процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество в рамках приостановленного уголовного дела

Право собственности является одним из фундаментальных в правовой системе каждого государства. Ввиду значимости указанного института имущественные отношения охраняются не только законодательными установлениями отдельного государства, но и международными правовыми актами¹. В рамках отечественного уголовно-процессуального законодательства особого внимания заслуживает ч. 3² ст. 6¹ УПК РФ. В главе, посвященной принципам уголовного процесса, в контексте защиты имущественных интересов личности законодатель указал на необходимость соблюдения разумного срока при наложении ареста на имущество.

Развивая данный подход, в соответствии с ч. 3 ст. 115 УПК РФ законодатель обязывает суд устанавливать сроки наложения ареста на имущество при применении рассматриваемой меры принуждения к лицам, не являющимся подозреваемыми или обвиняемыми, а также указывает на возможность продления этого срока. Анализ правоприменительной практики показывает, что суд не всегда не устанавливает конкретные сроки наложения ареста на имущество по аналогии с применением рассматриваемой меры процессуального принуждения к подозреваемым

¹ См., напр.: *Всеобщая декларация прав человека* (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) ; и др. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

и обвиняемым. По этой причине серьезно ограничиваются имущественные права лиц, в отношении которых не осуществляется уголовное преследование.

По нашему мнению, проблема установления сроков применения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество должна распространяться и на подозреваемого, обвиняемого. Профессор Н. Н. Ковтун справедливо отмечает: «Закон апеллирует к системе (якобы) дополнительных процессуальных гарантий в отношении имущества тех лиц, которые не являются подозреваемыми, обвиняемыми по уголовному делу или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия»². Автор указывает, что эта норма-гарантия должна быть неукоснительно соблюдена и в случаях применения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество в отношении подозреваемых и обвиняемых. Позиция Н. Н. Ковтуна по данному вопросу однозначна: акцентировать внимание на отдельной категории лиц при применении указанной меры пресечения излишне.

С одной стороны, несправедливо ограничивать бессрочно имущественные права подозреваемых и обвиняемых, так как на практике могут возникнуть различные ситуации, в том числе связанные с необходимостью приостановить производство по уголовному делу. В ряде случаев установление судом определенных сроков действия указанной меры процессуального принуждения было бы оправдано. С другой стороны, к подозреваемым и обвиняемым государство уже предъявляет уголовно-правовые претензии, и применение к такой категории лиц меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество, без установления определенного срока, воспринимается как разумный шаг. Однако нельзя не учитывать, что современные правила регулирования имущественных отношений в сфере уголовного судопроизводства достаточно слабо учитывают специфику современных экономических отношений в обществе.

Указанная проблема достаточно остро встает в рамках приостановленного производства по делу. У правоприменителей нередко возникает вопрос о том, отменять арест на имущество подозреваемого, обвиняемого, наложенный в ходе предварительного следствия, в случаях приоста-

² Ковтун Н. Н. Коллизии исчисления сроков наложения ареста на имущество и предварительного расследования при приостановлении производства по делу // Мировой судья. 2021. № 10. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

новления уголовного дела или арест будет действовать до возобновления производства по делу.

Анализируя данную проблему, Конституционный Суд РФ сформировал правовую позицию, согласно которой арест имущества всегда несет риск наложения чрезмерных ограничений, отрицательные последствия которых с течением времени существенно усугубляются. Для сохранения справедливого баланса между требованием соблюдения общих интересов и требованием защиты фундаментальных прав человека собственник должен располагать возможностью воспользоваться эффективными средствами правовой защиты, чтобы понесенные им убытки не превышали действительно неизбежных, а сами ограничения не ставили под угрозу существо этих прав³. В данном постановлении Конституционный Суд РФ обратил внимание на то, что вопрос, связанный со сроками действия наложения ареста на имущество, законом не урегулирован. Уголовно-процессуальный закон не содержит для таких случаев специальных предписаний относительно отмены или изменения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество в целях, указанных в законе. В качестве проблемного Конституционный Суд РФ поставил вопрос о том, что в существующей системе правового регулирования допускается сохранение ареста на имущество, действующего на все время приостановления предварительного следствия, т. е. до истечения сроков давности уголовного преследования.

Применительно к лицам, которые сами подозреваемыми или обвиняемыми по уголовному делу не являются, при приостановлении производства по пп. 1, 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ арест имущества из временной меры, применение которой осуществляется в рамках установленных в законе сроков, практически превращается для них в неопределенное по срокам ограничение права собственности.

Несмотря на то что законодатель частично отреагировал на данную проблему, вопросов осталось достаточно много. В частности, вопросы продления сроков наложения ареста на имущество в законе не обозначены.

³ По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой : постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2011 г. № 1-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В настоящее время для подозреваемых и обвиняемых при приостановлении производства по уголовному делу по основаниям, предусмотренным ст. 208 УПК РФ, арест на их имущество может действовать бессрочно (до истечения сроков давности или иного итогового решения по уголовному делу). Мы можем частично согласиться с позицией законодателя по этому поводу, с учетом того что данные лица совершили преступление, в отличие от «других лиц», указанных в ст. 115 УПК РФ, которые действительно несут бремя ограничений имущественных прав, не совершив при этом противоправных действий.

Однако на практике могут возникнуть абсолютно разные ситуации. Допустим, уголовное дело приостановлено по п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Ранее в ходе предварительного расследования был наложен арест на имущество указанного подозреваемого или обвиняемого. И здесь возникает достаточно серьезный вопрос о том, можно ли отменить наложенный ранее арест на имущество в связи с необходимостью подозреваемого или обвиняемого потратить денежные средства на лечение его заболевания. Указанная проблема в законе не урегулирована. В настоящее время разрешить ее можно путем обращения подозреваемого или обвиняемого с соответствующим ходатайством в суд для решения вопроса об отмене ареста на имущество. Такого рода ситуаций в ходе производства по уголовным делам может возникать достаточно много.

В связи с указанными обстоятельствами обоснованным представляется мнение ученых о необходимости выделения рассматриваемой области имущественных ограничений в самостоятельную сферу правового регулирования. По мнению Б. Б. Булатова, А. С. Дежнева, индивидуальная нормативно-правовая регламентация указанных вопросов позволит сократить недочеты законодательной техники при наложении ареста на имущество⁴. Кроме того, отдельная регламентация позволит урегулировать спорные вопросы применения меры процессуального принуждения при приостановлении производства по уголовному делу, устранить пробелы в законе.

⁴ Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Место наложения ареста на имущество в системе уголовно-процессуального законодательства: история и современность // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 2(61). С. 18–23.

С. П. Брыляков

Основания, условия и порядок применения государственного принуждения при производстве освидетельствования и получении образцов для сравнительного исследования

При производстве расследования практически по каждому уголовному делу возникает необходимость производства судебной экспертизы. В ряде случаев для проведения исследования и дачи заключения эксперту необходимы образцы для сравнительного исследования. К ним относятся объекты, отображающие свойства или особенности человека, животного, труп, предмета, материала или вещества, а также другие образцы, необходимые для проведения исследований и дачи заключения¹. Образцами для сравнительного исследования в данном смысле (именно для целей производства экспертизы) будут и свободные образцы почерка, изъятые в ходе производства осмотра, обыска, выемки, и смывы, полученные в ходе производства освидетельствования, и другие объекты, в том числе признанные вещественными доказательствами. Таким образом, необходимо различать понятие «образцы для сравнительного исследования» в экспертных целях (объекты экспертизы) и в целях производства одноименного следственного действия.

Объекты для экспертного исследования могут быть получены при производстве различных следственных действий. При этом изъятие таких объектов при производстве освидетельствования и получении образцов для сравнительного исследования представляется наиболее дискуссионным с точки зрения применения государственного принуждения, ввиду того что в ряде случаев участники уголовного судопроизводства отказываются выполнять законные требования следователя и добровольно соблюдать процедуру производства указанных процессуальных действий. Если в случае отказа вскрыть помещение или хранилище в ходе обыска, закон прямо указывает на возможность принудительного проникновения в данное помещение, то в случаях с рассматриваемыми действиями законодатель слабо регламентировал этот вопрос.

Безусловно, государственное принуждение является признаком, характеризующим производство всех следственных действий. Как отмечает А. Б. Диваев, государственное принуждение в уголовном процессе

¹ О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

является методом правового воздействия, применяемым в условиях недостаточной эффективности метода убеждения². При этом согласимся с В. В. Кальницким, который подразделяет государственное принуждение при производстве следственных действий на уголовно-правовое и уголовно-процессуальное³.

Применительно к исследуемым процессуальным действиям уголовно-правовое принуждение заключается в потенциальной возможности для потерпевшего быть привлеченным к уголовной ответственности по ст. 308 УК РФ. Анализируемая норма предусматривает уголовную ответственность потерпевшего за отказ от дачи показаний, уклонение от производства в отношении него судебной экспертизы, от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования. Свидетель подлежит уголовной ответственности только за отказ от дачи показаний, что отражено в ч. 7 ст. 42 и ч. 8 ст. 56 УПК РФ. Таким образом, уголовно-правовой аспект государственного принуждения при производстве освидетельствования и получении образцов для сравнительного исследования реализуется в усеченном варианте только для такого участника уголовного процесса, как потерпевший.

Уголовно-процессуальное регулирование принуждения при производстве освидетельствования и получении образцов для сравнительного исследования, на наш взгляд, требует совершенствования. Так, ч. 1 ст. 179 УПК РФ указывает на то, что следователь может произвести освидетельствование подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, а также свидетеля с его согласия, согласно ч. 2 ст. 179 УПК РФ постановление следователя о производстве освидетельствования является обязательным для освидетельствуемого лица. Получение образцов для сравнительного исследования в соответствии со ст. 202 УПК РФ возможно у подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, а также у иных физических лиц (участников проверки сообщения о преступлении согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ). При этом в рассматриваемой норме отмечено, что о получении образцов следователь выносит постановление, однако отсутствует указание на обязательность данного постановления для участников уголовного судопроизводства. Необходимо отметить, что, если обязанности потерпевшего и свидетеля применительно к производству следственных действий сформулированы лишь частично, то обязанности подозревае-

² Диваев А. Б. Меры пресечения в уголовном процессе: теоретические основы : монография. Новокузнецк, 2020. С. 21.

³ Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. М., 2013. С. 604.

мого и обвиняемого в нормах, регламентирующих их правовой статус, отсутствуют даже в общем виде.

Полагаем, что для совершенствования уголовно-правового и уголовно-процессуального регулирования государственного принуждения при производстве освидетельствования, получении образцов для сравнительного исследования, а также других следственных действиях в нормах, закрепляющих правовой статус отдельных участников уголовного судопроизводства, помимо прав, должны содержаться конкретные обязанности каждого субъекта уголовно-процессуальной деятельности. Кроме того, ст. 308 УК РФ, на наш взгляд, должна содержать возможность привлечения к уголовной ответственности за уклонение от производства освидетельствования и представления образцов для сравнительного исследования не только потерпевшего, но и свидетеля, а также иных лиц, независимо от их формального процессуального статуса, при условии значимости объектов, подлежащих изъятию.

Несмотря на недостаточно четкое правовое регулирование освидетельствования и получения образцов для сравнительного исследования, считаем, что следователь вправе получить образцы для сравнительного исследования, произвести освидетельствование, в том числе в случаях отказа лица, в отношении которого проводится указанное следственное действие.

Данный вывод основан на правовой позиции Конституционного Суда РФ, которая сводится к следующему: «Закрепленное в Конституции РФ право не свидетельствовать против себя не исключает возможности проведения — независимо от того, согласен на это подозреваемый или обвиняемый либо нет — различных процессуальных действий с его участием (осмотр места происшествия, опознание, получение образцов для сравнительного исследования), а также использования документов, предметов одежды, образцов биологических тканей и пр. в целях получения доказательств по уголовному делу... при условии соблюдения установленной уголовно-процессуальным законом процедуры»⁴.

Таким образом, в заключение сформулируем условия законности принудительного производства рассматриваемых следственных действий:

1) получать образцы для сравнительного исследования и производить освидетельствование против воли участников уголовного судопроизводства возможно только после возбуждения уголовного дела;

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики о проверке конституционности п. 2 ч. 4 ст. 46 и п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2004 г. № 448-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2) в постановлении о производстве следственного действия должны быть указаны конкретные законные основания и мотивы для его производства применительно к обстоятельствам конкретного уголовного дела;

3) в ходе производства следственного действия должны быть соблюдены требования уголовно-процессуального закона в части обеспечения безопасности жизни и здоровья участников следственного действия. Для этого следователю необходимо тщательно подготовиться к производству такого следственного действия, а именно: подготовить помещение, в котором будут минимизированы риски получения травмы, в том числе самотравмирования лица, в отношении которого производится следственное действие; привлечь дополнительных участников — сотрудников органа дознания для содействия и обеспечения безопасности при производстве следственного действия, специалиста для получения соответствующих образцов, специалиста для фиксации хода следственного действия;

4) в целях соблюдения принципа уважения чести и достоинства личности в случае необходимости вмешательства в организм для получения биологических объектов и выделений данное вмешательство должен осуществлять только специалист, имеющий соответствующее медицинское образование и навыки;

5) протокол следственного действия должен максимально соответствовать требованиям закона, в нем обязательно должны быть указаны все участвующие лица, подробная последовательность действий каждого участника следственного действия, последовательность всех выполненных манипуляций как с лицом, так и с полученными образцами.

Е. Ю. Замуруева

Система общих условий применения мер пресечения: перспектива развития

Среди мер уголовно-процессуального принуждения особое место занимают меры пресечения. Имея мощную силу принудительного воздействия, они существенно ограничивают права и свободы человека. В связи с этим в законе должны быть закреплены понятные требования к законности, обоснованности и справедливости их применения¹. На сегодняш-

¹ Мы не разделяем позицию законодателя относительно толкования понятий «избрание» и «применение» мер пресечения (п. 13 и п. 29 ст. 5 УПК РФ). В рамках данной статьи «избрание» мер пресечения рассматривается в качестве одной из форм их «применения».

ний день в УПК РФ отсутствует четкий перечень общих условий, которыми следует руководствоваться при избрании мер пресечения. Однако их наличие подтверждается самим Кодексом, равно как международными правовыми стандартами и решениями высших судов РФ.

Рассуждая о необходимости систематизации общих условий применения мер пресечения, следует ответить на вопрос о том, требуется ли их фиксация в УПК РФ или же такое обособление будет усложнять структуру уголовно-процессуального права. Л. В. Головкич считает, что «выделение в рамках кодифицированного законодательного акта неких автономных положений, обозначенных в качестве общих условий, относится к приему кодификационной техники, позволяющей обобщить отдельные институты, являющиеся общими по отношению к другим институтам (специальным)»². Результаты опроса субъектов, осуществляющих функцию предварительного расследования, работников прокуратуры, судей, а также адвокатов показали, что около 77% правоприменителей считают, что систематизация в одной статье УПК РФ общих условий применения мер пресечения будет способствовать лучшему восприятию требований закона и совершенствованию правоприменительной практики³.

Термином «система» принято обозначать совокупность элементов, находящихся в отношениях и в связях между собой и образующих определенную целостность, единство⁴. Следовательно, система общих условий применительно к мерам пресечения должна представлять собой не просто сумму произвольно взятых процессуальных норм, регулирующих общественные отношения при избрании обеспечительных мер, а совокупность таких норм, каждая из которых является системообразующей для института мер уголовно-процессуального принуждения. Все условия должны быть связаны друг с другом, образуя целостное строение.

Кратко рассмотрим элементы данной системы.

² Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головкича. М., 2017. С. 450.

³ При подготовке статьи было проведено анкетирование 205 респондентов: следователей, дознавателей территориальных органов внутренних дел Белгородской, Брянской, Калужской, Новгородской, Омской, Орловской, Псковской, Смоленской, Тамбовской областей, работников прокуратуры Воронежской, Смоленской областей, судей Омской и Орловской областей, а также адвокатов Омской и Свердловской областей.

⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1982. С. 188 ; Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 17-е, стереотип. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1985. С. 624.

Согласно гл. 13 УПК РФ соответствующие меры уголовно-процессуального воздействия применяются к определенному кругу лиц — подозреваемому, обвиняемому. Данные участники — субъекты предварительного расследования и судебного производства. Отсюда следует, что меры пресечения могут быть применены только после возбуждения уголовного дела. В. Н. Авдеев, Д. А. Воронов, О. В. Химичева, Ю. Б. Плоткина⁵ и другие авторы безоговорочно признают это требование к принятию решения о применении мер процессуального воздействия. Проведенный нами опрос показал, что около 80% правоприменителей считают обязательным условием применения мер пресечения наличие возбужденного уголовного дела.

Вместе с тем в УПК РФ регламентированы меры пресечения не только на досудебной и судебной стадиях процесса, но и в уголовно-исполнительном судопроизводстве. Несмотря на то что установленные гл. 13 и пп. 18, 18¹ ст. 397 УПК РФ меры пресечения имеют разные основания и порядок применения, правовая природа этих ограничений едина. Данный вывод вытекает из положений ст. 55 Конституции РФ и ст. 2 УК РФ, где принудительные средства прямо или опосредованно участвуют в общей и специальной превенции преступлений. Цель мер пресечения, перечисленных в ст. 98 и пп. 18, 18¹ ст. 397 УПК РФ, состоит в обеспечении соответственно основного или особого дополнительного производства. Если консолидировать систему рассматриваемых мер пресечения⁶, то общее условие их применения может обозначаться как «наличие производства по уголовному делу, уголовно-исполнительного судопроизводства».

Необходимым условием для избрания обеспечительной меры является наличие обоснованных подозрений в причастности лица к совершению

⁵ Авдеев В. Н. К вопросу об условиях избрания меры пресечения в виде заключения под стражу // Уголовное судопроизводство: проблемы и перспективы развития. СПб., 2020. С. 12–13 ; Воронов Д. А. Меры уголовно-процессуального принуждения как средства обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства : монография / под науч. ред. Б. Б. Булатова. Барнаул, 2010. С. 80 ; Химичева О. В., Плоткина Ю. Б. Применение в стадии предварительного расследования мер пресечения, избираемых по решению суда : монография. М., 2012. С. 32.

⁶ Муравьев К. В. Модель нормативного регулирования мер пресечения, действующих при производстве по уголовному делу и в уголовно-исполнительном судопроизводстве (в развитие научного подхода Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора В. В. Николюка) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 3(98). С. 145–155.

му преступлению. В ряде решений Конституционного Суда РФ⁷, Верховного Суда РФ⁸ отмечается, что избрание меры пресечения допускается только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению. Отметим, что 60% правоприменителей выделяют наличие статуса подозреваемого, обвиняемого как одно из условий применения мер пресечения.

Следующим общим условием рассматриваемой системы является надлежащий субъект, компетентный принимать решения о применении меры пресечения. В действующем законодательстве основным принципом определения круга государственных органов и должностных лиц, наделенных соответствующими полномочиями, является нахождение у них в производстве уголовного дела. На этапе предварительного расследования это следователь, дознаватель, в судебном производстве и в уголовно-исполнительном судопроизводстве — суд. Однако имеются обеспечительные меры, которые в силу строгости ограничений прав и свобод человека избираются только по решению суда (заключение под стражу, домашний арест, залог, запрет определенных действий). По нашему мнению, все меры пресечения так или иначе ущемляют конституционные права граждан, поэтому в перспективе только судебный орган должен обладать полномочиями избирать любую обеспечительную меру.

В систему общих условий применения мер пресечения должно входить «наличие оснований для их избрания» (ст. 97 УПК РФ). Отметим, что 52% проанкетированных правоприменителей придерживаются такой же точки зрения. Достаточные доказательства того, что лицо может скрыться от органов предварительного расследования и суда, продолжить преступную деятельность, иным путем препятствовать уголовному производству, являются необходимым фундаментом для избрания обеспечительной меры. В уголовно-исполнительном судопроизводстве для заключения под стражу осужденного также требуются доказательства, свидетельствующие о его уклонении от отбывания наказания.

Еще один аспект. В части 1 ст. 107 и ч. 1 ст. 108 УПК РФ отражено, что избрание домашнего ареста и заключения под стражу допускается

⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мошнина Игоря Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 12 июля 2005 г. № 330-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в случаях невозможности применения более мягкой меры пресечения. Полагаем, что правило экономии процессуального принуждения должно действовать по отношению ко всем мерам пресечения. Если обстоятельства дела позволяют избрать менее строгую обеспечительную меру или обойтись без ее применения, то компетентный орган должен идти по пути наименьшего принудительного воздействия. Для выяснения необходимости избрания принудительной меры и определения ее вида следует учитывать обстоятельства, указанные в ст. 99 УПК РФ.

Кроме того, по смыслу закрепленного в ст. 49 Конституции РФ принципа презумпции невиновности до вступления в законную силу обвинительного приговора на подозреваемого, обвиняемого не могут быть наложены ограничения, в своей совокупности сопоставимые по степени тяжести, в том числе по срокам, с уголовным наказанием, а тем более превышающие его⁹. Значит, уголовно-процессуальное принуждение в ходе производства по делу должно быть соразмерным грозящим уголовно-правовым последствиям по приговору суда. Сроки заключения под стражу осужденного должны быть соразмерны срокам неисполненного наказания с учетом соответствующих правил зачета (ст. 72 УК РФ).

Нормативное обособление, четкая регламентация общих условий применения мер пресечения дадут возможность компетентным органам в каждом конкретном случае не только мотивировать необходимость применения принудительных мер к подозреваемым, обвиняемым в совершении преступления, а также осужденным, но и осуществить выбор наиболее справедливых средств воздействия в соответствии с обстоятельствами производства.

А. А. Лукьянова

Заключение и содержание под стражей: основание и условия правомерности применения

Необходимость реализации назначения уголовного судопроизводства, среди прочего, предопределяет существование системы мер государственного принуждения, ограничивающих конституционные права и свободы участников уголовно-процессуальных правоотношений. Со-

⁹ По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А. Т. Федина : постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2011 г. № 27-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

временное российское отраслевое законодательство регламентирует целый комплекс мер пресечения, непосредственно связанных с изоляцией лица от общества на период производства по уголовному делу. Наиболее концентрированной по степени правоограничения в числе этих принудительных мер объективно является заключение и содержание под стражей.

Названный способ ограничения права на свободу и личную неприкосновенность, наряду с арестом и задержанием, конституционно допустим, обладает универсальным межотраслевым характером и находится под непосредственным судебным контролем государства. Правомерность использования указанных способов правоограничения обеспечивают предусмотренные Конституцией РФ правовые гарантии.

Законодательная тенденция последних лет к дифференциации процессуальной формы и минимизации принуждения¹, что подтверждается статистическими данными, в определенной степени обуславливает реформацию практики правоприменения, а именно: ежегодно сокращается количество лиц, фактически помещаемых в следственные изоляторы (в 2015 г. судами удовлетворены 140 457 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу; в 2016 г. — 121 796; 2017 г. — 113 269; 2018 г. — 102 205; 2019 г. — 94 633; 2020 г. — 84 919²). Несмотря на это, заключение под стражу остается наиболее распространенной мерой, назначаемой судом обвиняемым (в исключительных случаях подозреваемым) в совершении преступления, а в целом мерой воздействия с доказанной эффективностью.

Любое правомерное использование средств в публично-правовой сфере, результатом которого является фактическое ограничение конституционных прав, в частности права на свободу и личную неприкосновенность, должно происходить только при наличии основания и с соблюдением определенных условий. При этом исполнение названных правовых предписаний обеспечивается на протяжении всего периода правоограничения.

Абстрагируясь от изложенных в ст. 97 УПК РФ оснований избрания мер пресечения и характеризуя основание ограничения искомого права

¹ Примером того является дополнение УПК РФ альтернативной заключению под стражу мерой пресечения (ст. 105¹ УПК РФ), усиление гарантий предпринимателей при избрании меры пресечения (п. 1¹ ст. 108 УПК РФ), ужесточение требований к обоснованию необходимости продления срока содержания под стражей (ч. 9 ст. 109 УПК РФ).

² *Информация* из сводных статистических данных о деятельности судов общей юрисдикции. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 10.01.2022).

путем заключения лица под стражу в конституционно-правовом контексте, надлежит отметить, что его фактологическая структура в системной взаимосвязи с положениями ст. 55 Конституции РФ объединяет два элемента. Во-первых, это *доказанная необходимость* соразмерного правоограничения³, предполагающая наличие конституционно значимой цели, требующей достижения. Такой целью является, например, осуществление производства по уголовному делу, для обеспечения эффективности и своевременности которого допустимо ограничение свободы и личной неприкосновенности способами, регламентированными УПК РФ, среди них и заключение под стражу.

Примечательно, что с момента принятия УПК РФ требования к доказыванию необходимости претерпели определенные изменения, а именно: ст. 108 УПК РФ дополнена указанием на обязательный учет и отражение в постановлении судьи конкретных фактических обстоятельств, на основании которых судья принял решение о заключении под стражу⁴, и запретом на использование в качестве таких обстоятельств данных, не проверенных в ходе судебного заседания, в частности результатов оперативно-розыскной деятельности, представленных в нарушение требований ст. 89 УПК РФ⁵.

Однако такая доказанная необходимость не может учитываться в качестве единственного и достаточного основания для правоограничения, требуется второй элемент в фактологической структуре основания — *доказанное воспрепятствование реализации конституционно значимой цели* лицом, чью свободу и личную неприкосновенность необходимо ограничить. Именно с воспрепятствованием уголовному судопроизводству Пленум Верховного Суда РФ и связывает «реальную

³ Правовую позицию о справедливости и соразмерности правоограничения, а также о недопустимости избыточного применения принудительных мер см.: По делу о проверке конституционности положений пункта 2 части первой и части третьей статьи 232 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Л. И. Батищева, Ю. А. Евграфова, О. В. Фролова и А. В. Шмелева : постановление Конституционного Суда РФ от 4 марта 2003 г. № 2-П. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 10.01.2022).

⁴ О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» : федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 161-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

возможность совершения обвиняемым, подозреваемым действий, указанных в ст. 97 УПК РФ»⁶.

Кроме того, продолжая аргументацию, целесообразно обратиться к правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в решении по жалобе гр. Щелухина⁷. В нем была признана не соответствующей Конституции РФ ч. 5 ст. 97 УК РСФСР, действовавшая на тот момент и допускавшая возможность не учитывать при исчислении срока содержания под стражей время ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела. Занятая Конституционным Судом РФ правовая позиция нашла свое развитие и стала основой существующих правил исчисления и продления сроков содержания под стражей, в том числе предусмотренных в чч. 5, 7 и 9 ст. 109 УПК РФ. Следует отметить, что ныне ни ознакомление с материалами уголовного дела, ни производство следственных действий не может быть единственным и достаточным основанием для продления срока содержания под стражей⁸. Решение должно основываться на фактических данных, подтверждающих необходимость сохранения этой меры пресечения и отсутствие основания для избрания иной меры, т. е. стремление к минимизации правоограничения.

Не только наличие оснований для ограничения права на свободу и личную неприкосновенность путем заключения лица под стражу, но и соблюдение ряда условий свидетельствуют о правомерности правоограничения. Определяющими в их числе следует назвать стремление к *минимизации правоограничения* и *законность процедуры* ограничения права, что можно раскрыть как требование соблюдения норм материального и процессуального права должностными лицами, применяющими в качестве способа заключения под стражу. При этом если процессуально-правовая законность предполагает требование соблюдения процедуры юридической деятельности (например, выполнение определенного алгоритма при обращении в суд

⁶ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. В. Щелухина : постановление Конституционного Суда РФ от 13 июня 1996 г. № 14-П. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 10.01.2022).

⁸ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

с ходатайством о заключении под стражу), то материально-правовую законность следует толковать как совокупность критериев: обоснованность меры с точки зрения целей, а также необходимость и разумность в конкретных обстоятельствах; наличие объективно обоснованного подозрения⁹ и наличие достаточных признаков преступления, в котором подозревается лицо. Особое внимание обратим на определение правомерности сроков содержания под стражей. Следует говорить не только о разумности применения меры в конкретных обстоятельствах, но и о разумности сроков правоограничения, равно как и об их предельности¹⁰, и в целом о срочном контролируемом характере применения искомой принудительной меры¹¹.

Изложенное позволяет констатировать, что оценка правомерности заключения под стражу требует комплексного анализа наличия основания и соблюдения условий правомерности. Фактологическая структура основания представлена двумя компонентами: *доказанной необходимостью правоограничения* и *доказанным воспрепятствованием реализации конституционно значимой цели*. Условиями правомерности в числе прочих являются минимизация правоограничения, законность процедуры, срочный характер применения.

А. В. Павлов, И. П. Пилюшин

Особенности оценки оснований избрания меры пресечения в виде заключения под стражу

Мера пресечения может быть избрана дознавателем, следователем, а также судом, если установлены достаточные данные полагать, что подозреваемый или обвиняемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда, либо может продолжить заниматься преступной деятельностью, либо может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства или иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. Наиболее сложным

⁹ Там же.

¹⁰ Правовую позицию о необходимости правоограничения только в законодательно установленных пределах см.: *Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Карабулина Евгения Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями частей третьей – седьмой и девятой статьи 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации* : определение Конституционного Суда РФ от 7 октября 2014 г. № 2162-О. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 10.01.2022).

¹¹ Автор умышленно не углубляется в исследование сущности отдельных правовых условий, ограничившись их перечислением.

для правоприменителя является вопрос о выборе оптимальной меры пресечения из перечня, предусмотренного в ст. 98 УПК РФ. Это объясняется тем, что в законе не предусмотрена градация оснований в зависимости от вида меры пресечения.

Относительно оснований избрания мер пресечения в юридической литературе представлены разные точки зрения. В. М. Корнуков, С. И. Вершинина при определении оснований применения мер пресечения выделяют три фактора, два из которых предстают в виде вероятности наступления определенных явлений. К ним относятся: а) возникновение у обвиняемого (подозреваемого) намерения совершить какое-либо действие из перечисленных в ч. 1 ст. 97 УПК РФ, для недопущения которых предназначены меры пресечения; б) формирование у должностного лица предположения (по тексту закона — полагания) о наличии у обвиняемого (подозреваемого) указанного выше намерения. Третий фактор, занимающий промежуточное положение между первыми двумя, выражен в виде требования объективирующего характера. Он означает наличие в данной ситуации фактических обстоятельств, подтверждающих указанное выше намерение обвиняемого (подозреваемого) и обосновывающих предположение (полагание) соответствующего должностного лица¹. В практической деятельности в системе элементов оснований применения мер пресечения не всегда учитывается именно наличие третьего фактора. В связи с этим нами будет сделан акцент именно на данной составляющей оснований избрания меры пресечения.

Обращение к отдельным положениям УПК РФ, а также к правовым позициям Верховного Суда РФ позволяет сформировать определенные подходы к решению данной проблемы применительно к мере пресечения в виде заключения под стражу.

Во-первых, на выбор меры пресечения существенное влияние имеет круг установленных обстоятельств, указывающих на вероятность наступления последствий, предусмотренных в ст. 97 УПК РФ. Их оценка позволяет определить степень вероятности ненадлежащего поведения подозреваемого (обвиняемого). Верховный Суд РФ отмечает обстоятельства, которые могут свидетельствовать о необходимости избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. В частности, на первоначальных этапах производства по уголовному делу это сведения о том, что лицо может: скрыться (об этом могут свидетельствовать тяжесть предъявленного обвинения и возможность назначения наказания в виде лишения свободы

¹ Корнуков В. М., Вершинина С. И. Проблемы объективации оснований применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 19–23.

на длительный срок либо нарушение лицом ранее избранной в отношении него меры пресечения, не связанной с лишением свободы); продолжить заниматься преступной деятельностью (об этом может свидетельствовать совершение им ранее умышленного преступления, судимость за которое не снята и не погашена); воспрепятствовать производству по уголовному делу (может свидетельствовать наличие угроз со стороны обвиняемого, подозреваемого, его родственников, иных лиц, предложение указанными лицами свидетелям, потерпевшим, специалистам, экспертам, иным участникам уголовного судопроизводства выгод материального и нематериального характера в целях фальсификации доказательств по делу, предъявление лицу обвинения в совершении преступления в составе организованной группы или преступного сообщества).

Во-вторых, значимым следует считать характер и объем сведений, которыми устанавливаются обстоятельства, образующие основания для избрания меры пресечения (пределы доказывания). Например, отсутствие у подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести постоянного места жительства на территории Российской Федерации при отсутствии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, не может являться единственным основанием, достаточным для избрания в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу.

В-третьих, непосредственное значение при оценке оснований имеет предусмотренное в законе требование о применении заключения под стражу лишь при невозможности беспрепятственного осуществления уголовного судопроизводства посредством применения в отношении лица иной (более мягкой) меры пресечения. В соответствии с п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» к ходатайству об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу следует приобщать материалы уголовного дела, свидетельствующие в том числе и о невозможности избрания иной, более мягкой, меры пресечения (например, домашнего ареста, залога или запрета определенных действий)². Суды при удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу указывают в постановлении на конкретные фактические обстоятельства, свидетельствующие о невозможности беспрепятственного осуществления уголовного судопроизводства в случае применения в отношении лица иной меры пресечения. В ряде случаев, отказывая в за-

² Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ключении под стражу и применяя иную, более мягкую меру пресечения, суды избирали меры пресечения, для применения которых не требуется судебного решения, например подписку о невыезде и надлежащем поведении. Апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 16 января 2015 г. мера пресечения в виде заключения под стражу, избранная 29 декабря 2014 г. Усть-Алданским районным судом в отношении Б., изменена на подписку о невыезде. В апелляционном постановлении указано, что судом первой инстанции не дано должной оценки совокупности сведений о личности подозреваемого Б., который ранее не судим, по месту жительства характеризуется положительно, зарегистрирован и проживает с родителями, личность его документально установлена, от органов предварительного следствия он не скрывался, вину признает, в содеянном раскаивается³.

В-четвертых, следует учитывать обстоятельства, указанные в ст. 99 УПК РФ (тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства (например, совершение лицом преступления в отношении членов своей семьи при совместном проживании, поведение лица после совершения преступления, в частности явку с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, заглаживание причиненного в результате преступления вреда)). Данные обстоятельства принимаются во внимание, но они имеют вторичное значение и учитываются лишь при наличии оснований, предусмотренных в ст. 97 УПК РФ. Европейский Суд по правам человека неоднократно подчеркивал, что в странах, где квалификация деяния зависит от органов обвинения, тяжесть вмененного преступления не может оправдывать содержание под стражей⁴. Следует учитывать конкретные обстоятельства, в том числе возраст, состояние здоровья (даже при отсутствии заболеваний, исключающих возможность заключения под стражу), способность к самообслуживанию, а также заключения экспертов, проводивших медицинские экспертизы, свидетельствующие о нуждаемости этих лиц в определенных условиях содержания⁵.

³ Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18.01.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ По делу Зенцов и другие (Zentsov and Others) против России : постановление Европейского суда по правам человека от 23 октября 2012 г. // Бюллетень ЕСПЧ. 2015. № 5.

⁵ Качалова О. В. Учет судом оснований и условий применения заключения под стражу в качестве меры пресечения // Судья. 2019. № 9. С. 60–64.

Некоторые особенности применения домашнего ареста

На сегодняшний день домашнему аресту отводится второе место по строгости среди всех мер пресечения. Суть домашнего ареста состоит в изоляции уголовно преследуемого лица от общества в жилом помещении, а также возложении дополнительных запретов. Указанная мера пресечения после принятия УПК РФ подверглась усовершенствованию. Последние изменения были введены Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ¹, согласно которым произошел отход от принципа избрания только одной меры пресечения. В Кодексе определено всего три запрета (пп. 3–5 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ), что в сравнении с прошлой редакцией уголовно-процессуального закона несколько упрощает положение подозреваемого (обвиняемого). При выборе запретов учитываются не только данные о личности (индивидуальные особенности) и фактические обстоятельства, но и доводы, представленные сторонами обвинения и защиты. В целом можно утверждать, что законодательные изменения в области избрания мер пресечения обращены в сторону гуманизации.

Контроль за исполнением данной меры пресечения возложен на учреждения ФСИН, а именно на уголовно-исполнительные инспекции, однако ее реализация сотрудниками указанных подразделений в УПК РФ не отражена. Естественно, имеется необходимость личного контроля над каждым лицом. Отсюда же вытекает проблема нехватки кадров в уголовно-исполнительной системе, а также дефицит необходимых технических средств контроля (стационарное и мобильное контрольное устройство, персональные трекеры, электронные браслеты, ретранслятор и т. д.). Плохое качество указанных средств приводит к частым поломкам и сбоям в работе, что требует более частого привлечения специалистов по техническому обслуживанию, что обуславливает дополнительные финансовые вливания из бюджета. В. Н. Чаплыгина полагает, что «улучшить ситуацию может приобретение более современных технических средств контроля и введение в уголовно-исполнительные инспекции дополнительных штатных единиц, обязанных вести контроль над лицами под домашним арестом»².

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста : федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Чаплыгина В. Н. Домашний арест: практические сложности и перспективы применения // Проблемы в деятельности органов предварительного расследования и пути их разрешения в России : мат-лы всерос. круглого стола / под ред.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2020 г. общее количество рассмотренных ходатайств о назначении домашнего ареста составляет 6966 (АППГ — 7170), из них удовлетворено 6037 ходатайств, т. е. 86,7% от общего количества³. Причина редкого избрания данной меры объясняется наличием некоторых спорных моментов как в области правового регулирования, так и в практической части реализации меры пресечения в виде домашнего ареста.

Среди мер пресечения (заключение под стражу, домашний арест, залог, запрет определенных действий), находящихся в арсенале судей, по статистике, преимущество отдается первой. Так, в 2020 г. о применении заключения под стражу ходатайствовали 106 046 раз (АППГ — 114 300); было удовлетворено 94 633 ходатайства (АППГ — 102 205). Это характеризует традиционный подход органов предварительного расследования и судов к вопросам избрания мер пресечения. Необходимо отметить, что содержание лица под стражей осуществляется также и за счет средств налогоплательщиков. Нередки ситуации, когда подозреваемые или обвиняемые обращаются в суд, в том числе в Европейский Суд по правам человека, за денежной компенсацией в связи с нарушением рассмотрения дела в разумный срок, а также условий содержания при заключении под стражу. Суммы назначенной судебными решениями компенсации, выплачиваемые из бюджета государства, достаточно велики.

Как пишет Д. А. Воронов, при избрании меры пресечения в виде именно домашнего ареста нужно принимать во внимание две группы обстоятельств: во-первых, заключение под стражу большого числа людей, даже и совершивших преступления, предполагает социальную деградацию личности и существенные затраты со стороны государства; во-вторых, для некоторых категорий лиц (несовершеннолетних, женщин, престарелых, больных) это может представлять физическую опасность. Конечно, такие причины в любом случае должны быть подтверждены конкретными обстоятельствами, которые следует принимать во внимание при установлении целесообразности избрания именно этой меры пресечения из общего их массива⁴.

А. Д. Аветисян, А. А. Рясова, Д. А. Рясова, Е. В. Сопневой. Ставрополь, 2017. С. 291.

³ Статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ : отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции. URL: http://www.cdep.ru/user_images/ (дата обращения: 30.10.2021).

⁴ Воронов Д. А. Домашний арест как мера безопасности: состояние и перспективы развития // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2. С. 78.

При этом обстоятельства, приведенные в ст. 99 УПК РФ, применительно к каждой конкретной ситуации должны оцениваться в их совокупности исходя как из конкретного уголовного дела, так и из личностных характеристик подозреваемого, обвиняемого. Например, могут существовать доказательства, подтверждающие совершение определенным лицом тяжкого преступления, но личностные качества человека таковы, что наиболее целесообразным будет избрание в отношении него меры пресечения в виде домашнего ареста. И наоборот, имеют место ситуации, когда лицо, даже совершившее преступление средней тяжести, обладает столь значительным «набором» отрицательных качеств личности, что избрание в отношении него данной меры пресечения видится явно неадекватным.

Сложным является вопрос о возможности проживания подозреваемого или обвиняемого под домашним арестом в пансионате, гостинице или доме отдыха, так как это напрямую будет связано с платежеспособностью данного лица. Если же человек проживает в отдельно стоящем неблагоустроенном доме, то при домашнем аресте следует предусмотреть возможность свободного передвижения лица в пределах земельного участка. В любом случае судья, разрешая вопрос об избрании домашнего ареста, должен учитывать, что невозможно подвергать лицо полному запрету покидать жилое помещение, если оно не является полностью благоустроенным. В связи с этим целесообразно изменить определение домашнего ареста, указав в ч. 1 ст. 107 УПК РФ, что в числе прочего он состоит и в нахождении подозреваемого в изоляции от общества в частном домовладении с учетом земельного участка.

Из данной проблемы вытекает другая, а именно: в УПК РФ нечетко прописана процедура получения согласия лиц, проживающих в определенном жилом помещении, на совместное проживание с лицом под домашним арестом. Это вызывает ряд жалоб на ущемление прав, свобод и законных интересов со стороны граждан, проживающих с ним на одной территории. Решением указанных проблем должно стать совершенствование положений уголовно-процессуального законодательства.

Если подозреваемый (обвиняемый) болен, то в качестве места нахождения под домашним арестом может быть определено и лечебное учреждение. В таком случае действие этой меры пресечения должно распространяться на все помещения данного лечебного учреждения. Для введения в УПК РФ соответствующего порядка следует указать в нем, что на домашний арест с нахождением лица в медицинском учреждении требуется письменное согласие руководства, поскольку необходимо устано-

вить в палате и иных помещениях средства технического контроля, а также это может вызвать возражения со стороны других пациентов. Ведь именно руководитель учреждения, а не суд либо орган предварительного расследования знает особенности профиля такого учреждения, контингент больных и иные специфические черты оказания медицинской помощи в данном учреждении.

По мнению И. Г. Рогавы, Ф. С. Махмудовой, «домашний арест должен применяться к лицам, которые в силу своего возраста, состояния здоровья, семейного положения и других обстоятельств не могут содержаться в местах временного содержания обвиняемых (подозреваемых)»⁵.

В связи с тем что мера пресечения в виде домашнего ареста в любом случае требует определенных затрат со стороны государства, ее нельзя применять при отсутствии соответствующих оснований, а также в случаях, когда можно избрать иную меру пресечения (например, подписку о невыезде). По справедливому мнению И. П. Пилюшина, «говоря о результативности меры пресечения, необходимо обратить внимание на порядок ее избрания и применения»⁶. В связи с этим модернизация положений УПК РФ и иных нормативных правовых актов, регулирующих институт домашнего ареста и обстоятельств, учитываемых при его избрании, позволит в определенной степени сократить отставание в его применении.

Следовательно, можно сделать вывод об осторожном избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, который не показал своих потенциальных возможностей. В то же время он оказывает позитивное влияние на подозреваемого (обвиняемого), поскольку дает возможность человеку, чья вина еще не доказана, находиться в привычных условиях, не подвергая его достаточно серьезной психологической травме. Критерии для применения домашнего ареста следующие: 1) обязательный изолирующий результат, т. е. несмотря на то что арест «домашний», он все же должен быть арестом, при котором обеспечивается пребывание лица в конкретном месте; 2) исполнимость возложенных судебным органом запретов должна быть реальной.

Предполагается, что мера пресечения в виде домашнего ареста будет и дальше активно использоваться правоприменителем, являясь альтернативой заключению под стражу, что, безусловно, позволит решить проблему с нехваткой и переполненностью следственных изоляторов.

⁵ Рогава И. Г., Махмудова Ф. С. Актуальные проблемы применения мер пресечения в уголовном процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 12. С. 172.

⁶ Пилюшин И. П. Эффективность домашнего ареста в уголовном судопроизводстве // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 2(69). С. 17.

А. В. Спирин

О некоторых аспектах прокурорского надзора за законностью применения мер пресечения в досудебном производстве

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) определяет, что назначением уголовного судопроизводства является как защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, так и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Как известно, в досудебном производстве ограничение прав и свобод подозреваемого и обвиняемого происходит главным образом в связи с применением мер пресечения. Такие меры принудительного воздействия применяются к уголовно преследуемому лицу в целях обеспечения его надлежащего поведения в ходе уголовно-процессуальной деятельности¹.

В науке справедливо отмечается, что при применении любой меры принуждения должно оцениваться соотношение личных интересов гражданина, участвующего в уголовном процессе, и интересов всего общества, нуждающегося в изобличении и наказании виновных и недопущении осуждения невиновных. К. В. Муравьев, рассуждая о справедливости применения мер принуждения, верно указывает, что необходимо стремиться к минимальным ограничениям, требующимся для нейтрализации обстоятельств, которые служат основанием для избрания любой меры принуждения².

Решение о применении наиболее «острых» мер процессуального принуждения (в том числе и мер пресечения, в наибольшей степени ограничивающих права и свободы обвиняемых и подозреваемых) принимается судом по ходатайству следователя или дознавателя. Именно суд в таких случаях на основании исследованных в судебном заседании материалов дела устанавливает искомый баланс интересов и принимает решение об избрании соответствующей меры пресечения или об отказе в удовлетворении ходатайства (ч. 7 ст. 108 УПК РФ).

¹ Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации : курс лекций. Екатеринбург, 2020. С. 131, 132.

² Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения — особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация : монография. Омск, 2017. С. 143.

Вместе с тем существуют меры пресечения, применяемые без суда, по решению дознавателя, следователя. Именно о них пойдет речь далее. Наиболее востребованной практикой из этих мер является подписка о невыезде и надлежащем поведении. Важно понимать, что применение любой меры пресечения, в том числе не связанной с лишением свободы, ограничивает права обвиняемого (в частности, право на свободу передвижения, выбора места жительства). При применении меры пресечения возможно нарушение прав не только тех лиц, к которым эта мера применяется, но и других участников уголовного судопроизводства³.

В отсутствие предварительного судебного контроля (судебный контроль задействован в случае рассмотрения жалоб участников уголовного судопроизводства) особую роль в защите прав участников уголовного судопроизводства от незаконного и необоснованного ограничения, обеспечении баланса частных и публичных интересов играет прокурор. В статье 29 Федерального закона «О прокуратуре РФ» установлено, что в предмет прокурорского надзора входят соблюдение прав и свобод человека и гражданина, законность решений, принимаемых органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие⁴.

Насколько эффективен прокурорский надзор в этой части? Ответ на данный вопрос зависит во многом от формы расследования уголовного дела. При производстве по делу дознания прокурор вправе для обеспечения законности применения мер пресечения использовать такие правовые средства, как требование об устранении нарушений федерального законодательства, письменное указание о направлении расследования и производстве процессуальных действий. Кроме того, прокурор продлевает срок дознания по уголовному делу.

Последнее полномочие упомянуто нами не случайно. Дело в том, что, помимо законности самого решения следователя (дознавателя) об избрании, например, подписки о невыезде и надлежащем поведении, внимание следует уделять «временным аспектам» применения таких мер. Их действие, хотя и не ограничено каким-либо конкретным, установленным УПК РФ сроком, не должно быть «неопределенно длительным», автоматически продляющимся вместе с продлением срока расследования.

³ *Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод участников уголовного судопроизводства при избрании и применении мер пресечения (досудебное производство)* : пособие. М., 2014.

⁴ *О прокуратуре* Российской Федерации : федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

И здесь мы сталкиваемся с проблемой: прокурор от решения вопроса о продлении срока следствия по делу фактически отстранен.

Между тем оценить количество уголовных дел, оконченных следователями основных (по нагрузке) ведомств, по которым продление срока следствия осуществлялось, по меньшей мере, однократно, можно проанализировав нижеприведенные показатели⁵.

Следователями следственного комитета РФ окончено⁶:

— 2016 г.: 117 875 дел, из них в срок, свыше установленного, — 41 568 (35,3%), в том числе о преступлениях небольшой тяжести — 8301.

— 2017 г.: 116 565 дел, из них в срок, свыше установленного, 39 400 (33,8%), в том числе о преступлениях небольшой тяжести — 8652.

— 2018 г.: 115 482 дела, из них в срок, свыше установленного, 40 697 (35,2%), в том числе о преступлениях небольшой тяжести — 9941.

— 2019 г.: 112 240 дел, из них в срок, свыше установленного, 41 102 (36,6%), в том числе о преступлениях небольшой тяжести — 9980.

— 2020 г.: 110 371 дело, из них в срок, свыше установленного, 38 535 (34,9%), в том числе о преступлениях небольшой тяжести — 8 886 дел.

Следователями МВД России окончено:

— 2016 г.: 344 635 дел, в срок, свыше установленного, — 125 402 (36,4%).

— 2017 г.: 327 614 дел, в срок, свыше установленного, — 119 517 (36,5%).

— 2018 г.: 314 624 дела, в срок, свыше установленного, — 121 859 (38,7%).

— 2019 г.: 300 414 дел, в срок, свыше установленного, — 121 859 (40,6%).

— 2020 г.: 289 020 дел, в срок, свыше установленного, — 122 511 (42,4%).

По данным О. И. Цоколовой, по уголовным делам, относящимся к подследственности следователей, средняя длительность действия подписки о невыезде и надлежащем поведении составляла 5 месяцев⁷.

В отсутствие надлежащего законодательного регулирования требование приказа Генеральной прокуратуры РФ о необходимости наладить действенный надзор за исполнением законов в части соблюдения сроков предварительного следствия и своевременного принятия процессуальных решений по уголовным делам, об ориентировании руководителей следственных органов на незамедлительное представление

⁵ Сведения о результатах надзора за исполнением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства : статистические отчеты по форме НСиД за 2011–2020 гг. // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/> (дата обращения: 17.01.2022).

⁶ Имеется в виду: направлено дел прокурору с обвинительным заключением (актом), в суд с ходатайством в порядке ст. 446² УПК РФ, а также прекращено.

⁷ Цоколова О. И. Подписка о невыезде как ограничение прав личности // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 1. С. 6–9.

прокурору копий постановлений о продлении срока предварительного расследования выглядит, скорее, благим пожеланием⁸.

Изучение актов прокурорского реагирования показывает, что в них прокуроры дают оценку законности избрания подписки о невыезде и надлежащем поведении и продолжительности ее применения. Так, в требовании об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного расследования по уголовному делу, первый заместитель Уральского транспортного прокурора оценил избрание в качестве меры пресечения в отношении обвиняемого по ч. 2 ст. 145¹ УК РФ К. подписки о невыезде и надлежащем поведении как нарушение уголовно-процессуального закона. В требовании сказано: достаточных оснований полагать, что К. намерен скрыться от следствия, заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелям и иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным способом препятствовать производству по уголовному делу, у следствия не имеется. При принятии решения об избрании меры пресечения и возложении на К. обязанности находиться длительное время за пределами места постоянного проживания (мера пресечения избрана по месту временной регистрации К. и месту расследования дела в г. Челябинске, тогда как постоянно с семьей он проживает в Ростовской области), отмечает прокурор, следствием не принято во внимание состояние здоровья обвиняемого, в результате затронут конституционное право на жизнь и здоровье. Сославшись на ст. ст. 6 и 9 УПК РФ, прокурор расценил решение следователя об избрании меры пресечения как создающее опасность для жизни и здоровья обвиняемого К. В этом же требовании прокурором указано на нарушение разумного срока уголовного преследования (дело расследовалось более 10 месяцев), что необходимо принимать во внимание, оценивая законность меры пресечения⁹.

На наш взгляд, целесообразным является закрепление непосредственно в УПК РФ такого порядка, когда при любом продлении срока расследования в соответствующем постановлении должен решаться вопрос о сохранении или отмене (изменении) избранной по делу меры пресечения. Поскольку такое продление затрагивает интересы обвиняемого (и потерпевшего), то копия соответствующего процессуального решения должна направляться прокурору, что должно быть закреплено в ч. 8

⁸ Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия : приказ Генерального прокурора РФ от 17 сентября 2021 г. № 544. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Архив Уральской транспортной прокуратуры. Уголовное дело № 11702009804039483.

ст. 162 УПК РФ. Своевременное поступление в прокуратуру указанного решения позволит оценить его законность, а также законность продолжения применения меры пресечения.

Таким образом, полагаем, что отсутствие срока действия ряда мер пресечения не снимает с повестки дня проблемы необоснованно долгого их применения. В связи с этим предлагается распространить надзор прокурора на продление сроков предварительного следствия, обязав следователя направлять копию постановления о продлении срока следствия прокурору, а в самом постановлении обязательно приводить сведения о действующих (продолжающих действие) мерах процессуального принуждения.

А. Б. Судницын

Отход от гуманизации практики избрания меры пресечения в виде заключения под стражу или обеспечение надлежащего поведения обвиняемого?

Вступление в действие с 1 июля 2002 г. УПК РФ реализовало в общественном правовом регулировании ряд нововведений охранительной направленности, касающихся мер процессуального принуждения, в том числе меры пресечения в виде заключения под стражу.

Например, судебный порядок избрания обозначенной меры пресечения значительно сократил количество уголовно преследуемых лиц, помещаемых в следственный изолятор. Если в первой половине 2002 г. под стражу были заключены 142,7 тыс. лиц, то с июля по декабрь 2002 г. — 82,3 тыс. подозреваемых и обвиняемых (–42,3%)¹.

В дальнейшем нормы, касающиеся избрания и применения мер пресечения, продолжили динамично модифицироваться. За период действия УПК РФ глава 13 более 30 раз изменялась федеральными законами. Большинство нововведений, состоявшихся в 2009–2019 гг., касались меры пресечения в виде заключения под стражу. Среди них: ограничение случаев ее избрания в отношении лиц, обвиняемых в совершении отдельных преступлений (2009 г.); возможность изменения на более мягкую меру пресечения при выявлении у обвиняемого тяжелого заболевания (2010 г.); определение обстоятельств, препятствующих ее избранию (2011 г.); увеличение срока санкции за преступление, в котором обвиняется лицо, как условие ее избрания (2012 г.); усовершенствование порядка исчисления

¹ Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: монография. Омск, 2003. С. 3.

и продления срока ее применения на досудебной стадии уголовного судопроизводства (2018 г.); и др.²

Указанные обстоятельства демонстрируют, что защите личности, ее прав на свободу и личную неприкосновенность стало уделяться значительно больше внимания. Наметилась тенденция, как ранее заявил председатель Верховного Суда РФ В. Лебедев, не только к уменьшению общего числа заключенных под стражу лиц, но и к гуманизации судебной практики в целом³.

Стремясь обеспечить права и свободы личности, нельзя забывать о потребности в эффективном осуществлении уголовного судопроизводства. Между этими важнейшими интересами необходим баланс. Однако утверждать, что имеющаяся регламентация и сложившаяся практика обеспечивают надлежащее поведение обвиняемого (подозреваемого) во всех возможных случаях, к сожалению, не приходится.

Данный вывод подтверждается общим числом лиц, скрывшихся от органов расследования и объявленных в федеральный розыск (более 100 тыс. в год⁴), а также отдельными показательными примерами ненадлежащего поведения обвиняемых (подозреваемых), связанными с заменой меры пресечения в виде заключения под стражу на менее строгую⁵, неизбранием данной меры пресечения⁶ и другими подобными случаями.

² Судницын А. Б., Воронов Д. А. Законность и обоснованность избрания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу : учеб. пособие. Красноярск, 2020. С. 6–8.

³ Верховный Суд видит тенденцию к гуманизации судебной практики в России // Первый российский юридический портал. 2011. URL: http://pravo.ru/news/view/62686/?utm_source=twitter&utm_medium=cpc&utm_campaign=twitter_share (дата обращения: 15.03.2019).

⁴ Гаврилов Б. Я. Досудебное производство в XXI веке: современное состояние и перспективы совершенствования // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции : XVI междунар. науч.-практ. конф. (Кутафинские чтения). М., 2020. С. 136.

⁵ Так, обвиняемый в получении взятки, злоупотреблении должностными полномочиями и растрате, ущерб от совершения которых составил около 35 млн рублей, был задержан, ему избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. После почти годового нахождения в следственном изоляторе и замены меры пресечения на подписку о невыезде и надлежащем поведении обвиняемый скрылся, был объявлен в розыск. Позже местонахождение указанного лица было установлено: он выехал за пределы Российской Федерации и находится на территории США (Челябинский депутат сбежал от Следственного комитета в США. URL: <https://news.rambler.ru/other/42187096-chelyabinskiy-deputat-sbezhal-ot-sledstvennogo-komiteta-v-ssha/?updated> (дата обращения: 01.02.2022)).

⁶ Обвиняемый в мошенничестве, совершенном организованной группой в особо крупном размере, и в легализации денежных средств, приобретенных в результате

Кроме того, следует отметить, что уголовно-процессуальное законодательство и основывающаяся на нем правоприменительная практика охватывают далеко не все возможные случаи, встречающиеся в действительности. Так, дефицит сведений, подтверждающих наличие оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 97 УПК РФ, характерный для целого ряда ситуаций по тяжким и особо тяжким преступлениям на первоначальном этапе производства по уголовному делу, как правило, препятствует избранию меры пресечения в виде заключения под стражу.

В связи с этим предлагалось индивидуализировать избрание данной меры пресечения в зависимости от содеянного и его последствий, грозящего наказания, осознания указанных обстоятельств лицом, совершившим преступное деяние. А именно использовать сведения о тяжести обвинения и возможности назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок в качестве достаточных фактических данных, подтверждающих наличие основания, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу на первоначальном этапе производства по уголовному делу⁷.

В какой-то мере предложенная идея не согласуется с ранее обозначенной тенденцией к уменьшению заключенных под стражу лиц. Действительно, снижение числа таковых подтверждается сухим языком цифр: 2015 г. — 140,4 тыс., 2016 г. — 122,8 тыс., 2017 г. — 113,2 тыс., 2018 г. — 102,2 тыс., 2019 г. — 94,6 тыс., 2020 г. — 84,9 тыс.⁸

Вместе с тем реализация такого предложения позволяет усовершенствовать уголовно-процессуальное законодательство и правоприменительную практику до уровня, обеспечивающего адекватную, соразмерную, справедливую и одобряемую обществом ответную реакцию на преступные деяния, в том числе отличающиеся уникальностью обстоятельств.

совершения преступления (ст. 159, ч. 4 ст. 174¹ УК РФ), после задержания скрылся от следствия, был объявлен в федеральный розыск (Бывшего мэра подмосковной Истры А. Вихарева объявили в федеральный розыск, он скрылся от следствия после задержания. URL: https://tass.ru/proisshestiya/7096108?utm_source=meduza.io&utm_medium=referral&utm_campaign=meduza.io&utm_referrer=meduza.io (дата обращения: 01.02.2022)).

⁷ Судницын А. Б. Тяжесть обвинения (подозрения) и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок как фактические данные, подтверждающие основание избрания меры пресечения в виде заключения под стражу на первоначальном этапе расследования // Законодательство и практика. 2018. № 1(40). С. 46–50 ; и др.

⁸ Сводные статистические сведения о деятельности судов общей юрисдикции и мировых судей. URL: cdep.ru (дата обращения: 01.02.2022).

Однако не может быть и речи об обязательном заключении под стражу при производстве по всем уголовным делам. Использование указанной возможности не должно быть правилом, а, скорее, исключением из него.

Тем не менее возможностью избрания данной меры пресечения в условиях дефицита фактических данных на начальном этапе производства по уголовному делу должны располагать правоприменители. Это самым непосредственным и положительным образом сможет способствовать повышению эффективности досудебного производства, в том числе уменьшению количества лиц, скрывшихся от предварительного расследования.

Отслеживая соответствующую правоприменительную практику, обратим внимание, что предложенная идея находит отражение в постановлениях о возбуждении перед судом ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, постановлениях об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, апелляционных постановлений и т. д. Но если ранее это были единичные случаи (например, заключение под стражу фигурантов уголовных дел, связанных с пожаром в торгово-развлекательном центре «Зимняя вишня» (г. Кемерово), унесшим жизни 60 человек, из них 37 детей), то с некоторых пор реализация указанной возможности получает все большее распространение.

Так, в декабре 2021 г. в одном из районных судов г. Красноярск было отказано в удовлетворении ходатайства следователя об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения в виде заключения под стражу. Красноярский краевой суд, отменяя в апелляционном порядке решение районного суда, отметил следующее. Выводы суда о том, что следствием не представлено доказательств, подтверждающих то обстоятельство, что обвиняемый может скрыться от следствия и суда, а тяжесть преступления, вменяемого в вину А., не может служить основанием для избрания меры пресечения, прямо противоречат п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога», согласно которому, о том, что лицо может скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, на первоначальных этапах производства по уголовному делу могут свидетельствовать тяжесть предъявленного обвинения и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок⁹. Не обращая внимания на некоторые терминологические недостатки приведенного обоснования краевого суда, отметим, что его решение подтверждает состоятельность ранее предложенной логики рассуждений.

⁹ Информационное письмо Красноярского краевого суда от 21 декабря 2021 г.

Судя по распространенности и разнообразию случаев, подобных вышеприведенному (ч. 2 ст. 162 УК РФ¹⁰, ч. 3 ст. 158 УК РФ¹¹, ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ¹² и др.), намечается увеличение фактов заключения под стражу уголовно преследуемых лиц на первоначальных этапах производства по делу. По нашему мнению, эту практику следует поддержать. Безусловно, она должна являться не самоцелью, а действенным способом обеспечения надлежащего поведения обвиняемого (подозреваемого) в исключительных ситуациях. И при этом ограничение права на свободу лиц, обвиняемых (подозреваемых) в совершении преступления, не должно быть абсолютным.

Стремясь соблюсти баланс интересов, предлагаем предусмотреть некий «противовес», частично ограничивающий обозначенную возможность. А именно заключение под стражу на первоначальном этапе расследования по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, подтвержденному тяжестью обвинения, вменяемого в вину лицу, и возможностью назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок, допускается избирать на срок, не превышающий двух месяцев.

Уточним, на первоначальных этапах производства по делу рассматриваемые данные могут подтверждать указанное основание для избрания самой строгой меры пресечения. Однако в дальнейшем — по истечении двух месяцев — продление срока применения данной меры пресечения, т. е. выхода за временные рамки первоначального срока, с использованием исключительно тех же сведений недопустимо.

Следует констатировать, что сторона обвинения способна в течение двух месяцев применения меры пресечения собрать дополнительные фактические данные, фиксирующие наличие оснований (пп. 1–3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ), а также подтвердить необходимость продления срока содержания под стражей. В ином случае меру пресечения необходимо отменить (заменить).

¹⁰ Апелляционное постановление Саратовского областного суда № 22К-2931/2018 от 3 августа 2018 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6rOecJEPyXVw/> (дата обращения: 01.02.2022).

¹¹ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым № 22К-2478/2020 3/1-50/2020 от 26 августа 2020 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YPcSpxbUVQYx/> (дата обращения: 01.02.2022).

¹² Апелляционное постановление Орловского областного суда № 22К-299/2022 от 28 февраля 2022 г. URL: https://oblsud--orl.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_uid=ffa72553-c25c-4fa8-90e3-c11013992646&_deloId=1540006&_caseType=&_new=4&srv_num=1&_hideJudge=1 (дата обращения: 01.02.2022).

Таким образом, для продления срока содержания под стражей требуется дополнительно обосновать, что фактические данные, подтверждающие основания избрания меры пресечения, продолжают оставаться существенными, т. е. свидетельствующими о необходимости продолжения применения меры пресечения.

В связи с изложенным отметим, что обозначенная тенденция является не отходом от гуманизации судебной практики, а, скорее, выражением осознания необходимости эффективного обеспечения надлежащего поведения обвиняемого (подозреваемого). Предлагаемое усовершенствование процедуры избрания меры пресечения в виде заключения под стражу представляется не только соразмерным ответом современным преступлениям и их последствиям, но и рациональным, открытым, контролируемым вариантом ее избрания, способствующим обеспечению надлежащего поведения обвиняемого (подозреваемого) и реализации их прав.

С. С. Телигисова

К вопросу о сходстве и различии запрета определенных действий и домашнего ареста

Как известно, избрание судом определенных запретов, указанных в нормах отечественного уголовно-процессуального законодательства, является своеобразной альтернативой другим мерам пресечения.

Анализируя сходство между домашним арестом и запретом на определенные действия, в первую очередь следует отметить обязательность судебного решения при избрании данных мер. Примечательно, что подозреваемый и (или) обвиняемый подвергается судом всем или только отдельным запретам. Список заявленных запретов дублирует новеллы ч. 7 ст. 107 УПК РФ, относящиеся к домашнему аресту, с той лишь разницей, что если раньше суд при домашнем аресте мог по своему усмотрению наложить на преступника запреты, перечисленные в п. 3–5 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, то теперь эти запреты не являются следствием домашнего ареста, а воспринимаются самостоятельной мерой пресечения, нашедшей свою регламентацию в отдельной статье, и при этом не требуют глухого изолирования человека от общества.

Следует подчеркнуть, что запреты определенных действий нейтральнее, немного мягче по сравнению с домашним арестом, а значит, правоохранительным органам и суду необходимо обосновать свою

правовую позицию при их избрании и назначении, исходя из личности преступника, собранных и предоставленных на рассмотрение суда материалов.

В отличие от домашнего ареста, который первоначально избирается на два месяца и затем требует обязательного продления, предельный срок запрета определенных действий «градируется» в зависимости от тяжести совершенного преступного деяния и не может превышать: 12 месяцев — для преступлений небольшой и средней тяжести, 24 месяца — для тяжких преступлений, 36 месяцев — для преступлений из категории особо тяжких.

Разница между вышесравняемыми мерами заключается также и в том, что при выборе домашнего ареста подозреваемое лицо обязуется находиться в жилом доме, в котором оно законно проживает, иными словами, человек изолирован от общества. При выборе запретов по ст. 105¹ УПК РФ привлекаемое лицо обязано воздержаться от совершения каких-либо конкретных действий.

Запрет на определенные действия выступает как мера развития уголовно-процессуального законодательства в направлении процесса индивидуализации и гуманизации уголовной ответственности в отношении подозреваемого и обвиняемого согласно требованиям международных конвенций и принципов, позволяет избежать незаконного и необоснованного ущемления прав и свобод подозреваемых и обвиняемых*.

Если сравнивать контрольные функции относительно присутствия привлекаемого лица в месте исполнения домашнего ареста и в случае запрещения определенных действий, то нарушение человеком запретов очень часто носит латентный характер, потому что невозможно использовать специальные технические средства для контроля за выполнением этой превентивной меры.

Сходство данных мер заключается, во-первых, в том, что обе меры пресечения затрагивают конституционные права человека и, соответственно, требуют решения суда. Во-вторых, они связаны с мерами государственного принуждения. Домашний арест и запрет на определенные действия обязательны. Государство в лице своих должностных лиц и органов налагает на подозреваемого или обвиняемого определенные последствия в результате совершенных противоправных действий.

* Манова Н. С., Францифоров Ю. В. Уголовный процесс : учеб. пособие для вузов. 13-е изд., перераб. и доп. М., 2021. С. 143.

РАЗДЕЛ VI. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

М. Д. Алешина

Двадцать лет без телеологических амбиций: проблемы воплощения идеи неотвратимости наказания в УПК РФ

Наступивший год для Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации стал юбилейным. Кодексу исполнилось двадцать лет. Это возраст символический, возраст целого поколения. Поскольку автор статьи не так давно сам перешагнул эту возрастную отметку, ему захотелось одушевить законодательный акт и посмотреть на его возраст в личностном плане. Кому-то может показаться, что двадцать лет — по человеческим меркам возраст совсем небольшой, что это только веха, предшествующая вхождению в настоящую жизнь. Однако это сугубо статистический взгляд. В содержательном смысле за первые двадцать лет в жизни человека случается большинство значимых событий. К двадцати годам окончательно формируется характер, который, как известно, является главной предпосылкой судьбы.

Так обстоит дело и с УПК РФ. За эти двадцать лет он сформировал свой уникальный характер и наклонности, показал свои сомнительные привычки, в первую очередь пристрастие к переменам. А перемен этих было немало. Порой они были едва заметны, порой эффект перемен выходил за пределы уголовного процесса и оказывал мощное влияние на уголовную политику государства. Да и сам УПК РФ не закрывался от внешнего влияния, становясь местами весьма политизированным нормативным актом и инструментом реализации высоких государственных амбиций.

В ходе судебной реформы УПК РФ был призван стать примером эффективной и безупречной реализации основных конституционных прав и свобод человека и гражданина. Эта линия была обозначена для него

приоритетной. Кодекс был сконструирован так, чтобы каждый участник уголовного судопроизводства четко осознавал свой статус и статус государственных органов, ведущих уголовный процесс¹, чтобы как можно реже возникали частные ситуации, не имеющие подходящего нормативного процедурного решения. К сожалению, двадцати лет УПК РФ не хватило, чтобы полностью решить эту задачу. Впрочем, и вопрос о том, насколько активно Кодекс собирался решать ее, остается открытым. С задачами и целями у УПК РФ, на наш взгляд, отношения складываются парадоксальным образом. Дело в том, что УПК РФ слишком скромнен в вопросах целеполагания и за двадцать лет так и не смог избавиться от этой черты.

Сильный кодекс — это кодекс амбициозный, ставящий себе задачи на грани чуда. И в связи с этим хотелось бы обратить внимание на реализацию задач и принципов, на которых основан УПК РФ. Его прообразом во многом послужил УПК РСФСР. Многие нормы, особенно Общей части, были практически скопированы и перенесены в УПК РФ. Однако антикриминальный дух, присущий советскому кодексу, был в значительной части утрачен. По этой причине много вопросов возникает по поводу амбициозности задач судопроизводства, провозглашаемых УПК РФ. И не случайно мы выбрали именно эту тему к юбилею Уголовно-процессуального кодекса и в связи с этим упомянули УПК РСФСР.

В первую очередь хотелось бы разобраться, намеренно ли законодатель допустил оплошность в целеполагании, и ответить на вопрос о том, почему о приверженности УПК РФ принципу неотвратимости ответственности сегодня стоит только догадываться по нормативным намекам, почему даже спустя двадцать лет об этом принципе приходится рассуждать больше в рамках теории, а не правотворчества и правоприменения. Возможно, дело в том, что УПК РФ является одним из самых политизированных нормативных актов, напрямую зависимым от проводимых в государстве реформ и политических приоритетов. Он все еще находится в рамках объявленной двадцать лет назад установки на широкую демократизацию уголовного судопроизводства. Но прошедшие десятилетия заставляют задуматься о том, правильно ли был понят смысл данной установки в контексте норм УПК РФ и насколько верно он реализован в формулировках назначения уголовного

¹ Яковлева Л. В. Проблемы практической реализации современных изменений в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. №. 4(30). С. 167–171.

судопроизводства (ст. 6 УПК РФ). По нашему мнению, вместе с отказом от ценностей Советского государства, помеченных меткой тоталитарности, законодатель решил отказаться от важнейших установок юриспруденции, в частности, от установки, что уголовный процесс является важнейшим средством борьбы с преступностью. Вслед за этим неминуемо последовал и нормативный отказ от телеологических амбиций. Эхо принципа неотвратимости ответственности уже больше не звучало в формулировках задач процесса, подобно тому, как это было в ст. 2 УПК РСФСР.

Мы считаем, что судопроизводство как важнейший вид государственной деятельности должно быть идеологическим и методологическим выражением концепции неотвратимости наказания. Именно через отношение к этой ключевой идее государство показывает состоятельность собственных властных амбиций, направленных на борьбу с преступностью². Инструменты реализации идеи неотвратимости ответственности проглядывают через явные и скрытые процедуры, которые отражаются в нормах УПК РФ. Перспективное развитие кодекса предполагает наличие выверенной и продуманной антикриминальной стратегии, которая функционировала бы на постоянной основе.

Законодателя не должно смущать, что полная реализация принципа неотвратимости ответственности пока выглядит лишь как утопия. Тем не менее это утопия созидательная. Юридическая наука должна стремиться к идеальной модели уголовного судопроизводства, находить для него возвышенные цели, в которых бы полностью реализовались телеологические амбиции. По этой причине нам так интересен телеологический анализ УПК РСФСР и УПК РФ.

Поиск и нормативное формулирование амбиций государства в сфере уголовного процесса — это высшая цель, на которую должен быть направлен научный и законодательный потенциал. И здесь нужно понять, что идея неотвратимости ответственности — это принцип, без которого невозможно представить цель судопроизводства. Государство, естественно, не должно осуществлять роль карательной машины, но обязано отстаивать права тех лиц, которые оказались потерпевшими от преступления³. Ключевая функция государственных органов должна быть четко обозначена, в том числе и в УПК РФ. В свое время

² Конев А. Н. Идеологические основы современного уголовного судопроизводства России. М., 2021. С. 77.

³ Поляков М. П., Алешина М. Д. Телеологические амбиции уголовного процесса // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. №. 2(54). С. 100.

в УПК РСФСР была четко обозначена позиция государства по отношению к преступному деянию. И для этого были подобраны правильные слова: «Быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден». Эти слова выражали телеологические амбиции в чистом виде.

Советское государство в лице правоохранительных органов ставило для себя высокую планку, заложенную в букве закона. Российское законодательство, напротив, по нашему мнению, намеренно занижает статус и важность телеологических амбиций. Подтверждением этого является ст. 6 УПК РФ, где так расплывчато формулируются задачи уголовного судопроизводства. Об амбициозности предложенных формулировок вообще речи не идет. Законодательная техника четкого выражения телеологических амбиций за двадцать лет так и не проявила себя. Это, несомненно, печальный факт в истории УПК РФ. К целеполаганию можно относиться по-разному, однако цели не должны быть чрезмерно скромными, не содержащими концепта мечты и народных ожиданий. Принцип неотвратимости ответственности как раз и является выражением глубинных общественных чаяний в области борьбы с преступностью.

Полагаем, что в грядущие годы УПК РФ должен максимально проявить свою амбициозность. Законодателю стоит пересмотреть свой подход к целеполаганию, разрешить ему развиваться в нужном направлении, которое профессор В. Т. Томин назвал «юридическим чудом»⁴. Идея неотвратимости ответственности не должна исчезнуть и потерять свой стратегический потенциал, какие бы основания в пользу отказа от этой идеи ни приводились. Представителям юридической науки нужно как можно быстрее привести УПК РФ к форме полноценной реализации идеи неотвратимости ответственности. Первый шаг в этом направлении возможно сделать с помощью законодательных перемен, которые придут ст. 6 УПК РФ амбициозность по образу и подобию ст. 2 УПК РСФСР. И пусть следующие двадцать лет УПК РФ будут эрой яркой реализации телеологических амбиций.

⁴ Томин В. Т. Острые углы уголовного судопроизводства. М., 1991. С. 12.

С. В. Аникушин

Реализация общеправового принципа возможности восстановления и защиты прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве

Закрепление в законодательном акте того или иного права или свободы человека и гражданина далеко не всегда является безусловной гарантией их реализации, поскольку в юридической практике довольно часто возникают различные препятствия для осуществления и нарушения прав и свобод со стороны различных субъектов права, в том числе должностных лиц государственных органов. В подобных случаях государство должно обеспечить защиту и восстановление нарушенных прав и свобод граждан.

Действующая в Российской Федерации система правового регулирования предусматривает возможность восстановления и защиты человеком своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом. Принцип возможности восстановления и защиты прав и свобод человека и гражданина как источник права находит свое выражение в ст. ст. 45, 46 Конституции Российской Федерации.

Следует отметить, что в Российском государстве вопросами защиты прав и свобод граждан в той или иной мере занимаются государственные органы всех трех ветвей власти, для этого также созданы специальные учреждения и институты.

Оценивая роль и степень значимости института восстановления и защиты прав и свобод человека для развития современного государства и реализации принципов права, следует согласиться с мнением Т. В. Яловенко, что для правовой системы современной России, ориентирующейся в своем развитии на высокие гуманистические стандарты, задача формирования эффективных инструментов и технологий защиты прав и свобод личности, а также законных интересов общества и государства была и остается одной из наиболее актуальных и социально чувствительных¹.

Развитие Российского государства предполагает повышение эффективности системы восстановления и защиты прав и свобод человека и гражданина путем установления соответствующих юридических гарантий и процедур, что предполагает необходимость исследования роли принципа восстановления и защиты прав и свобод в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации.

¹ Яловенко Т. В. Правоприменительная деятельность в правозащитной системе современного государства (вопросы теории) : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2015. С. 3.

Реализация общеправового принципа возможности восстановления и защиты прав и свобод человека и гражданина, а также конституционного права на судебную защиту находит выражение в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, закрепляя, в частности, в ст. 19 УПК РФ право на обжалование решений и действий (бездействия) суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя (ч. 1).

Кроме того, в ч. 2 ст. 19 УПК РФ закрепляется право осужденного на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном главами 45¹, 47¹, 48¹ и 49 УПК РФ. Реализация в нормах уголовно-процессуального права Российской Федерации названного общеправового принципа направлена на выражение права заинтересованных лиц добиваться исправления ошибок, допущенных в ходе производства по уголовным делам, путем процессуальной проверки вышестоящими судами законности и обоснованности приговоров, определений и постановлений, принимаемых нижестоящими судебными инстанциями².

В контексте исследования общеправового принципа возможности восстановления и защиты прав и свобод человека и гражданина важно также отметить, что в Российской Федерации признается недопустимым право на судебное обжалование действий и решений, затрагивающих права и законные интересы граждан, на том лишь основании, что эти граждане не были признаны в установленном законом порядке участниками производства по уголовному делу.

Таким образом, общеправовой принцип возможности восстановления и защиты прав и свобод человека и гражданина находит свое выражение в ст. 19 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, закрепляя право на обжалование решений и действий (бездействия) суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя (ч. 1 ст. 19 УПК РФ), а также право осужденного на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном главами 45¹, 47¹, 48¹ и 49 УПК РФ (ч. 2 ст. 19 УПК РФ).

² По жалобе гражданки Семеновой Лилии Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 354 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 января 2004 г. № 119-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2004. № 5.

В. Н. Гапонова, И. П. Попова

Реализация прав участников уголовного судопроизводства со стороны защиты в стадии возбуждения уголовного дела

Характерной чертой уголовного судопроизводства является хаотичность вносимых законодателем изменений. В указанном аспекте проблематика оптимизации уголовно-процессуальной деятельности на начальных этапах производства по уголовному делу не случайно вызывает активную дискуссию в юридическом сообществе¹. Очевидно, что от эффективности деятельности лиц, обладающих властными полномочиями, зависит не просто соблюдение процессуальных и разумных сроков уголовного судопроизводства, а обеспечение доступа к правосудию и защите прав и законных интересов всех участников уголовного процесса. Более того, уже на стадии возбуждения уголовного дела могут возникнуть такие участники уголовно-процессуальных отношений, чей статус не определен в уголовно-процессуальном законе, но их права и законные интересы затронуты преступлением и требуют защиты.

Участники со стороны защиты вступают в производство по уголовному делу, как правило, вне своей инициативы. Обеспечение их прав должно осуществляться в ходе уголовно-процессуальной деятельности властными участниками уголовно-процессуальных правоотношений наряду с правами потерпевших. Вместе с тем следует признать, что процессуальный статус участников уголовного судопроизводства со стороны защиты не позволяет им каким-либо образом влиять на ход расследования. Действие принципа состязательности распространяется и на досудебные стадии производства по уголовному делу. Однако очевидно, что реализация принципа состязательности сторон в судебном разбирательстве с полномочиями суда по разрешению уголовного дела не равна реализации этого принципа в досудебном производстве при наличии у суда контрольно-разрешительных полномочий. Представляется, что на стадии возбуждения уголовного дела именно сочетанное действие принципов состязательности сторон и обеспечения права на защиту должно стать гарантом для участников уголовного судопроизводства со стороны защиты.

¹ Гаврилов Б. Я. Роль института возбуждения уголовного дела в обеспечении прав потерпевших на их доступ правосудию // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 2(31). С. 19–27; Кашиanova Ф. М., Исаева Р. М. Стадия возбуждения уголовного дела: проблемы и перспективы существования // Право: ретроспектива и перспектива. 2021. № 4(8). С. 48–53.

Сторона защиты представлена в главе 7 УПК РФ и включает подозреваемого, обвиняемого, их законных представителей в случае несовершеннолетия защитника, гражданского ответчика и его представителя. Рассмотрение круга участников со стороны защиты на стадии возбуждения уголовного дела демонстрирует, что из указанных лиц в какой-то степени могут принимать в ней участие лишь защитники и лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, чьи интересы представляет адвокат. Реформирование стадии возбуждения уголовного дела обозначило потребность в обеспечении надлежащих гарантий тем лицам, в отношении которых еще не инициировано уголовное преследование, но уже проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ. Расширение процессуальных средств на этапе проверки сообщения о преступлении потребовало от законодателя обеспечивать реализацию прав лиц, в отношении которых таковая осуществляется. Так, Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ были существенно расширены полномочия стороны обвинения при рассмотрении сообщений о преступлениях, в том числе в части производства следственных действий², с одновременным разъяснением прав и обязанностей тем, чьи интересы затрагиваются осуществляемой проверкой.

Бесспорно, что данная норма нацелена на защиту от необоснованного обвинения, ограничения прав и свобод еще до начала расследования. Вместе с тем отсутствие в законе пределов проверочных мероприятий, круга лиц, правомочных присутствовать при их проведении, нивелирует провозглашенные гарантии. Закономерные вопросы как механизма реализации прав участников проверки со стороны защиты, так и механизмов, исключающих злоупотребление правами, позволяют действовать правоприменителю по своему усмотрению. При наличии соответствующих процессуальных гарантий усмотрения никакой крамолы в этом нет, однако размытость границ усмотрения субъектов, наделенных полномочиями по проведению проверки, может ставить под угрозу права и законные интересы других участников данного этапа производства по делу.

Изначально в уголовно-процессуальном законе не регламентировано, каким образом лицо должно быть уведомлено, что в отношении него ведутся проверочные мероприятия, чтобы это лицо могло использовать незапрещенные способы защиты, по сути, от уже имеющегося подозрения. Понятие уголовного преследования, отраженное законодателем в п. 55 ст. 5

² О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 9, ст. 875.

УПК РФ как процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, не охватывает проверку сообщения в отношении конкретного лица, тогда как таковая может осуществляться. Участие защитника уголовно-процессуальным законом предусмотрено с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ (п. 6 ст. 49 УПК РФ), т. е. подозреваемого с соответствующим процессуальным статусом еще нет, но уже есть подозрение и осуществляется уголовное преследование.

Еще большему риску подвергаются права несовершеннолетних, в отношении которых осуществляется проверка сообщения о преступлении в стадии возбуждения уголовного дела, так как ст. 426 УПК РФ предусмотрено, что законные представители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого допускаются к участию в уголовном деле только на основании постановления следователя, дознавателя с момента первого допроса несовершеннолетнего в качестве подозреваемого или обвиняемого.

И. В. Смолькова обоснованно рассматривает подозрение как единственный институт, на основе которого должно формулироваться понятие подозреваемого, как деятельность изобличительного характера, направленную на установление оснований вовлечения лица в уголовное судопроизводство в качестве подозреваемого³.

Такие наименования данного участника уголовно-процессуальных правоотношений, как «заподозренное лицо»⁴, «проверяющееся лицо», встречающиеся в научной литературе, не отражают содержания той деятельности, которая проводится на этапе проверки сообщения о преступлении, а между тем при ее осуществлении применяются не только познавательные, но и процессуальные средства, результатом которых могут быть доказательства, используемые при разрешении уголовного дела по существу. Следовательно, участники со стороны защиты в рамках гарантий принципов уголовного судопроизводства должны наделяться конкретными правовыми средствами для реализации прав и законных интересов уже на первоначальном этапе производства по уголовному делу.

Затянувшаяся доследственная проверка сообщения о преступлении, вынесение процессуальных решений, которые в последующем отменя-

³ Смолькова И. В. Подозреваемый и его процессуальное положение в российском уголовном судопроизводстве. М., 2020. С. 67.

⁴ Миллер В. Ю. Оптимизация правовой организации стадии возбуждения уголовного дела: доктрина, практика, техника. М., 2021. С. 155.

ются, давая возможность продлять срок проверки вновь при отсутствии достаточных данных к возбуждению уголовного дела, усугубляют правовое положение участников со стороны защиты с неопределенным правовым статусом. В таких условиях, с одной стороны, не может быть и речи о полноценной эффективной защите прав участников уголовного судопроизводства, с другой — не обеспечиваются и защита интересов пострадавших от преступления, доступ их к правосудию.

Как верно отмечает И. В. Овсянников, доследственная проверка стала почти легальной формой осуществления доследственного уголовного преследования граждан, а преследуемым лицам не обеспечиваются возможности для полноценной защиты⁵.

Современные тенденции локальных изменений уголовно-процессуального закона с характерной для последних лет формализацией уголовно-процессуальной деятельности при озвученном стремлении к достижению назначения уголовного судопроизводства не создали, к сожалению, эффективного механизма защиты прав и законных интересов на стадии возбуждения уголовного дела. Выступая в уголовно-процессуальных правоотношениях в качестве субъекта, лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, еще не становится участником уголовного судопроизводства. Вместе с тем для реализации права на защиту требуется обретение процессуального статуса, так как характер осуществляемых процессуальных действий свидетельствует о таковом. К ключевым правам следует отнести право пользоваться помощью защитника и право не свидетельствовать против себя самого и близких родственников в силу ст. 51 Конституции РФ.

Следует поддержать предложения о необходимости включения в содержание ст. 46 УПК РФ нормы, предусматривающей возможность признания лица подозреваемым в случаях, когда в отношении него осуществляются действия, затрагивающие права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления, до возбуждения уголовного дела⁶. Одновременно следует внести соответствующие изменения и в ст. 426 УПК РФ об участии законного представителя с момента признания несовершеннолетнего подозреваемым. Представляется, что признание подозреваемым до возбуждения уголовного дела позволит на более раннем этапе производства по делу обеспечить реализацию прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства со стороны защиты.

⁵ Овсянников И. В. Проблемы начального этапа досудебного производства. М., 2020. С. 139.

⁶ Пономаренко С. И. Возбуждение уголовного дела и состязательность сторон // Наука и мир. 2015. № 10-1(26). С. 176–178.

Итоги и перспективы реформирования системы судебных решений в УПК РФ

Два десятилетия прошло со дня принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ). Многие его положения существенно отличаются от традиционных основ ранее сложившегося отечественного уголовного процесса. Новый кодифицированный акт неоднозначно был принят практиками и научным сообществом¹, ведь большинство уголовно-процессуальных институтов, в том числе положительно зарекомендовавших себя на практике, подверглись реформированию. При этом некоторые небесспорные положения ранее действующего уголовно-процессуального закона сохранены. Доктринальная критика и на сегодняшний день продолжает подпитываться многочисленными изменениями и дополнениями его текста. Не остались незабытыми и каноны построения системы судебных решений, несмотря на фундаментальность и особую значимость данной категории и ее влияние на стабильность правового регулирования. Подвергнем в связи с этим научному осмыслению основные направления и отдельные результаты реформирования уголовно-процессуального законодательства о судебных решениях.

С момента принятия и до настоящего времени в УПК РФ отсутствует относящийся к избранной теме логически выстроенный категориальный аппарат. В частности, приведенное в п. 53¹ ст. 5 определение судебного решения не раскрывает его сущности и правовой природы как акта применения права, содержит лишь перечисление их разновидностей. В пунктах 23 и 25 ст. 5 сохранилось не вполне оправданное деление решений на определения и постановления в зависимости от состава суда, которое нехарактерно для других видов судопроизводств и не обусловлено отраслевой спецификой.

Нормы о судебных решениях институционально не обособлены в тексте УПК РФ. Отметим, что при разработке действующего УПК РФ законодателем не был в полной мере учтен опыт применения УПК РСФСР 1960 г. и разработанные научным сообществом на его основе альтернативные проекты. В частности, подготовленная коллективом авторов под руководством В. М. Савицкого теоретическая модель уголовно-

¹ См., напр.: Азаров В. А. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: двойные стандарты в установлении истины? // Вестник Томского государственного университета. Серия «Экономика». Юридические науки. 2003. № 4. С. 14–15; Кальницкий В. В. УПК РФ не обеспечивает процессуальную независимость суда // Кальницкий В. В. Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства: избранные труды. Омск, 2016. С. 36–41.

процессуального законодательства² вполне обоснованно включала главу «Процессуальные решения», комплексно регулирующую различные аспекты принятия процессуальных решений, в том числе судебных.

Следующим результатом реформы является деление решений суда на итоговые и промежуточные, обусловленное дифференциацией порядка их обжалования³. В тексте закона вследствие этого появился неоднозначный термин «промежуточное судебное решение». Определение данного понятия в п. 53¹ УПК РФ построено по остаточному принципу («судебные решения, которые не являются итоговыми»), что явно не соответствует правилам формальной логики, поскольку определение положительных понятий не должно строиться на отрицании⁴. В связи с наличием подобной дефиниции к числу промежуточных отнесены решения, которые таковыми не являются, например решения, вынесенные при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора⁵. Некоторые исследователи называют их «промежуточными в широком смысле слова»⁶. Крупнейший исследователь теории процессуальных решений П. А. Лупинская использовала при их сопоставлении более уместную терминологию: основные и вспомогательные⁷. И все же полагаем правильным согласиться с отсутствием необходимости внесения в УПК РФ классификации судебных решений (к слову, решения следователя и прокурора в тексте закона аналогичным образом не делятся), поскольку разграничить порядок их обжалования можно путем корректировки терминологии и, как отмечает Л. В. Головкин, восстановления существовавшей ранее концепции частного обжалования⁸.

Нельзя обойти вниманием итоги реформирования системы судебных решений, обусловленные введением в УПК РФ неординарных (преимуще-

² Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и РСФСР. Теоретическая модель / под ред. В. М. Савицкого. М., 1990. 317 с.

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) РФ: федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ // Рос. газета. 2010. 31 дек.

⁴ Подробнее об этом см.: Азаров В. А., Константинова В. А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам: монография. М., 2013. С. 71.

⁵ Там же. 72.

⁶ Червоткин А. С. Промежуточные судебные решения в уголовном судопроизводстве: монография. М., 2019. С. 23.

⁷ См., напр.: Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М., 2010. С. 45–46.

⁸ Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Головкин. М., 2016. С. 1080–1084.

ственно упрощенных) форм судебных производств. В частности, дифференциация процедуры судебного разбирательства влечет трансформацию системы, содержания, значения и свойств судебных решений, в связи с чем отмечается несколько тенденций: 1) появление специфических разновидностей промежуточных решений, существующих исключительно в рамках соответствующего производства (например, «обрамляющих» переходные процедуры); 2) исчезновение или существенное сокращение количества отдельных промежуточных решений (например, направленных на собирание и исследование доказательств, а также обусловленных спецификой субъектного состава неординарных производств); 3) изменение содержания и свойств некоторых итоговых и промежуточных решений (например, изменение классического подхода к обоснованности обвинительного приговора или наличие нехарактерной для принятия промежуточных решений комплексной оценки доказательств при вынесении постановления о назначении судебного заседания в особом порядке) и др.

При этом законодатель не уделяет достаточного внимания регулированию системы решений, в том числе дифференцированных производств. Нормы о судебных решениях настолько разбросаны по тексту УПК РФ, что встречаются даже в разделе VIII «Предварительное расследование» части II «Досудебное производство» (ст. ст. 226², 226³, 226⁹ гл. 32¹ «Дознание в сокращенной форме»). Попытки восполнить имеющиеся в тексте закона пробелы предпринимает Пленум Верховного Суда РФ, что является вынужденной мерой. Как следствие, на практике некоторые решения принимаются исключительно в связи с разъяснениями, основанными на расширительном толковании норм уголовно-процессуального закона. В качестве примера можно привести решение о прекращении предусмотренного гл. 40¹ УПК РФ порядка судебного разбирательства и продолжении рассмотрения дела в порядке гл. 40, которое не предусмотрено УПК РФ, на возможность его вынесения ориентирует лишь п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве»⁹. Аналогичная ситуация имеет место и в других постановлениях Пленума Верховного Суда РФ¹⁰.

⁹ Рос. газета. 2012. 11 июля.

¹⁰ О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 // Рос. газета. 2009. 18 февр. ; О практике применения судами законодательства об исполнении приговора : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 // Там же. 2011. 30 дек.

Осмысление описанных направлений и результатов реформирования системы судебных решений в УПК РФ приводит к выводу о необходимости совершенствования уголовно-процессуального закона. В связи с этим можно предложить закрепление легальной дефиниции, раскрывающей сущность судебного решения как акта применения права; отказ от деления судебных решений на итоговые и промежуточные, на определения и постановления в зависимости от состава суда; формальное определение системы судебных решений, в том числе в дифференцированных производствах; институциональное обособление норм о судебных решениях в тексте УПК РФ.

В. Н. Маринина

О понятии законных представителей несовершеннолетних в уголовном процессе

Правовое положение несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых) в уголовном процессе диктует необходимость регламентировать особые правила работы с ними, обеспечивая их интересы посредством института законного представительства. Участие законных представителей помогает установлению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, «полному исследованию фактических сведений, подлежащих доказыванию по уголовному делу»¹. По постановлению следователя (дознателя) законные представители привлекаются к обязательному участию в деле с момента первого допроса несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) и гарантируют реализацию их прав в отношениях с любыми лицами без специальных полномочий.

Перечень законных представителей несовершеннолетнего, указанный в п. 12 ст. 5 УПК РФ, является закрытым: ими могут быть «родители, усыновители, опекуны или попечители, представители учреждений или организаций, на попечении которых он находится, органы опеки и попечительства». Однако на практике встречаются случаи допуска и иных лиц в качестве таковых, в связи с чем возникает необходимость трактовки понятия «законный представитель» в сфере уголовного судопроизводства.

Стоит отметить, что в случае смерти родителей (усыновителей) опека устанавливается над малолетними детьми, т. е. не достигшими 14 лет или признанными судом недееспособными вследствие психического раз-

¹ Актуальные проблемы реализации уголовной ответственности и обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве : монография / под ред. В. Н. Троневой. Волгоград, 2019. С. 85.

вития², а попечительство — над детьми в возрасте от 14 до 18 лет³. При достижении лицом 18-летнего возраста их полномочия прекращаются. Поэтому не всегда представляется корректным использование термина «опекун» в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых), в силу того что минимальная возрастная планка для субъекта преступления — 14 лет. Полагаю, что, расширительно толкуя положения ч. 3 ст. 20 Уголовного кодекса РФ, можно констатировать, что опекун может быть назначен в случае, когда несовершеннолетний достиг 14 лет, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не мог во время совершения преступления в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Поэтому далее мы будем использовать термин «попечитель».

Согласно ч. 3 ст. 31 и ст. 121 Гражданского кодекса РФ попечительство устанавливается при отсутствии у несовершеннолетних родителей, усыновителей, лишении судом или ограничении родительских прав, при признании родителей недееспособными, в случаях болезни родителей, длительного их отсутствия, при отказе взять детей из образовательных, медицинских и иных организаций, оказывающих социальные услуги, при создании условий, представляющих угрозу жизни и здоровью детей или препятствующих их нормальному воспитанию и развитию, а также в иных случаях отсутствия родительского попечения (если родители уклоняются от воспитания либо защиты прав детей).

Родители могут подать в орган опеки и попечительства заявление о назначении ребенку попечителя на период, когда по уважительным причинам они не смогут исполнять свои обязанности, с указанием конкретного лица и срока действия его полномочий⁴.

Примечательно, что попечитель назначается только с его согласия. Орган опеки передает ему подростка по договору об осуществлении попечительства, о приемной или патронатной семье.

К личности попечителя ГК РФ (п. 2 ст. 35), помимо общих требований о совершеннолетии и дееспособности, предъявляет и иные: он не может быть лишен родительских прав, иметь судимость за умышленное пре-

² Пункт 2 ст. 145 Семейного кодекса РФ, п. 1 ст. 32 Гражданского кодекса РФ, п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об опеке и попечительстве».

³ Пункт 2 ст. 145 Семейного кодекса РФ, п. 1 ст. 33 Гражданского кодекса РФ, п. 2 ст. 2 Федерального закона «Об опеке и попечительстве».

⁴ *Об опеке и попечительстве*: федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ // Рос. газета 2008. 30 апр.

ступление против жизни и здоровья. В части 1 ст. 146 Семейный кодекс РФ дополняет требования: попечителями не могут быть назначены лица, имеющие или имевшие судимость, подвергающиеся или подвергавшиеся уголовному преследованию за преступления против свободы, чести и достоинства личности, половой неприкосновенности и половой свободы, против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности, общественной безопасности, мира и безопасности человечества, а также лица, имеющие неснятую или непогашенную судимость за тяжкие или особо тяжкие преступления. Закон запрещает назначать попечителями лиц одного пола, состоящих в браке, или не зарегистрированных граждан того государства, в котором такой брак разрешен. При назначении попечителем учитываются нравственные и иные личные качества лица, его способность к выполнению обязанностей, существующие отношения между ним и несовершеннолетним, отношение к ребенку членов его семьи, а при возможности — желание самого подростка.

Органы опеки и попечительства запрашивают от кандидата в попечители справку с места работы с указанием должности и размера средней заработной платы за последние 12 месяцев (для пенсионеров — копию пенсионного удостоверения), медицинское заключение о состоянии здоровья по результатам медицинского освидетельствования, копию свидетельства о браке, письменное согласие совершеннолетних членов семьи с учетом мнения детей, достигших 10-летнего возраста, на совместное проживание, а также автобиографию. Органы опеки могут получить выписки о праве на жилое помещение и финансовом счете с места жительства, о соответствии жилых помещений санитарным и техническим правилам и нормам и запросить иную информацию, предусмотренную постановлением Правительства РФ⁵. Если в течение месяца лицу, нуждающемуся в установлении над ним попечительства, не назначен попечитель, эти обязанности временно возлагаются на орган опеки и попечительства.

Дедушки, бабушки, совершеннолетние братья и сестры имеют преимущественное право быть попечителями и подают документы, подтверждающие родство. Обязанности законных представителей в уголовном судопроизводстве по постановлению следователя (дознателя) могут осуществлять и иные родственники.

Привлечение в качестве законного представителя лица, которое в силу закона не может им быть, является основанием для возвращения

⁵ Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан : постановление Правительства РФ от 18 мая 2009 г. № 423 // Рос. газета. 2009. 27 мая.

уголовного дела прокурору. Так, по постановлению судьи Тракторозаводского районного суда г. Волгограда уголовное дело в отношении несовершеннолетних Б. и С., обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ, было возвращено прокурору в связи с тем, что в качестве законного представителя С. к участию в деле был привлечен его дедушка Ю., хотя подросток имеет родителей, не лишенных родительских прав, и проживает вместе с матерью⁶.

Стоит отметить, что неверно отождествлять законных представителей и представителей. Так, статья 72 УПК РФ содержит обстоятельства, исключающие участие в производстве по уголовному делу представителей потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика. В этой статье не идет речи о законных представителях, поэтому на них правила об отводах не распространяются. Например, в случае совершения лицом преступления в отношении несовершеннолетнего брата (сестры) мать или отец потерпевшего могут выступить законными представителями, несмотря на то что они являются близкими родственниками подозреваемого (обвиняемого), законные интересы которого противоречат законным интересам потерпевшего.

Поскольку законный представитель представляет интересы несовершеннолетнего, он может быть отстранен от участия в уголовном деле на основании ч. 4 ст. 426 УПК РФ по постановлению следователя (дознателя) или суда, если есть основания полагать, что его действия могут нарушить права и нанести ущерб интересам подростка. В этом случае принимаются меры к назначению нового представителя. Изучение судебной практики Волгоградской области за 2019–2020 гг. показало, что случаи отстранения законного представителя от участия в рассмотрении уголовного дела отсутствовали, однако имели место случаи замены участвующего в деле представителя несовершеннолетнего подсудимого ввиду невозможности его явки в судебное заседание.

Подводя итог, отметим, что закон предусмотрел ограниченный перечень лиц, которые могут выступать в качестве законных представителей несовершеннолетних. Как видим, термин «законный» задается не нормами уголовно-процессуального закона, а нормами гражданского и семейного законодательства. Иначе говоря, УПК РФ в части определения понятия «законный представитель» основывается на положениях указанных отраслей законодательства.

⁶ Обобщение практики рассмотрения судами Волгоградской области уголовных дел в отношении несовершеннолетних за 2019 г. и 1-е полугодие 2020 г. URL: http://oblsud.vol.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=1011 (дата обращения: 22.02.2022).

А. В. Миронова, Ю. С. Мандрыка

Организационные и психологические аспекты допроса несовершеннолетних (участие педагога и психолога)

На сегодняшний день проблема преступности несовершеннолетних в Российской Федерации считается одной из серьезнейших. Согласно показателям Генеральной прокуратуры РФ, с января по ноябрь 2021 г. расследовано 90 088 тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними (за аналогичный период 2020 г. — 85 946)¹. Преступность несовершеннолетних характеризуется общественной опасностью и в последние годы имеет тенденцию к росту, в то же время несовершеннолетние не обладают еще такими познаниями, навыками, психологической стабильностью, как взрослые, поэтому должным образом не могут представлять самостоятельно право на защиту своих законных интересов.

Первое, что необходимо учитывать лицу, в производстве которого находится уголовное дело, проводящему допрос с участием несовершеннолетнего, это типологические особенности психологии ребенка с учетом его процессуального положения по конкретному делу. Так, несовершеннолетний свидетель старается уловить модель поведения следователя и «угодить» ему своими показаниями, что искажает их объективность. Несовершеннолетний потерпевший, учитывая склонность к юношескому максимализму, стремится умышленно преувеличить угрожавшую ему опасность. Дошкольникам и детям младшего школьного возраста свойственны внушаемость, стремление к фантазированию².

Эффективным результатам допроса способствует тщательная подготовка. Так, В. Л. Васильев считает, что следователь должен иметь базовые представления о психологических особенностях несовершеннолетнего, особенно малолетнего. Именно исходя из таких особенностей, нужно выбирать тактические приемы как для допроса, так и для проведения иных следственных действий³. Прежде всего, считает В. Л. Васильев, необходимо прибегнуть, с одной стороны, к безотлагательности выбранного действия, с другой — к учету психоэмоционального состояния ребенка.

¹ Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_map, свободный (дата обращения: 12.01.2022).

² Мищенко О. В. Тактические особенности проведения допроса несовершеннолетних // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2015. № 3-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/takticheskie-osobennosti-provedeniya-doprosa-nesovershennoletnih> (дата обращения: 12.01.2022).

³ Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 12.01.2022).

Немаловажным организационным аспектом в тактике проведения допроса с участием несовершеннолетних является возможность применения должностным лицом эффективных средств для получения необходимой информации. В качестве подобного средства можно рассматривать помещение, оборудованное зеркалом Гезелла. Оно представляет собой стекло, выглядящее как зеркало со стороны основного помещения, с другой стороны это затемненное стекло, через которое можно наблюдать картину происходящего. Проводя допрос с участием ребенка в помещении, оборудованном таким средством, можно наблюдать за всеми реакциями, мимикой несовершеннолетнего, не смущая его, не давая поводов к «искусственному» поведению. В качестве наблюдателя может выступать детский психолог, а может и следователь наблюдать за неприкрытой беседой ребенка и психолога, получая из увиденного и услышанного нужные для расследования сведения.

Далее остановимся на организационно-тактических аспектах проведения следственных действий в отношении несовершеннолетних на примере допроса. Следователю необходимо внимательно изучить материалы конкретного уголовного дела, определить предмет допроса несовершеннолетнего лица; уделить время изучению личности подростка, его качеств, черт, места в сложившихся уголовно-правовых отношениях; определить время, место, длительность предстоящего следственного действия.

Залог успешно проведенного следственного действия с участием несовершеннолетнего — в совокупности организационных, психологических мероприятий, заранее спланированных должностным лицом и грамотно воплощенных в действительность.

Следует обратить внимание на необходимость и обязательность использования в ходе допроса несовершеннолетнего видеосъемки. Именно наличие видеозаписи дает возможность следователю (дознавателю), в производстве которого находится уголовное дело, проанализировать проведенный допрос, поведение подростка, обратиться за помощью к специалисту. Психологические особенности развития несовершеннолетних обуславливают определенные сложности при получении от них показаний, что свидетельствует о необходимости привлечения к следственным действиям педагога или психолога.

Согласно ст. 191 УПК РФ при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, педагог или психолог уча-

ствуют в обязательном порядке; при проведении вышеуказанных следственных действий с участием 16-летнего — по усмотрению следователя. В большинстве случаев к допросу с участием несовершеннолетнего лица, достигшего 16 лет, привлекается педагог, реже — психолог.

По мнению А. Н. Бычкова, педагог вовлекается как участник следственного действия для обеспечения нормального взаимодействия подростка со следователем, который, как правило, лишен навыков ведения переговоров с несовершеннолетними. Кроме того, А. Н. Бычков утверждает, что «психолог» и «педагог» — понятия нетождественные, хотя оба названных субъекта наделены знаниями в подобных областях, и цель их участия в расследовании различна. Так, в целях проведения конкретного следственного действия, не связанного с изучением личности несовершеннолетнего, необходимо приглашение педагога. Психолог тоже может быть привлечен, но для исследования личности ребенка, мотивов его поведения, в целях выявления симуляции определенных отклонений⁴.

Таким образом, вопросы привлечения педагога и психолога к следственным действиям недостаточно урегулированы с научной точки зрения. При этом педагог (психолог) должен выполнять особые функции, связанные с оказанием содействия следователю (дознавателю) в редактировании понятных несовершеннолетнему вопросов; устанавливать психологический контакт с допрашиваемым и стабилизировать этот контакт; защищать указанных лиц от бесосновательного психического воздействия допрашивающего лица; оказывать содействие органам предварительного следствия и суду в выявлении причин и условий преступления⁵. Эффективной представляется практика внедрения предшествующей основной беседе в рамках допроса подготовительной беседы психолога с несовершеннолетним. Проводить ее целесообразно для установления межличностного психологического контакта.

Педагог (психолог) при проведении следственных действий с участием несовершеннолетних должен обладать рядом прав, такими как знать, с какой целью и для решения каких задач он вызван; знакомиться до начала следственного действия (в рамках подготовки к нему) с материалами уголовного дела, характеризующими личность несовершеннолетнего;

⁴ Бычков А. Н. Участие педагога в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2007. С. 24.

⁵ Марковичева Е. В., Татьяна Л. Г. Проблемы участия педагога и психолога в уголовном процессе // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2017. № 2. С. 27–33.

отказаться от участия в производстве по уголовному делу, если он не обладает соответствующими специальными знаниями; задавать вопросы участникам следственного действия; знакомиться с протоколом следственного действия, в котором он участвовал, и делать заявления и замечания, которые подлежат занесению в протокол; приносить жалобы на действия (бездействие) и решения лица, в производстве которого находится уголовное дело, ограничивающие его права.

Вышеуказанные дополнения необходимы для достижения основной цели, которую поставил законодатель, определяя особенности производства по уголовному делу в отношении несовершеннолетних, а именно — защита их прав.

Ю. С. Митькова

Отдельные проблемы уголовно-процессуального института обжалования в досудебном производстве по уголовным делам

В соответствии с ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. К эффективному способу защиты в рамках досудебного уголовного производства относится реализация права на обжалование действий (бездействия) и решений органов государственной власти и их должностных лиц в различные официальные инстанции (судебные и несудебные).

Анализ официальной судебной статистики за период 2018–2020 гг., размещенной на сайте Судебного Департамента при Верховном Суде РФ, показывает снижение общего объема жалоб, заявленных в рамках досудебного производства, что может свидетельствовать об определенных сомнениях участников уголовного процесса в эффективности рассматриваемого уголовно-процессуального института и имеющихся недостатках правового регулирования деятельности, связанной с процедурой обжалования¹.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает несколько форм обжалования действий (бездействия) и решений лиц, ведущих уголовный процесс на досудебных стадиях уголовного су-

¹ Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2018–2020 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=80> (дата обращения: 25.01.2022).

допроизводства, в зависимости от субъекта рассмотрения жалоб: надзорный порядок (рассмотрение жалобы прокурором в порядке ст. 124 УПК РФ), судебный порядок (судом в порядке ст. ст. 125, 125¹ УПК РФ), «ведомственный» порядок (руководителем следственного органа в порядке ст. 124 УПК РФ). Сразу отметим, что начальник подразделения дознания и начальник органа дознания, будучи субъектами ведомственного процессуального контроля при реализации дознания как формы предварительного расследования, законодателем не удостоены права рассматривать и разрешать жалобы на допущенные подчиненными дознавателями нарушения уголовно-процессуального закона.

Лицо, которое полагает, что его права были нарушены тем или иным действием (бездействием) либо решением субъекта, ведущего уголовный процесс (следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания, прокурор), наделенного властными полномочиями, вправе самостоятельно выбрать форму обжалования, руководствуясь при этом общими положениями данного уголовно-процессуального института.

В целом усмотрение заявителя жалобы в вопросе выбора субъекта обжалования в определенной степени ограничено лишь предписаниями ч. 1 ст. 125 УПК РФ, согласно которой предметом судебного рассмотрения жалобы могут стать отдельные процессуальные акты органа досудебного производства: постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и постановление о прекращении уголовного дела. Кроме того, законодатель для обозначения круга разрешаемых в порядке ст. 125 УПК РФ вопросов использует обобщающую формулировку «иные действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию». Тем не менее эти положения требуют разъяснения.

Пленум Верховного Суда РФ² отнес к затрудняющим в досудебном производстве доступ граждан к правосудию действия (бездействие) либо решения должностных лиц, которые исключали бы возможность дальнейшего движения уголовного дела или материалов и препятствовали бы

² О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

осуществлению заинтересованными лицами своих субъективных прав (отказ в приеме сообщения о преступлении, постановление о приостановлении предварительного расследования и т. п.).

Однако анализ судебной практики рассмотрения жалоб участников уголовного судопроизводства и иных лиц, чьи интересы затронуты обжалуемым действием или решением, показывает, что суды чаще всего принимают к рассмотрению жалобы, если в них содержится информация о нарушенных правах и законных интересах заявителя³.

Право выбора определенной процедуры обжалования может зависеть, в частности, от правового статуса должностного лица, законность и обоснованность действия или решения которого подвергаются заявителем сомнению. Так, действия и решения следователя могут быть обжалованы руководителю следственного органа, прокурору либо в суд, действия и решения руководителя следственного органа — прокурору или в суд, действия дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника дознания — прокурору либо в суд, действия и решения прокурора — в суд. Указанное позволяет проследить определенную иерархию в системе обжалования, которую возглавляет суд, поскольку действия и решения любого из субъектов, наделенных властными полномочиями, могут быть подвергнуты судебному обжалованию в порядке, предусмотренном ст. ст. 125, 125¹ УПК РФ. Прокурор в свою очередь вправе рассмотреть жалобы на действия и решения любых органов предварительного следствия и дознания, а к руководителю следственного органа можно обратиться с жалобой лишь на действия сотрудников следственных подразделений, подконтрольных ему в рамках одного ведомства.

Несмотря на внешнее позитивное значение подобной диспозитивности норм уголовно-процессуального института обжалования, в правоприменительной деятельности органов уголовного судопроизводства направление жалобы одновременно нескольким субъектам может создавать затруднения с организацией ее разрешения, приводить к конфликтам между уровнями системы обжалования. Кроме того, ведомственный контроль может обусловить лоббирование руководителями собственных ведомственных интересов, что в итоге вынудит заявителей обратиться в вышестоящую инстанцию.

В связи с этим в уголовно-процессуальной литературе некоторыми авторами высказываются мнения о потребности в реформировании дан-

³ Обобщение практики рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ // Верховный Суд Республики Калмыкия. URL: <http://vs.kalm.sudrf.ru/> (дата обращения: 08.01.2022).

ного правового института и целесообразности исключения «ведомственного» элемента из системы обжалования⁴.

Однако в данном случае стоит учитывать не только ведомственную заинтересованность в недопущении ухудшения статистических показателей деятельности правоохранительных органов, но и более оперативное разрешение данных жалоб субъектами ведомственного контроля, поскольку в такой ситуации практически не затрачивается (либо значительно сокращается) время на истребование (а часто и изучение) материалов по жалобе и нет необходимости вызова сторон (как, например, в суде).

Помимо этого, с положительной точки зрения следует отметить и непосредственное принятие мер соответствующего реагирования по восстановлению нарушенных прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и иных лиц, в то время как суд признавал бы обжалуемые действия (бездействие) и решения незаконными, а затем направлял бы принятый судебный акт для исполнения.

Таким образом, современные процедуры обжалования в судебные и несудебные инстанции действий (бездействия) и решений субъектов уголовного процесса в рамках досудебного производства и возможность выбора заявителем той или иной формы обжалования позволяют соблюсти права и законные интересы участников уголовного судопроизводства и иных лиц и не нуждаются в упразднении ведомственного обжалования из состава данного уголовно-процессуального института.

К. Д. Николаев

Нормы об основании уголовной ответственности и об основаниях отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела в системе норм Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Российской Федерации

Имеется определенная зависимость уголовного права как системы от многих внешних факторов (среды), влияющих как на форму, так и на содержание рассматриваемого правового явления. В частности, можно говорить о влиянии на уголовное право (в ряде случаев это влияние взаимное) других отраслей права, например уголовно-процессуального.

⁴ Тутикова И. А. Внесудебный порядок рассмотрения жалоб участников уголовного судопроизводства (в порядке ст. 124 УПК РФ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С. 10.

В уголовной юстиции применение норм Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Российской Федерации тесно связано. Например, квалификация преступлений осуществляется на разных стадиях уголовного процесса. В связи с этим нормы обоих кодексов, имеющие отношение к сходным институтам, должны гармонично сочетаться, дополнять, а не дублировать друг друга, тем более не противоречить.

С этой точки зрения представляют интерес норма об основании уголовной ответственности УК РФ и нормы об основаниях отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела УПК РФ.

Согласно ст. 8 УК РФ «основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом», т. е. для привлечения лица к уголовной ответственности необходимо установить, что имело место совершение конкретного деяния и это деяние содержит все признаки состава преступления, закрепленного в соответствующей норме Особенной части УК РФ. Иначе говоря, совершено преступление.

Таким образом, преступление выступает юридическим фактом, порождающим уголовно-правовые отношения между лицом, совершившим преступление, и соответствующими государственными компетентными органами. В теории уголовного права нет единства мнений по поводу момента возникновения уголовной ответственности. Например, высказаны мнения, что уголовная ответственность может возникнуть с момента совершения преступления или с момента возбуждения уголовного дела. Отметим, что обе эти точки зрения имеют право на существование.

В связи с этим следует обратиться к ст. 24 УПК РФ «Основания отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела». Часть 1 данной статьи гласит: «Уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению по следующим основаниям: 1) отсутствие события преступления; 2) отсутствие в деянии состава преступления». Содержание приведенных норм УПК РФ находится «в русле» ст. 8 УК РФ, т. е. пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ полностью согласуются со ст. 8 УК РФ, названные нормы дополняют друг друга.

Действительно, если будет установлено отсутствие события преступления или отсутствие в деянии состава преступления, то уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению, так как отсутствует основания уголовной ответственности, закрепленные в ст. 8 УК РФ. Например, никакого деяния совершено не было (как действия, так и бездействия), следовательно, отсутствует событие преступления. Или же было установлено, что деяние имело место,

однако в нем отсутствуют признаки состава преступления. В обоих этих случаях нет юридического факта, на основании которого могут возникнуть уголовно-правовые отношения между лицом и государством в лице его компетентных органов по поводу привлечения к ответственности этого лица.

Таким образом, можно констатировать, что ст. 8 УК РФ и пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в совокупности входят в систему норм, содержащих ключевые «маркеры», определяющие возможность либо невозможность возникновения уголовно-правовых отношений и привлечения лица к уголовной ответственности. Если ст. 8 УК РФ закрепляет основание уголовной ответственности (при отсутствии которого привлечение к таковой невозможно), то пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ содержат основания отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела (при наличии которых привлечение к уголовной ответственности невозможно). Относительно содержания можно утверждать, что анализируемые нормы УК РФ и УПК РФ являются «зеркальным отражением» друг друга. Пункты 1 и 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ адаптируют с точки зрения уголовного процесса положения ст. 8 УК РФ.

Д. В. Новокшенов

Презумпция невиновности — принцип уголовного процесса и его место в уголовном судопроизводстве

Современное российское законодательство, особенно уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное, закрепляет принципы соответствующей отрасли права.

Статья 6 УПК РФ, с нашей точки зрения, не отражает в полном объеме назначение и необходимость уголовного процесса. Считаем, что ст. 2 УПК РСФСР была более удачной. Аналогична позиция по этому вопросу А. Б. Барихина¹.

Значение принципов уголовного процесса заключается в том, что они служат достижению цели и задач судопроизводства. Закрепленные в Конституции РФ и УПК РФ они определяют главные черты, присущие уголовному судопроизводству, пронизывают всю систему норм уголовно-процессуального закона РФ².

¹ Барихин А. Б. Большая юридическая энциклопедия. М., 2010. С. 871.

² Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс) : учебник / под ред. Э. К. Кутуева и В. П. Сальникова. СПб., 2019. С. 63.

Среди принципов уголовного процесса значительное место занимает презумпция невиновности, сущность которой определена в ст. 49 Конституции РФ. В соответствии со ст. 14 УПК РФ обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном УПК РФ порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Таким образом, только суд с соблюдением правовых процедур, установленных УПК РФ, может сделать вывод о виновности того или иного человека в совершении преступления. В связи с этим заслуживает одобрения позиция А. С. Шаталова, в соответствии с которой виновность считается установленной не с момента провозглашения приговора, а с момента вступления его в законную силу, т. е. по истечении срока апелляционного обжалования решения, вынесенного судом³.

Впервые принцип презумпции невиновности сформулировал в труде «О преступлениях и наказаниях» итальянский ученый Чезаре Беккариа в 1764 году: «Никто не может быть назван преступником, пока не вынесен обвинительный приговор»⁴.

Подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывать обвинения и опровержения доводов, приводимых в их защиту, находится на стороне обвинения.

Все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном УПК РФ, толкуются в пользу обвиняемого. При этом приговор не может быть основан на предположениях.

Как видим, в чч. 2–4 ст. 14 УПК РФ закреплены определенные выводы из содержания рассматриваемого принципа, которые имеют важное не только теоретическое, но и практическое значение.

Представляется актуальной и заслуживающей одобрения точка зрения, что в уголовном процессе функция обвинения как обособленное направление процессуальной деятельности отсутствует. Закон не возлагает ни на одного из участников уголовного процесса специальной роли и назначения, ограниченных целью собирания, проверки и оценки только обвинительных доказательств, изобличения обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) в совершении преступления⁵.

³ Шаталов А. С. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. М., 2021. С. 95–96.

⁴ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 393.

⁵ Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде. Советский уголовный процесс. М., 1982. С. 47–48.

По мнению О. В. Михайловой, презумпция невиновности в судопроизводстве — это положение, согласно которому человек считается невиновным до тех пор, пока его вина не доказана⁶.

Более того, презумпция невиновности — это один из важнейших демократических принципов уголовного процесса, который обеспечивает охрану прав личности, исключает необоснованные обвинения и осуждения. Однако она может быть опровергнута, но только путем доказывания установленными процессуальным законом средствами и лишь при наличии достаточных судебных доказательств, относимых к уголовному делу и допускаемых законодательством, причем обязанность доказывания возлагается на органы обвинения⁷.

Следует отметить, что презумпция невиновности не только закреплена как принцип уголовного процесса. В некоторых нормах УПК РФ подробно раскрыто ее содержание. Так, признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств (ст. 77 УПК РФ).

Исследование рассматриваемой проблемы нам представляется одним из перспективных направлений совершенствования презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве.

Л. В. Попова

Особенности приобретения лицом статуса «подозреваемый»

В уголовном процессе существуют конкретные основания для выдвижения подозрения, которые определяют законность вовлечения лица в судопроизводство в качестве подозреваемого. Осуществляя деятельность по сбору доказательств, наличие которых позволяет выдвигать версии о возможной причастности к общественно опасному деянию конкретного лица, следователь (дознатель) в рамках уголовного дела стремится к достижению истины. В процессе проверки полученных сведений у следователя накапливаются фактические данные, оценка которых приводит к предположению о совершении преступления тем или иным лицом. Нельзя не понимать, что подозреваемый является наиболее беззащитным участником стороны обвинения, который возникает на перво-

⁶ Михайлова О. В. Толковый словарь русского языка. СПб., 2018. С. 399.

⁷ Барихин А. Б. Указ. соч. С. 657.

начальном этапе расследования, когда крайне не хватает времени и информации для принятия конкретного процессуального акта, влекущего ущемление прав и свобод человека. Некоторые практические работники упускают из виду, что одного лишь подозрения далеко не всегда будет хватать для задержания в процессуальном смысле. Возможно, стоит ввести понятие «заподозренное лицо», таковым следует считать лицо, вовлеченное в уголовное судопроизводство, в отношении которого есть не проверенные в соответствии с требованиями УПК РФ данные, указывающие на его причастность к совершению преступления, но они недостаточны для наделения его статусом подозреваемого, определенного ч. 1 ст. 46 УПК РФ.

Думается, если лицо фактически не имеет статуса подозреваемого, то его участие в следственных действиях, например в качестве учащего свидетеля, представляется некорректным. Приобретая статус свидетеля, лицо лишается возможности участвовать в производстве по делу, осуществлять право на защиту от подозрения, доказывать свою непричастность, в отличие от ситуации, в которой это же лицо приобрело бы статус подозреваемого. Следовательно формально должен предупредить допрашиваемого об ответственности за дачу ложных показаний, и сам факт этого предупреждения может быть расценен стороной защиты как психологическое давление. А вот допрос в качестве свидетеля лица, заподозренного в совершении преступления, с соблюдением предусмотренного Конституцией РФ права не свидетельствовать против себя не противоречил бы нормам УПК РФ, это лицо могло пользоваться правом участия защитника по назначению. Конечно, порядок работы с заподозренным лицом требует тщательной проработки, но сама мысль об этом, на наш взгляд, имеет право на существование. Так, Е. В. Сопнева утверждает: «Осмысление и формирование теоретических свойств заподозренного лица позволят в дальнейшем обеспечить качественную реализацию его статуса в законодательстве. Например, путем нормативного установления его прав и обязанностей в ст. 46¹ УПК РФ „Заподозренное лицо“»¹.

Обратим внимание и на другую проблемную ситуацию. Следователь возбудил уголовное дело по признакам преступления и одновременно в отношении конкретного лица. В этом случае данное лицо приобретает статус подозреваемого буквально с первого дня, и у него появляется возможность реально использовать свои права и требовать

¹ Сопнева Е. В. Развитие представлений о заподозренном лице // Актуальные проблемы уголовного права. 2014. № 11(48). С. 2569.

гарантий, предусмотренных УПК РФ, в частности обжаловать решение о возбуждении уголовного дела. А если дело возбуждается по факту совершения преступления, когда в материале проверки фигурирует лицо? Обычно это происходит в двух случаях: во-первых, если следователь идет на нарушение, чтобы не знакомить фигурирующее лицо с постановлением о назначении экспертизы и ее результатом, из которого оно может получить определенные сведения для выдвижения оправдывающей версии, или дознаватель не желает применять возможный способ дознания в сокращенной форме; во-вторых, если фигурируют 2 лица с противоположной позицией, один из которых может быть в дальнейшем обвиняемым, например по делам о ДТП, связанным со столкновением транспортных средств. Фактические подозреваемые остаются за рамками этого статуса. Было бы целесообразно законодательно дополнить УПК РФ нормой, из которой следовало бы, что если в материалах проверки сообщения о преступлении фигурирует лицо и о нем не указывается в резолютивной части постановления о возбуждении уголовного дела, то в описательной части должна быть отражена причина, по которой дело возбуждается не в отношении конкретного лица. Например, указать: «В ходе осмотра места происшествия домовладения гр. Несмиянова А. А. обнаружен предмет — ружье с укороченным стволом, который признан огнестрельным оружием. Опрошенный Несмиянов А. А. факт принадлежности ему ружья отрицает, так как в доме проживал еще и ранее умерший брат. В связи с этим целесообразно возбудить уголовное дело по факту обнаружения оружия». Конечно, такое нововведение спорно, но это хоть как-то предотвратит процессуальную неопределенность со стороны лиц, осуществляющих досудебное производство по делу.

Наделение лица статусом подозреваемого возможно несколькими способами, один из них — уведомление о подозрении в совершении преступления. В некоторых юридических изданиях отражена позиция, что процедура уведомления о подозрении при производстве дознания выступает способом предъявления обвинения, совпадающим по большинству признаков с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого². Дознаватели нередко придерживаются такой позиции и оттягивают время вручения уведомления до установления всех обстоятельств, подлежащих доказыванию. На наш взгляд, такие требования слишком строги, ведь сущность уведомления о подозрении состоит только в своевремен-

² Безлепкина Б. Т. Настольная книга следователя и дознавателя. 4-е изд. М., 2020. С. 64.

ном наделении заподозренного лица статусом подозреваемого путем, который не требует процессуального принуждения.

Сложившаяся в российском уголовном законодательстве традиция, заключающаяся в признании лица подозреваемым *ipso facto*, вследствие вынесения решения о возбуждении уголовного дела, нуждается в определенном совершенствовании. Можно предположить, что это будет заключаться в следующем: признание лица подозреваемым должно не выводиться из решения, а прямо фиксироваться в резолютивной части постановления. Мы получаем такое определение: если в отношении конкретного лица возбуждено уголовное дело, в постановлении должно содержаться решение о признании этого лица подозреваемым, о чем делается соответствующая запись в резолютивной части. Такая позиция позволит ясно представлять свой процессуальный статус лицу, в отношении которого вынесено такое постановление.

Говоря о приобретении лицом положения подозреваемого, нельзя не остановиться на вопросе прекращения этого статуса. В случае опровержения подозрения совокупностью собранных по делу доказательств закон предусматривает прекращение уголовного преследования в отношении подозреваемого без прекращения уголовного дела (ч. 4 ст. 27 УПК РФ). Но остается недосказанным определение срока вынесения постановления об этом. Лицо перестает быть подозреваемым и при прекращении к нему задержания в порядке ст. 91 УПК РФ, если после этого не избрана мера пресечения до предъявления обвинения. Но это делается автоматически или нужно выносить постановление? Думается, что решение о прекращении уголовного преследования должно быть вынесено, иначе лицо будет находиться в неопределенном состоянии и это может влиять на дальнейшие действия по отношению к нему, например на назначение судебно-психиатрической экспертизы, которая без согласия лица может проводиться только подозреваемому. Данный пробел подлежит устранению.

И. Ю. Таричко

Трансформация назначения уголовного процесса как результат ошибочных политических решений

УПК РСФСР не содержал понятия «цель уголовного процесса». Однако в ст. 2, которая была посвящена задачам, прослеживались как минимум две цели советского уголовного процесса — упрочение государ-

ственных позиций в сфере уголовной юстиции и достижение социальной справедливости. Вместе с тем анализируемая норма была подвергнута критике со стороны некоторых ученых. Так, И. Б. Михайловская отмечает нереальность закрепленных в ст. 2 УПК РСФСР требований, их ориентированность на абсолютную безошибочность принимаемых решений, что в итоге порождает представление о том, что «интегративной целью всех компонентов системы уголовной юстиции является борьба с преступностью»¹.

Отметим, что уголовный процесс большинства государств предполагает обязанность оградить личность от преступных посягательств, что означает нацеленность на защиту интересов гражданина, так или иначе вовлеченного в уголовное судопроизводство. Как отмечено в Международной амнистии по справедливому судопроизводству, каждый уголовный процесс является проверкой уважения государством прав человека². При этом анализ законодательства РФ и международно-правовых актов свидетельствует об их преимущественной направленности на обеспечение защиты лиц, нарушающих закон — подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений³.

К сожалению, благие намерения законодателя привести нормы российского закона в соответствие с международно-правовыми актами и тем самым приблизить отечественное уголовное судопроизводство к мировому уровню сопровождались рядом ошибочных политических решений, что в свою очередь обусловило кардинальную трансформацию задач и целей уголовно-процессуальной деятельности.

Так, анализ норм УПК РФ приводит к мысли о желании законодателя изменить традиционный — смешанный — российский уголовный процесс, вдохнуть в него идеи, на протяжении веков естественным образом сопровождавшие англосаксонскую систему права, где судопроизводство характеризуется стремлением к доказанности, но не к истине как выражению социальной, а не процессуальной (формальной) справедливости.

По мнению Е. Б. Мизулиной (идеи ее докторской диссертации были положены в основу конструирования новой модели УПК РФ), «истин-

¹ Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М., 2003. С. 29–31.

² Международная амнистия: руководство по справедливому судопроизводству. М., 2003. С. 3.

³ Волженкина В. М. Европейская конвенция о защите прав человека и российский уголовный процесс. СПб., 1998. С. 31.

ным должен быть не способ, а результат уголовно-процессуальной деятельности»⁴.

Развивая данный тезис, И. Б. Михайловская отмечает, что отсутствие в УПК РФ термина «истина» не случайно, поскольку нормативное требование ее обязательного достижения по каждому уголовному делу вполне закономерно при розыском построении процесса, но не при состязательности⁵.

Однако российский уголовный процесс, несмотря на наличие в системе принципов состязательности, по сути, является смешанным, значит, говорить о необходимости полного нивелирования положения об истине преждевременно и вряд ли оправданно.

По справедливому замечанию Ю. В. Деришева, «отказавшись от категории „истина“ не только в тексте нового УПК РФ, но и по существу, законодатель проигнорировал и традиционное назначение уголовного процесса, подменив его очень расплывчатой охранной функцией, чем в свою очередь значительно ослабил аксиологическое содержание уголовного судопроизводства и нарушил его теологические основы»⁶. Вероятно, такой подход был навеян членам рабочей группы в ходе консультаций и ознакомительных командировок американскими экспертами⁷. Однако вопрос об истине как цели процесса активно обсуждается и в юридической литературе США, не являясь столь очевидным и однозначным для американских правоприменителей, как это представляли разработчики УПК РФ.

Еще одним камнем преткновения на пути формулирования целей и задач уголовно-процессуальной деятельности стала «вульгарная», с точки зрения авторов Концепции судебной реформы в РФ, идея борьбы с преступностью. По их мнению, целью уголовной юстиции должна выступать защита общества от преступных посягательств путем реализации уголовного закона⁸. Однако, заметим, такая постановка вряд ли корректна в силу того, что защитить можно от того, что еще не произошло. В случае с уже совершенным преступлением необходимо говорить о восстановлении социальной справедливости путем быстрого и полного раскрытия преступления, изобличения виновных и назначения им справедливого наказания.

⁴ Уроки реформы уголовного правосудия в России. М., 2006. С. 81.

⁵ Михайловская И. Б. Указ. соч. С. 41.

⁶ Деришев Ю. В. Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России. Омск, 2004. С. 57.

⁷ Уроки реформы уголовного правосудия в России. С. 95–98.

⁸ Концепция судебной реформы в РФ. М., 1992. С. 18, 19, 86.

Подводя итог, определим лишь некоторые политические решения, спровоцировавшие трансформацию назначения уголовного процесса.

1. Конструирование УПК РФ на основе спорной частной технологической теории.

2. Провозглашение в числе ключевых задач судебной реформы деидеологизации уголовной юстиции и распространение состязательности на все стадии уголовного процесса.

3. Игнорирование российских правовых традиций, менталитета, общественных потребностей, а также мировых тенденций в вопросе отказа от истины.

4. Привлечение к разработке отечественного уголовно-процессуального закона представителей англосаксонской правовой семьи.

Е. С. Ткачёва

Способы обжалования решений об ограничении конституционных прав личности в досудебном производстве

Конституционные права личности могут быть ограничены по решению лица, производящего расследование (следователь, дознаватель), либо по его инициативному обращению судебным постановлением (ч. 2 ст. 29 УПК РФ).

Круг лиц, имеющих право на обжалование, определяется не только преследуемыми лицами (подозреваемый, обвиняемый), но и такими участниками уголовного судопроизводства, как потерпевший, свидетель, а также иные лица в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы (ч. 1 ст. 123 УПК РФ)¹.

¹ Верховный Суд РФ применительно к судебному порядку обжалования (ст. 125 УПК РФ) разъясняет, что жалобу на процессуальные решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора вправе подать любой участник уголовного судопроизводства или иное лицо в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают его интересы, а также действующий в интересах заявителя защитник, законный представитель или представитель (*О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации* п. 5: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

Право на обжалование процессуальных действий и решений закреплено в качестве принципа уголовного судопроизводства (ст. 19 УПК РФ). Глава 16 УПК РФ регламентирует различные способы обжалования решений властных субъектов, в том числе тех, которые касаются ограничения конституционных прав личности. Законность и обоснованность указанных решений может быть проверена посредством:

- 1) ведомственного процессуального контроля (ст. 124 УПК РФ);
- 2) прокурорского надзора (ст. 124 УПК РФ);
- 3) судебного контроля (ст. 125 УПК РФ).

Отдельно в УПК РФ выделяется такой способ обжалования, как обжалование постановления судьи об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу или об отказе в этом (ч. 11 ст. 108 УПК РФ)². Это обусловлено особой значимостью принимаемого судом решения, связанного с ограничением важнейшего права личности — права на свободу (ст. 22 Конституции РФ). Законодатель учитывает, что его ограничение применяется к лицу, еще не признанному виновным (в отношении которого еще не опровергнута презумпция невиновности), поэтому предусматриваются более широкие процессуальные гарантии в виде обжалования решения суда в апелляционном порядке.

Постановление судьи о продлении срока ареста, наложенного на имущество, сохранении или изменении ограничений, связанных с владением, пользованием, распоряжением арестованным имуществом, либо о полном или частичном отказе заявленного ходатайства также может быть обжаловано в вышестоящий суд в апелляционном, кассационном порядке (ч. 7 ст. 115¹ УПК РФ).

За период существования института обжалования в рамках УПК РФ 2001 г. (глава 16 УПК РФ) способы проверки законности, обоснованности и мотивированности процессуальных решений изменялись. В частности, они расширились за счет введения нового субъекта уголовного судопроизводства — руководителя следственного органа (п. 38¹ ст. 5 УПК РФ)³.

В результате проведенных в 2007 г. реформ между прокурором и руководителем следственного органа произошло значительное пере-

² Аналогичный порядок применяется при избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде запрета определенных действий (ч. 5 ст. 105¹ УПК РФ).

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» : федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

распределение процессуальных, прежде всего контрольно-надзорных, полномочий, что существенно отразилось и на институте обжалования.

Следует отметить, что в 2007 г.⁴, а затем и в 2015 г.⁵ в УПК РФ получили нормативное закрепление статусы начальника подразделения дознания (ст. 40¹ УПК РФ), начальника органа дознания (ст. 40² УПК РФ), которые наряду с органом дознания и руководителем следственного органа были включены в ч. 1 ст. 123 УПК РФ в качестве субъектов, чьи решения могут быть обжалованы. Однако в ст. 124 УПК РФ, регламентирующей порядок рассмотрения жалоб, указаны только руководитель следственного органа и прокурор (нормы ст. ст. 125, 125¹, 127 УПК РФ касаются порядка рассмотрения жалоб судом).

Существует ли такой способ обжалования, как обжалование начальнику подразделения дознания (ст. 40¹ УПК РФ), начальнику органа дознания (ст. 40² УПК РФ)?

Статья 19 УПК РФ закрепляет, что действия (бездействие) и решения суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя могут быть обжалованы в порядке, установленном УПК РФ.

Некоторые полномочия начальника подразделения дознания (п. 3 ч. 1 ст. 40¹ УПК РФ, пп. 1, 2 ч. 3 ст. 40¹ УПК РФ), а также начальника органа дознания (пп. 3, 4, 9, 10 ч. 1 ст. 40² УПК РФ), связанные с проверкой материалов уголовных дел, дачей указаний, отменой необоснованных постановлений дознавателя, проверкой законности и обоснованности принимаемых им решений, сходны с полномочиями руководителя следственного органа по осуществлению процессуального контроля (руководства) за следователем (пп. 2, 3, 11 ст. 39 УПК РФ).

Полагаем, что они в полной мере позволяют указанным субъектам рассматривать жалобы на их решения, действия (бездействие).

Кроме того, согласно ст. 2 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Фе-

⁴ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя : федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дерации» «граждане имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения, включая обращения объединений граждан, в том числе юридических лиц, в государственные органы, органы местного самоуправления и их должностным лицам, в государственные и муниципальные учреждения и иные организации, на которые возложено осуществление публично значимых функций, и их должностным лицам...». Статья 10 названного закона закрепляет корреспондирующую обязанность должностного лица объективно, всесторонне и своевременно рассмотреть обращение (жалобу). Указанные нормы подтверждают, что участники досудебного производства вправе обращаться с жалобой, в том числе и к начальнику подразделения дознания, начальнику органа дознания.

В пункте 5 приказа МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707 «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» (далее — Инструкция) оговаривается, что положения Инструкции не распространяются на правоотношения, возникающие в связи с рассмотрением обращений, которые регулируются в ином порядке, установленном международными договорами с участием Российской Федерации или законодательством Российской Федерации.

Согласно п. 124 Инструкции жалобы, поступившие в порядке ст. 124 УПК РФ, ходатайства по уголовным делам, находящимся в производстве органов предварительного следствия и дознания системы МВД России, регистрируются и учитываются в порядке, установленном Инструкцией, рассматриваются в соответствии с требованиями УПК РФ и приобщаются к материалам уголовного дела.

Таким образом, системный анализ норм уголовно-процессуального и иного законодательства, а также подзаконных ведомственных нормативно-правовых актов позволяет утверждать, что, несмотря на пробельность законодательной регламентации (отсутствие соответствующих указаний в ст. 124 УПК РФ), обжалование действий (бездействия) и решений дознавателя, затрагивающих конституционные права личности, начальнику подразделения дознания, начальнику органа дознания является еще одним способом обжалования.

Отсутствие в гл. 16 УПК РФ (в частности, в ст. 124 УПК РФ) прямого указания на них как на субъектов, уполномоченных рассматривать жалобы, может привести к тому, что соответствующие обращения будут рассматриваться не в уголовно-процессуальном, а административном

порядке, регламентированном Инструкцией, что, на наш взгляд, существенно снижает уровень правовой защищенности заинтересованных лиц⁶.

Считаем, что в уголовно-процессуальном законе должен быть закреплён универсальный (единый) уголовно-процессуальный порядок обжалования любого решения, действия (бездействия), сопряженного с ограничением конституционных прав личности в досудебном производстве, не требующий перманентного изменения (например, при изменении состава участников уголовного судопроизводства, обладающих полномочиями по осуществлению процессуального контроля).

В заключение отметим, что увеличение способов обжалования не является надлежащим инструментом устранения всех законодательных пробелов и само по себе не может защитить права и свободы личности, вовлеченной в орбиту уголовно-процессуальных отношений. Думается, необходимо направить усилия на совершенствование самой процедуры ограничения конституционных прав личности в досудебном производстве.

⁶ Стоит сказать, что в литературе поддерживается позиция необходимости внесения соответствующих изменений в ст. 124 УПК РФ. См., напр.: Овчинко О. А. К вопросу об обжаловании действий сотрудников дознания в российском уголовном судопроизводстве. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-obzhalovanii-deystviy-sotrudnikov-doznaniya-v-rossiyskom-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 14.03.2022).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамова Любовь Леонидовна — заместитель начальника кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России (Красноярск).

Азарёнок Николай Васильевич — докторант кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета, кандидат юридических наук, доцент (Екатеринбург).

Азимзода Шухрат Джурамурад — адъюнкт адъюнктуры Волгоградской академии МВД России.

Александров Александр Сергеевич — профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Алешина Мария Дмитриевна — курсант Нижегородской академии МВД России.

Аникушин Сергей Викторович — преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики командного факультета Санкт-Петербургского военного ордена Жукова Института войск национальной гвардии Российской Федерации.

Баранов Александр Михайлович — профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Бектева Виктория Сергеевна — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.

Бондарь Мария Михайловна — старший преподаватель кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России.

Бравилова Екатерина Александровна — доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент.

Брыляков Сергей Павлович — прокурор отдела по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельностью орга-

нов МВД России и Минюста России управления по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельностью прокуратуры Кемеровской области — Кузбасса, старший преподаватель юридического факультета Кузбасского института ФСИН России (Новокузнецк), кандидат юридических наук, доцент.

Гапонова Валентина Николаевна — доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России (Иркутск), кандидат юридических наук.

Головачук Ольга Сергеевна — доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), кандидат юридических наук.

Давлетов Ахтям Ахатович — профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), доктор юридических наук, профессор.

Дежнев Александр Сергеевич — профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Дикарев Илья Степанович — директор Института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

Журавлева Наталья Михайловна — старший преподаватель кафедры уголовного процесса Уральского юридического института МВД России (Екатеринбург), кандидат юридических наук.

Замуруева Елизавета Юрьевна — адъюнкт кафедры уголовного процесса Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

Зотова Анна Федоровна — старший преподаватель кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России.

Кальницкий Владимир Васильевич — профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, профессор.

Карлов Андрей Леонидович — старший преподаватель кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России (Красноярск).

Константинова Виктория Александровна — доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, кандидат юридических наук, доцент.

Коробкова Елена Евгеньевна — заместитель начальника кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Кузьменко Елена Сергеевна — ведущий научный сотрудник ВНИИ МВД России (Москва), кандидат юридических наук, доцент.

Куряхова Татьяна Владимировна — старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России.

Кутуев Эльдар Кяримович — профессор кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Лукьянова Алина Александровна — старший преподаватель кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России.

Лупандина Ирина Юрьевна — студент 3 курса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Мандрыка Юлия Сергеевна — преподаватель кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России.

Маринина Виктория Николаевна — доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент.

Миргородская Эльвира Руслановна — адъюнкт адъюнктуры Санкт-Петербургского университета МВД России.

Миронова Анна Валентиновна — начальник кафедры уголовного процесса Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Миронова Гаяна Александровна — адъюнкт кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России.

Митькова Юлия Сергеевна — доцент кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Муравьев Кирилл Владимирович — заместитель начальника Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова (по научной работе), доктор юридических наук, доцент.

Наумов Кирилл Александрович — адвокат адвокатской палаты г. Москвы, кандидат юридических наук.

Николаев Константин Дмитриевич — заместитель начальника кафедры уголовного права Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Николюк Вячеслав Владимирович — главный научный сотрудник Центра исследования проблем правосудия Российского государственного университета правосудия, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Новокшенов Дмитрий Вячеславович — начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Нуриев Ибиамин Нуру-оглы — преподаватель кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России (Хабаровск).

Орлова Алла Алексеевна — главный научный сотрудник НИЦ № 5 ВНИИ МВД России (Москва), доктор юридических наук, доцент.

Павлов Антон Васильевич — начальник кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Пилюшин Игорь Павлович — доцент кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Платонов Валентин Васильевич — адвокат филиала № 1 Омской областной коллегии адвокатов.

Победкин Александр Викторович — начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России (Москва), доктор юридических наук, профессор.

Политыко Ольга Евгеньевна — старший преподаватель кафедры уголовного процесса Уральского юридического института МВД России (Екатеринбург).

Поляков Михаил Петрович — профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования.

Попова Ирина Павловна — доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России (Иркутск), кандидат юридических наук, председатель Усть-Илимского городского суда Иркутской области в почетной отставке.

Попова Людмила Владимировна — доцент кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Пупышева Любовь Андреевна — доцент кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Разувакина Ирина Игоревна — старший преподаватель кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук.

Севостьянова Светлана Олеговна — старший преподаватель кафедры исследования документов учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России.

Семенчук Василий Владимирович — заместитель начальника кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России (Хабаровск), кандидат экономических наук, доцент.

Смирнов Владимир Николаевич — доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), член комиссии по вопросам помилования, образованной на территории Свердловской области, Заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Смолькова Ираида Вячеславовна — профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Института юстиции Байкальского государственного университета (Иркутск), Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Спирин Александр Владимирович — доцент кафедры уголовного процесса Уральского юридического института МВД России (Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент.

Стельмах Владимир Юрьевич — профессор кафедры уголовного процесса Уральского юридического института МВД России (Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент.

Степушов Михаил Юрьевич — адъюнкт кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России, начальник отделения 11 ОЭБиПК УМВД России по г. Нижнему Новгороду.

Судницын Алексей Борисович — начальник кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России (Красноярск), кандидат юридических наук, доцент.

Тактоева Вера Викторовна — старший преподаватель кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России (Иркутск).

Таричко Ирина Юрьевна — доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, кандидат юридических наук, доцент.

Телигисова Софья Сармановна — доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат педагогических наук.

Титов Павел Михайлович — преподаватель кафедры уголовного процесса Уральского юридического института МВД России (Екатеринбург), кандидат юридических наук.

Ткачёва Екатерина Сергеевна — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.

Чемерилова Елена Николаевна — старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России.

Шаухар Данияр Канатулы — преподаватель кафедры уголовного процесса Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Баримбека Бейсенова.

Шульгин Евгений Петрович — доцент кафедры уголовного процесса Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Баримбека Бейсенова, кандидат юридических наук.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Азарёнок Н. В. Уголовно-процессуальная защита жертв «домашнего» насилия в контексте исключения дел частного обвинения из УПК РФ.	3
Александров А. С. Вечно вчерашние: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, его писатели и читатели	7
Баранов А. М., Наумов К. А. Предъявление обвинения — исключительная функция прокурора	11
Давлетов А. А. УПК РФ: 20 лет безуспешных попыток превратить адвоката-защитника в равноправную сторону уголовного-процессуального состязания.	14
Дежнев А. С. Направления оптимизации правового регулирования наложения ареста на имущество в уголовном процессе.	18
Дикарев И. С. Уголовно-процессуальные особенности производства по уголовным делам о преступлениях террористической направленности	21
Кальницкий В. В. Перечитывая материалы первой конференции, посвященной принятию УПК РФ	25
Муравьев К. В. Оказание содействия по УПК РФ: понятие, виды, динамика развития и перспективы	30
Николюк В. В. К вопросу о «психологизации» уголовного судопроизводства: от педагога к психологу	33
Орлова А. А. К вопросу о практике реформирования уголовного судопроизводства	38
Победин А. В. О причинах несостоятельности Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.	42
Поляков М. П. Принцип инновационизма в уголовно-процессуальном законодательстве	46

Пупышева Л. А. Проверка законности судебных постановлений, принятых в порядке главы 47 УПК РФ	51
Смирнов В. Н. Проблемы процессуального контроля в досудебном производстве уголовного дела: несовершенство закона или пороки правоприменения?	56
Смолькова И. В. Нужен ли новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации?	63
РАЗДЕЛ II. ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО	
ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ	
И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ	
Бондарь М. М. Обвиняемый как участник досудебного производства: необходима ли модернизация процессуального статуса?	67
Головачук О. С. Перспективы частного обвинения в современном уголовном процессе	71
Карлов А. Л. Согласие с предъявленным обвинением не должно признаваться условием для заключения досудебного соглашения о сотрудничестве	75
Коробкова Е. Е. Институт привлечения в качестве обвиняемого требует реформирования: за и против	77
Куряхова Т. В. Основания и порядок продления срока производства по уголовному делу, переданному прокурором органу расследования после возвращения судом в порядке ст. 237 УПК РФ	80
Нуриев И. Н. К вопросу о необходимости закрепления в УПК РФ фиксированных сроков ознакомления с материалами уголовного дела	84
Разувакина И. И. Особенности организации и проведения проверки заявлений и сообщений о преступлениях в сфере компьютерной информации	87
Стедьмах В. Ю. Особенности нормативной регламентации порядка привлечения к уголовной ответственности лиц, наделенных иммунитетом от уголовного преследования	90
Тактоева В. В. Исчисление сроков проверки сообщения о преступлении	93
Титов П. М. К вопросу о дознании в сокращенной форме	96
Чемерилова Е. Н. Использование видео-конференц-связи при осуществлении международного сотрудничества	98

РАЗДЕЛ III. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

- Азимзода Ш. Д.** Сравнительно-правовой анализ отдельных положений института дознания, связанных с прекращением уголовного дела и привлечением лица в качестве обвиняемого, в уголовном процессе Российской Федерации и Республики Таджикистан 101
- Шаухар Д. К.** Некоторые особенности внедрения трехзвенной модели в уголовный процесс Республики Казахстан 105
- Шульгин Е. П.** Электронный формат досудебного производства (опыт Республики Казахстан) 109

РАЗДЕЛ IV. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

- Абрамова Л. Л.** Эффективность режима формирования данных о признаках преступления 112
- Бравилова Е. А.** Проблемы и перспективы совершенствования норм УПК РФ, регулирующих права адвоката-защитника при производстве следственных действий 118
- Журавлева Н. М.** Актуальные проблемы оценки доказательств, полученных на стадии возбуждения уголовного дела, при производстве дознания в сокращенной форме 122
- Зотова А. Ф.** Использование систем видео-конференц-связи как способ реализации принципа открытости уголовного судопроизводства 124
- Кузьменко Е. С.** Электронные доказательства и электронные носители информации в уголовном судопроизводстве: некоторые аспекты правовой природы 128
- Кутуев Э. К., Миргородская Э. Р.** Специальные правила распределения бремени доказывания при рассмотрении судом жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ 130
- Миронова Г. А.** Развитие в УПК РФ нормативной основы уголовно-процессуального доказывания 133
- Платонов В. В., Лупандина И. Ю.** О вопросе допустимости использования результатов психофизиологического исследования с применением полиграфа в доказывании по уголовному делу 137

Севостьянова С. О. Заключение специалиста в системе доказательств	140
Семенчук В. В. Вопросы участия в уголовном судопроизводстве лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность	143
Степушов М. Ю. К вопросу о смене концепции использования в уголовно-процессуальном доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности	148
РАЗДЕЛ V. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ	
Бектева В. С. Применение меры уголовно-процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество в рамках приостановленного уголовного дела	152
Брыляков С. П. Основания, условия и порядок применения государственного принуждения при производстве освидетельствования и получении образцов для сравнительного исследования	156
Замуруева Е. Ю. Система общих условий применения мер пресечения: перспектива развития	159
Лукьянова А. А. Заключение и содержание под стражей: основание и условия правомерности применения	163
Павлов А. В., Пилюшин И. П. Особенности оценки оснований избрания меры пресечения в виде заключения под стражу	167
Политыко О. Е. Некоторые особенности применения домашнего ареста	171
Спирин А. В. О некоторых аспектах прокурорского надзора за законностью применения мер пресечения в досудебном производстве	175
Судницын А. Б. Отход от гуманизации практики избрания меры пресечения в виде заключения под стражу или обеспечение надлежащего поведения обвиняемого?	179
Телигисова С. С. К вопросу о сходстве и различии запрета определенных действий и домашнего ареста	184

РАЗДЕЛ VI. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ
И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Алешина М. Д. Двадцать лет без телеологических амбиций: проблемы воплощения идеи неотвратимости наказания в УПК РФ	186
Аникушин С. В. Реализация общеправового принципа возможности восстановления и защиты прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве	190
Гапонова В. Н., Попова И. П. Реализация прав участников уголовного судопроизводства со стороны защиты в стадии возбуждения уголовного дела	192
Константинова В. А. Итоги и перспективы реформирования системы судебных решений в УПК РФ	196
Маринина В. Н. О понятии законных представителей несовершеннолетних в уголовном процессе	199
Миронова А. В., Мандрыка Ю. С. Организационные и психологические аспекты допроса несовершеннолетних (участие педагога и психолога)	203
Митькова Ю. С. Отдельные проблемы уголовно-процессуального института обжалования в досудебном производстве по уголовным делам	206
Николаев К. Д. Нормы об основании уголовной ответственности и об основаниях отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела в системе норм Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Российской Федерации	209
Новокшенов Д. В. Презумпция невиновности — принцип уголовного процесса и его место в уголовном судопроизводстве	211
Попова Л. В. Особенности приобретения лицом статуса «подозреваемый»	213
Таричко И. Ю. Трансформация назначения уголовного процесса как результат ошибочных политических решений	216
Ткачёва Е. С. Способы обжалования решений об ограничении конституционных прав личности в досудебном производстве	219
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	224

Научное издание

**20 ЛЕТ ДЕЙСТВИЯ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
УРОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Редактор О. В. Арефьева

Корректоры Л. И. Замулло, М. В. Виноградова

Технический редактор П. В. Ярославцева

ИД № 03160 от 02 ноября 2000 г.

Подписано в печать 16.05.2022. Формат 60×84/16. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 13,7. Уч.-изд. л. 13,6. Тираж 130 экз. Заказ № 137.

